

3
**ВИНОГРАДОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ** 2023

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
КАВКАЗОВЕДЧЕСКАЯ
ШКОЛА

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

ПОСВЯЩАЕТСЯ

100-ЛЕТИЮ

**ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК,**

100-ЛЕТИЮ

**АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА,**

85-ЛЕТИЮ

**ВИТАЛИЯ БОРИСОВИЧА
ВИНОГРАДОВА,**

60-ЛЕТИЮ

**НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
КАВКАЗОВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ**

2023

Международная академия информатизации
Общественная академия наук, культуры и образования Кавказа
Армавирский государственный педагогический университет
Научно-педагогическая Кавказоведческая Школа

ТРЕТЬИ ВИНОГРАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Международной
научно-практической конференции
(5 апреля 2023 г.)

УДК 9(с) 16
ББК 63.3 (2Р37)
В 49

Печатается по решению семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова.

- Редакционная коллегия: А.Ж. Арутюнян, д.и.н., профессор ЕГУ (Ереван, Армения), Н.Н. Великая, д.и.н., профессор (г. Армавир), С. А. Голованова, д.и.н. (г. Москва), Н.Н. Гарунова, д.и.н. профессор ДГУ (г. Махачкала), Дударев С.Л., д.и.н. профессор (ответственный редактор, г. Армавир), Ю.Ю. Клычников, д.и.н., профессор ПГУ (г. Пятигорск), И.А. Краснова, д.и.н., профессор СКФУ (г. Ставрополь), В.А. Матвеев, д.и.н., профессор ЮФУ (г. Ростов-на-Дону), Ю.В. Приймак, д.и.н., профессор АГПУ (г. Армавир).
- Составители: Б.В. Виноградов, д.и.н., профессор (г. Санкт-Петербург); Л.Н. Хлудова, к.и.н., доцент АГПУ (г. Армавир).
- Рецензент Ю.Г. Смертин, д.и.н., профессор (Кубанский ГУ).

В 49 Третьи Виноградовские чтения // Материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПУ, 5 апреля 2023 г.). — Армавир ; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2023. — 220 с. ; ил.

ISBN 978-5-6049353-1-6

В сборнике публикуются материалы третьей научно-практической конференции «Виноградовские чтения», посвященной 85-летию со дня рождения выдающегося отечественного археолога и историка-кавказоведа, профессора В.Б. Виноградова (1938–2012) и памятным датам из истории страны, главного армавирского вуза и Кавказоведческой Школы, прошедшей в Армавирском государственном педагогическом университете. Научные интересы ученого отражали его энциклопедические знания в области исторических наук: от проблем археологии Северного Кавказа до кавказской этнографии, исторического регионоведения Северного Кавказа, а также всеобщей истории и других наук. Этот широкий спектр демонстрирует как незаурядные способности В.Б. Виноградова, так и его яркий и богатый опыт вузовского ученого. Он всегда живо откликнулся на интересы студенческой аудитории и всесторонне был готов дать молодежи интересные и увлекательные поиски на путях гуманитарного знания в высшей школе. Как и ранее, в материалах данного сборника сфера разнообразных научных поисков В.Б. Виноградова получила отражение в разделах, посвященных отечественной и региональной истории, археологии и всеобщей истории Северного Кавказа. На страницах настоящего издания поместили свои работы академические и вузовские ученые, сотрудники музеев, экспедиций, магистранты, студенты из гг. Армавира, Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Ростова-на-Дону, Краснодар, Ставрополя, Пятигорска, Владикавказа, Махачкалы, Магадана, и других городов России, а также представители ближнего зарубежья. Они поделились своими воспоминаниями об ученом и некоторых страницах истории его Школы.

Для работников научных учреждений, преподавателей вузов, учителей школ, преподавателей средних профессиональных учебных заведений, студентов.

ISBN 978-5-6049353-1-6

© Дударев С.Л., 2023.
© Коллектив авторов, 2023.

ПРЕДИСЛОВИЕ

С момента проведения II Виноградовских чтений прошло уже пять лет. За это время в жизни в АГПУ, который стал той основой, на которой Школа В.Б. Виноградова обрела вторую жизнь, свершились важные перемены. В 2018 г., когда состоялись указанные чтения, наш вуз, как известно, готовился отметить свое 70-летие. Однако вместо этого празднования состоялось другое — отмечалось 95-летие АГПУ. Кому мы были обязаны такой неожиданной метаморфозой? Это был результат работы группы экспертов, которые по заданию ректора нашего вуза того периода, А.Р. Галустова, проделали большую работу как в архивах края, так и в плане юридического обеспечения обоснования новой даты. В результате их напряженного и кропотливого труда удалось выяснить, что наш нынешний вуз является правопреемником Армавирского педагогического училища, созданного в 1923 г. Особенно важно и приятно отметить что в составе той группы специалистов трудился и член Кавказоведческой Школы, известный армавирский историк С.Н. Ктиторов, внесший свой серьёзный вклад в ее работу. Именно поэтому мы нынче стоим на пороге столетнего юбилея главного армавирского вуза.

За названное пятилетие вуз вместе со страной прошел и проходит сейчас все трудные моменты ее истории. Это и нелегкая перестройка всей работы учреждения, особенного учебного процесса, в связи с пандемией коронавируса, и необходимость учета сложившейся ситуации, связанной с СВО. Тем не менее, работу всех структур, все начинания и замыслы, которые возникли ранее на факультетах, кафедрах, творческих коллективах, следует продолжать всеми возможными средствами. Нынешние Виноградовские чтения являются олицетворением этой мысли. Ведь Виталий Борисович Виноградов всегда стремился заниматься любимым делом, как бы сложно не было ему и основанному им сообществу. Начало 1990-х гг., когда сохранившаяся часть Кавказоведческой Школы оказалась в Армавире, было еще более тяжелым для Учителя и его ближайших сподвижников — они в то время только что утратили свою малую родину и, казалось, все свои немалые достижения. Но, как мы помним,

коллектив, основанный Виталием Борисовичем, как птица Феникс, возник из руин своей прошлой жизни...

Конечно, тогда во главе Школы был ее замечательный руководитель, полный творческой энергии и неиссякаемых замыслов. Сколько новых проектов, тем, вопросов, поворотов мысли, претворенных в АГПИ-АГПА-АГПУ принадлежит этому человеку, тому, кого одна из его учениц, первая женщина-доктор исторических наук из числа карачаевского народа, профессор Зарема Кипкеева назвала в своей телеграмме на смерть руководителя «великий ученый Кавказа». С потерей этой уникальной личности изменилось многое. Но Школа на протяжении 10 с лишним лет с момента ухода из жизни В.Б. Виноградова стремилась сохранять свое лицо. За эти годы было выполнено немало (гранты, конференции, монографии и статьи, и т. п.). Школа обрела новые грани (Интернет-сайт «Российский Кавказ» — roskav.ru, научный сериал «Известия научно-педагогической Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова» (на сегодняшний день состоялось 14 выпусков: вышли с 2016 г.), была создана базы данных КШВ, приобретали новое звучание прежние начинания (ЦАИ АГПУ), и т. д. Но время выдвигает новые требования, возникают серьезные форсмажорные обстоятельства. К тому же, жизнь берет свое: ушли на пенсию либо из жизни некоторые ветераны коллектива. Школе либо предстоит восполнить потери, принять вызовы, устремится к новым горизонтам, либо уйти в историю.

Публикуемые в данном сборнике материалы, представленные авторами из НИИ, вузов, музеев, средних общеобразовательных школ России, а также Армении, Украины, и Белоруссии, разбиты на следующие разделы — отечественная и региональная история, археология и всеобщая история, раздел, освещающий работу КШВ в последние 10 лет, прошедшие после кончины ее основателя, раздел, посвященный воспоминаниям о В.Б. Виноградове и его Школе. Сборник содержит и стихотворную страничку, посвященную замечательному ученому и эпизодам из его жизни и экспедиционного быта. Исследования авторов являются данью памяти незаурядной научной, педагогической и общественной деятельности В.Б. Виноградова.

Ответственный редактор
С.Л. Дударев

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Ю.Ю. КЛЫЧНИКОВ

(Пятигорск, РФ)

«Он мне давай гору золоту и мне с ним не миривитца»:
к оценке последствий возведения русской крепости
на Тереке в 1567 году

Начавшаяся Ливонская война заставила Ивана IV сосредоточить на северо-западном направлении основные военные силы Московского царства. Против Крыма предполагалось использовать потенциал северокавказских вассалов и союзников. Но очень скоро приходит осознание того, что они не могут самостоятельно справиться с этой задачей. Кабардинский князь Темрюк отчаянно нуждался в военной помощи, о чём и просил зятя летом 1565 г., прислав для этого в столицу своего сына Мамстрюка (Мастрюка). Амбициозный политик, решивший закрепить за собой статус первого среди князей Кабарды, явно обозлил не только соседей, но и конкурентов-соплеменников, ополчившихся против его замысла.

Одним из непримиримых соперников Темрюка был князь Пшеапшоко (Шепшук) Кайтукин, с которым объединился мурза Казый Ураков, возглавлявший Малую ногайскую орду, кочевавшую между Азовом и Северным Кавказом. Казый имел прочные связи с Крымским ханством и мог рассчитывать в случае необходимости на его поддержку. В сложившихся обстоятельствах в окружении Ивана IV принимается решение выручить вассала. Мамстрюку дали армию, и уже в сентябре 1565 г. отправили на враждебных его отцу «Кавардейских князей на Шопшука з братиею да на Тазрита да на Маита» [1]. И вновь неприятель был повержен. Пусть и удачные, но эпизодические, такие акции не могли решить проблем Темрюка. Нужно было постоянное присутствие русских войск во владениях князя, в чём он убеждал Ивана IV.

На переговорах, состоявшихся в декабре 1566 г., «Матлов-князь Темрюкович, шурина царя и великого князя», просил основать в их владениях «для бережения от недругов... город на реке Терке усть-Сююнчи» [2]. Наличие постоянного гарнизона должно было усилить политический вес Темрюка, а при необходимости поддержать его силой своих пушек и пищалей. В Москве сочли высказанные доводы убедительными, и в феврале 1567 г. глава посольства был отправлен домой не один, а с «городового дела князя Ондreja княже Семенова сына Бабичева да Петра Протасьева со многими людьми, да и наряд, и пушки и пищали, с ними в Черкасы послал...» [3].

Эффект от таких действий оказался значительным. Видимо, под впечатлением от произошедшего шамхал тарковский поспешил отправить в Москву посольство, обсуждавшее возможность установления вассалитета Ивана IV над этим дагестанским владением. Ради этого шамхал готов был уступить русским земли на реке Овечьи Воды для строительства там города.

Черкесы, которые выбрали себе покровительство крымского хана, прислали к нему людей с тревожными вестями о том, что возводимая русская крепость приведёт к результату, когда «не только им пропасть, но и Тюмен и Шевкал будут за Москвою» [4]. Но тот оказался бессилён помешать возведению города, который, согласно «Книге Большому чертежу», располагался «против устья реки Сунши, на другой стороне Терека» [5]. Россия, уже имевшая богатый опыт армирования своих пограничных рубежей с помощью крепостей и их гарнизонов, повторяла на Кавказе привычную и доказавшую свою эффективность модель военно-политического присутствия.

Высказывалось интересное предположение, что ещё до появления здесь царских воевод, в этих местах уже имелись русские поселения [6]. Здесь обустроились и поставили свои городки будущие гребенские казаки, которые, не выдерживая конкуренции с горскими племенами, в дальнейшем начнут выстраивать отношения и заручаться покровительством царской власти.

Зримое подтверждение успешной русской экспансии на Северном Кавказе побуждало её соперников к ответным действиям. Больше всего тревожились в Крыму, где рисовались мрачные перспективы оказаться окружёнными надёжно закрытыми рубежами Московского царства. В этом случае можно было забыть о приносящих прибыль набегах, что неминуемо вызвало бы политический и социально-экономический коллапс в ханстве. Девлет-Гирей заявлял, что возведение крепости во владениях Темрюка делает невозможными любые договорённости с Иваном IV, и хоть «он мне давай гору золоту и мне с ним не миривитца» [7].

Осенью 1567 г. сразу три крымских царевича обрушились на черкесов и, по их словам, захватили около 20 тысяч полона, угнав заодно

множество скота. Обо всём этом они сообщали русскому царю, требуя сноса его крепости. Но Иван IV отказался идти на уступки, мотивируя своё решение фактом родства с Темрюком, для защиты интересов которого и возвели Терский городок. Решительность Москвы была обусловлена информацией, что крымцы не настолько преуспели в этом набеге, как они старались представить. Татары потеряли много воинов, но при этом подчинить себе черкесов не смогли.

Если раньше крымский хан всячески убеждал турецкого султана не посылать свои войска на Астрахань, то теперь он уже сам считал этот поход необходимостью. Убедившись, что уговорами ему не заставить русских отказаться от своей власти над Казанью и Астраханью, он теперь рассчитывал на поддержку Стамбула. С аналогичными просьбами к султану обращались среднеазиатские купцы и шейхи, недовольные тем, что их торговля оказалась в зависимости от московского государя.

Новый правитель Оттоманской Порты Селим II планировал захватить Астрахань и держать в ней мощный гарнизон. О серьёзности намерений османов говорит тот факт, что они хотели соединить каналом Волгу и Дон. В случае успеха турецкий флот мог быть переброшен к персидским берегам Прикаспия. Вектор османских интересов смещался с запада на восток. В феврале 1568 г. был заключён Адрианопольский мирный договор между Селимом II и императором Священной Римской империи Максимилианом II, завершивший начавшуюся в 1566 г. войну между их государствами. Тогда же происходит сближение между султаном и польским королём, чьи интересы в ослаблении России полностью совпадали. Велись переговоры Польши и с Крымским ханством, которое действовало в данном случае в фарватере турецкой дипломатии.

В июле 1569 г. силы турецкого паши начали двигаться к намеченной цели. Но замысел османского командования почти сразу «затрещал по швам». Неудачей завершилась попытка прорыть канал между Доном и Волгой, не оправдалась надежда на массовый мятеж местных народов против русской власти, не удалось доставить к крепости осадную артиллерию. Между тем погода портилась, что не добавляло оптимизма осадной армии. Ходили слухи, что к русским вскоре подойдёт подкрепление. Готовое взбунтоваться войско заставило своего военачальника Касим-пашу начать отступление. В конце сентября османы навсегда покинули волжские берега, так и не выполнив воли своего правителя.

Дипломаты Ивана IV получили в свои руки серьёзный аргумент в диалоге с европейскими коллегами. Могущественные турки не смогли достичь победы над русскими, которых сам «бог оборонял» от происков неприятеля [8]. Произшедший инцидент не привёл к разрыву отношений с османами. Москва и Стамбул предпочитали сохранять взаимовыгодное, прежде всего, торговое сотрудничество, в котором были

заинтересованы обе стороны. Недаром И.П. Новосильцев в своём отчёте о предпринятой в январе – сентябре 1570 г. миссии для переговоров с султаном говорил, что «он от великого государя, царя всеа Русси, идет к брату его и другу к Селим-салтану» [9].

Но договариваться с Крымским ханством, почувствовавшим слабость своего давнего соперника, было куда труднее. Плата за поддержку северокавказского вассала оказалась непосильной для Ивана IV. Столь раздражающий фактор, как русская крепость на Тереке, вместо укрепления могущества Москвы привела к консолидации её недругов, усиливших натиск против общего противника.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Вторая половина. I. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая Царственная книга. Санкт-Петербург, 1906. С. 399.
2. Там же. С. 405.
3. Там же. С. 407.
4. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 3. Т. 5 и 6. История России с древнейших времён / отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. Москва: Мысль, 1989. С. 581.
5. Книга Большому чертежу / подготовка к печати и редакция К.Н. Сербиной. Москва; Ленинград: изд-во АН СССР. С. 91.
6. Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. О месте первоначального расселения гребенских казаков // Советская этнография. 1972. № 3. С. 38.
7. Цит. по: Садиков Н.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Москва, 1947. № 22. С. 145
8. Там же. С. 152–153.
9. Статейный список И.П. Новосильцева (Турция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 63.

Н. Н. ГАРУНОВА

(г. Махачкала, РФ)

Роль кизлярских комендантов в развитии торговли с феодальными владетелями Северо-Восточного Кавказа XVIII века

В XVIII веке формируются особенности взаимоотношений российских военных властей с дагестанскими владетелями. Их можно проследить по ряду архивных документов, среди которых большое место занимали вопросы организации торговой деятельности. Торговля в Прикаспии позволяла не просто сделать поступления в казну больше, но и при помощи льгот и преимуществ все больше привлекать на свою сторону феодальных владетелей. Главная роль в этой деятельности между участниками торгово-экономических отношений в данном регионе отводилась комендантам, которые должны были организовывать финансовые поступления в казну.

Многочисленные архивные документы позволяют получить подтверждение, что коменданты регулировали торговые отношения в регионе.

Например, «Донесение» Кизлярской пограничной таможни кизлярскому коменданту И.Л. Фрауендорфу от 9 марта 1760 г. об организации Персидской торговой компании с просьбой сообщить, не будет ли противоречить ее монополии мелкая торговля горских народов. Указано, «чтоб кроме оной Компании в отпуск в Персию, в Гилянию всяких товаров ни под каким видом — под конфискацією товаров, а за отпуск — под штрафом, никому не отпускать и не торговать и о прочем» [1].

В «Прошении» поверенного петербургских фабрикантов Я. Козлова кизлярскому коменданту И.Л. Фрауендорфу от 10 марта 1760 г. содержится просьба разрешить торговать на Северо-Восточном Кавказе русским холстом в целях приобретения сырья для красок. Купец пишет коменданту о злоупотреблениях, указывая, «прошу милостиво приказать вышеписанному поверенному Персидской компании Дмитриеву, дабы он в пропуске для настоящей российской коммерции и размножения краповых фабрик и покупки краски холста, покупного мною, пропустил без отрицания, дабы в том по привилегии российским фабрикам и хозяйскому капиталу подрыв не было» [2].

В «Прошении» поверенного казикумухского хана Низбадина Исмаилова кизлярскому коменданту И.Л. Фрауендорфу от 26 апре-

ля 1760 года, содержится просьба о разрешении на провоз товара для нужд хана «разных товаров по цене до 600 руб., которые мною и в Кизляр привезены, и об отпуске оных за границу в Кизлярскую пограничную таможенную подано было от меня объявление». «И естли, паче чаяние, реченной товар и всякие потребности для его собственного ханского употребления по ево чину на самую малую цену отпущены быть не могут, то чрез то учинится ему убыток и немалое оскорбление, ибо от оной Персидского торгу компании не токмо в Казыкумыках, но и во всех горских жилищах никаких торгов и товаров не имеется» [3].

В письме-разрешении поверенного Персидской торговой компании П. Дмитриева в Кизлярскую комендантскую канцелярию от 27 апреля 1760 года на провоз товаров, купленных в Астрахани для казыхумухского хана, приведен перечень товаров, разрешенных к провозу. Среди них «краски брусковой 2 пуда с половиной, семя канцельного 2 пуда, холста 2 тыс. арш. А чтоб оной товар, кроме ханских надобностей, в продажу употребляем и тем компании подрыву не было, в том благоволено б было ево с поруками обязать, под конфискацию тех товаров, подпискою» [4].

Достаточно многочисленная переписка комендантской канцелярии позволяет еще раз говорить, что коменданты контролировали не только вопросы транзитной торговли, но особенно вопросы торговли в регионе.

В «Прошении» дербентского жителя Мусакая Мурзакаева кизлярскому коменданту И. Ф. Боксбергу от 11 октября 1760 г. содержится просьба разрешить вывезти холст из Кизляра для продажи в кумыкские деревни. При этом акцентируется внимание на том факте, что «оной холст, как выше значит, намерен я с платежом со оного указаной пошлины вести для продажи в подданные е. и. в. кумыкские деревни, а в Персию его вести не намерен» [5].

В «Прошении» комиссионера петербургских фабрикантов Калуста Павлова кизлярскому коменданту И. Ф. Боксбергу от 28 ноября 1760 года содержится просьба разрешить провезти холст в кумыкские деревни для обмена на марену, так как «известно, что те народы на деньги ничего не продают денег же по указам и пропускать туда не велено, а меняют на товары, а особливо на холст» [6]. В «Рапорте» в Кизлярскую комендантскую канцелярию от Кизлярской пограничной таможни, поступившем 15 декабря 1761 года, содержится просьба разрешить пропустить товары в кумыкские деревни, до тоо времени как будет создана на территории Кизляра контора Персидской торговой компании [7].

Еще один документ иллюстрирует нам контроль над взиманием пошлин. В письме кизлярского коменданта А. А. Ступишина шамхалу Мартазали от 28 марта 1762 года содержится предложение не увеличивать размеры пошлин с проезжающих российских подданных, не допускать ограблений и возратить стоимость разграбленных товаров их владельцам. Кроме того, «ежели ныне не прекратитца сие, то я всем поддан-

ным российским купцам велью миновать вас, а ездить водяным путем» [8]. Кизлярская комендантская канцелярия была загружена выдачей разрешений на провоз товаров и на проезд в кумыкские земли. Например, за 10–16 мая 1762 года, перечислено количество разрешений в следующем составе: «прибывшим из Аксайской деревни кн. Каплана узденям: Сеиту Феизулаеву, Кулишу Баксанову, Аксаю Аташеву, Абдулле Чучекову, Али Уршанову. Да для домашней их надобности отпущено при них: котлов чегуных — 2, сундук окованой жостью — 1, башмаков савровых — 4 пары, сито — 1, холста — на 4 рубахи, крашенниво — на 1 рубаху, китайки — 1 конец с 1/2, выбойки — на 1 бешмет, бумаги хлопчатой — 1 ф. Агали Халабердыеву с одним товарищем в Костековскую деревню для вымену хлеба. Чопану Алавердыеву с одним товарищем в Аксайскую деревню для покупки и привозу сюда муки. Прибывшему из Андреевской деревни кн. Темира узденю Бамату Шафиеву. При нем покупного отпущено на домашние надобности: холста 10 концов, зеркал — 2, башмаков — 2 пары, китайки — 5 концов, котел чугунный — 1, яловачная кожа — 1» [9].

Много архивных документов в переписке с комендантами связаны с тем, чтобы получить беспрепятственный проезд через крепости и форпосты с целью осуществления торговой деятельности.

В письме шамхала Муртазали кизлярскому коменданту Ф. И. Паркеру от 17 марта 1722 года содержится просьба пропустить его подданных через Каргинский форпост для продажи в Кизляре фруктов [10]. В письме костековского владетеля Хамзы Алишева кизлярскому коменданту Н. А. Потапову от 11 апреля 1769 г. содержится просьба о пропуске в Кизляр его человека для покупки различных товаров [11]. В письме шамхала Тарковского Муртазали кизлярскому коменданту Н. А. Потапову от 17 апреля 1769 года содержится просьба пропустить его людей для торговли фруктами и парчой в Кизляр и обратно [12]. В письме андреевского владетеля Темира Хамзина кизлярскому коменданту Н.А. Потапову от 29 марта 1769 года содержится просьба разрешить купить в Кизляре необходимое количество железа [13]. В письме костековской владетельницы Баши Темирбулатовой кизлярскому коменданту И.Д. Неимчу от 14 декабря 1769 года присутствует просьба разрешить ее людям купить пшеницу [14]. В письме костековского владетеля Хамзы Алишева кизлярскому коменданту Ф.И. Паркеру от 20 марта 1772 года просят пропустить через Каргинский форпост его подданных для приобретения железа [15]. В письме от 25 марта 1772 г. андреевского владетеля Темира Хамзина кизлярскому коменданту Ф. И. Паркеру присутствует просьба пропустить его подданных в Кизляр для продажи муки [16]. В письме шамхала Муртазали кизлярскому коменданту Ф. И. Паркеру от 13 апреля 1772 года просьба разрешить его эмчекам купить железо и пропустить их без карантина [17]. Письмо кизлярскому коменданту Ф. И. Паркеру от дербентского наиба Эльдар-

бека от 19 апреля 1722 года содержит просьбу разрешить купить в Кизляре верблюдов, лошадей и буйволов [18].

Коменданты были задействованы и в разрешении спорных вопросов. Например, в письме Магомед-хана казикумухского кизлярскому коменданту И. Д. Неимчу от 19 декабря 1769 года говорится о задержке товара купца Погоса. Магомед-хан подробно объясняет, что «онный Погос должен был мне в тысячи рублях с протцентом, и с того числа получил я 250 бурметей, ценою 50 бурметей по 80 коп., а протчи по рублю, сверх бурметей получил же 200 руб. деньгами, а когда он заплатит мой долг, тогда и шелк ево отпущен будет» [19]. Письмо шамхала тарковского Муртазали кизлярскому коменданту Ф. И. Паркеру от 3 сентября 1772 года с просьбой отобрать у купца Киракоза незаконно полученные им откупные письма [20].

Переписка комендантов с феодальными владельцами по вопросам торговли достаточно обширна.

В письме казакумухского владельца Магомед-хана кизлярскому коменданту Ф. И. Паркеру от 4 декабря 1772 года есть просьба прислать купца с мехами, сукном и серебром: «прошу из ваших купцов изволите отправить ко мне одного купца с потребными мне вещами, т. е., а именно на две шубы мехов собольих, да на 10 беличьих, да разного цвета сукон хороших 30 арш., несколько серебряных цепок» [21].

Достаточно много архивных документов из переписки комендантов связана с безопасностью передвижения торговых людей. Письмо шамхала Муртазали кизлярскому коменданту И. С. Вешнякову от 12 ноября 1783 года связано с просьбой обеспечить безопасный проезд торговцам, следующим в Кизляр, «сии податели письма, мои подвластные люди, такие, которые мне немало во всем служили, поехали в Кизляр для продажи фруктов и орехов, по прибытии к вам которых препоручаю под смотрение в. высококор. Ежели желаете наблюдать мое прошение — для меня и по возврате их обратно от баранты и в опасной дороге, сколь можно, защитить» [22].

Таким образом, можно говорить о том, что кроме возложенных на комендантов военных и политических функций, были возложены вопросы, связанные с организацией торговой деятельностью и поступлением денег в казну. Правительство Российской империи имея свои интересы по развитию экономических и торговых отношений с феодальными владельцами, предпринимало большие усилия, чтобы сохранить приобретенное доверие у местных феодальных элит.

Примечания: 1. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее ЦГА РД). Ф. 379. Оп. I. Д. 468. Л. 98–99. 2. Там же. Л. 102. 3. Там же. Д. 492. Л. 44, 45. 4. Там же. Л. 47. 5. Там же. Д. 484. Л. 77. 6. Там же. Д. 480. Л. 17. 7. Там же. Д. 510. Л. 8. 8. Там же. Д. 524. Л. 140, 142. 9. Там же. Д. 532. Л. 97. 10. Там же. Д. 852. Л. 119. 11. Там же. Д. 723. Л. 105. 12. Там же. Л. 114. 13. Там же. Л. 72. 14. Там же. Д. 728. Л. 72. 15. Там же. Д. 854. Л. 3. 16. Там же. Л. 6. 17. Там же. Л. 49. 18. Там же. Л. 62. 19. Там же. Д. 728. Л. 70. 20. Там же. Д. 855. Л. 129. 21. Там же. Д. 853. Л. 65. 22. Там же. Д. 1193. Л. 62.

В. А. МАТВЕЕВ

(г. Ростов-на-Дону, РФ)

«...В единстве “Всех русских”»:
наследие прошлого и дезинтегрирующие угрозы
во второй половине XIX – начале XX века

Повышенная заинтересованность в насаждении отрицательного образа России в целях ее разрушения как государственного образования наиболее последовательно в ряде европейских стран стала проявляться с середины XIX в. Через прессу и публицистику с такой направленностью проводилась там и соответствующая пропаганда. Дискредитация же прошлого России на Западе была необходима для достижения неблагоприятных целей ее геополитического ослабления и последующего разделения на обособленные части. В тот же промежуток времени завершалось формирование колониальных империй, и международная повестка территориальных переделов становилась приоритетной.

Особое внимание в центрах принятия решений европейских метрополий привлекало и обширное российское континентальное пространство. Воспринималось же оно по западным колониальным меркам. Являлась государственным образованием иного рода, Россия между тем на включавшейся в ее состав иноэтнической периферии создавала основанные на справедливости стандарты государственной совмещенности. Под классификацию «колониальной империи» она не попадала. Заведомо готовых решений, в отличие от практики стран Запада с нацеленностью на обретение ресурсов и экономических преимуществ, в российских подходах при обустройстве окраин не существовало. Определяющим выступал лишь критерий единого отечества.

Всем российским поданным независимо от этнической и конфессиональной принадлежности в соответствии с ним предоставлялись равные права и возможности. Развитие же европейских метрополий и поддержание относительно более высокого жизненного уровня их населения обеспечивалось за счет масштабной перекачки средств [1]. Иноэтнические субъекты в Российской империи, напротив, получали экономическую поддержку из центра и являлись убыточными. Это была своеобразная плата русского народа за стабилизацию сопредельного пространства, которую невозможно было обеспечить иными средствами. Европа вследствие усилий России чувствовала, как заметил В.О. Ключевский, что на востоке «ей ничего не угрожает» [2].

Но там происходила, по его разъяснению, «упорная борьба», обеспечивавшая выживаемость не только православного, но и всего христианского мира. После объединения русские (восточные) славяне получили большую возможность обеспечивать намечавшийся еще в предшествующие эпохи переход «от обороны в наступление на азиатские гнезда, спасая европейскую культуру» от разрушительных ударов [3]. Организовывавший противостояние центр под давлением враждебной стихии вынужден был перемещаться с Днепра и Клязьмы «на берега Москвы» [4], вокруг которой продолжилось и вступило в стадию завершения собирание разрозненных сил некогда единого народа. Из-за сложившихся обстоятельств Россия оказалась, по образному выражению В.О. Ключевского в «арьергарде Европы» и оберегала «тыл европейской цивилизации» [5]. Данное противостояние обеспечивало и ее выживаемость.

За счет предпринимавшихся жертвенных усилий по защите христианства в восточных евразийских частях континента странам Запада обеспечивалась возможность направлять огромные ресурсы на технологические прорывы. Благодаря этому в том числе создавалось там, по напомианию В.О. Ключевского, и «национальное единство». Борьба воссоздавшим общее государство русским народом велась, согласно его заключению, «за свое существование» [6]. Наряду с этим выполнялась великая миссия объединения с сопредельными иноэтническими сообществами. После вхождения в состав России все становились соотечественниками, и этот критерий являлся определяющим в проводившейся политике. Окраины получали равноправный статус и сырьевыми придатками не служили. Происходившие в Российской империи интеграционные процессы способствовали становлению в ее границах согражданства на полиэтнической основе. Складывание же государственного солидарного взаимодействия осуществлялось в континентальном масштабе.

Однако в Европе в восприятии России руководствовались собственным опытом и неоднократно предпринимали попытки по дезинтеграции. Применявшиеся подходы со временем становились все более изощренными. Но создание отрицательного образа России оставалось неизменным во всех идеологических форматах разрушения. Значение их в достижении намечавшегося результата в XIX в. уже осознавалось. О том, какое содержание имели негативные сведения о России, свидетельствуют, в частности, путевые заметки А. Дюма, сделанные во время путешествия на Кавказ вскоре после окончания Крымской войны [7]. Из Европы французский писатель приехал с такими представлениями: «Россия является неуправляемой стихией, она вторгается, чтобы уничтожить. В ее современных завоеваниях есть отголоски варварства скифов, гуннов и татар» [8]. Такие суждения у него, судя по всему, сформировались под влиянием появлявшихся публикаций в европейской прессе¹.

С середины XIX в. у европейских политиков проявился интерес именно к тем сведениям, которые позволяли возлагать надежду на возможность появления обособившихся от России частей. Существовало даже мнение, что ее можно расчленить «на четыре территории» [9]. При этом предполагалось, что на «западе сформируется Польша со столицей в Варшаве» [10]. Независимость предусматривалась в прежних границах, включавших и восточнославянские земли. При отделении, как считали сторонники данного варианта сегментации евразийского континентального пространства, южная часть «включит в себя» весь Кавказ, а восточная — Сибирь. Как утверждалось в описаниях этого сценария, «подлинной российской государственностью» останется только «северная империя» [11]. Изложенное отнюдь не являлось частным мнением А. Дюма, получившем отражение в заметках о путешествии по России.

С сепаратистскими же настроениями в ее пределах писатель нигде не сталкивался и соответствующие представления на уровне фантазий привез из Европы, где проекты по разрушению континентальной империи на Востоке в действительности и в его время обсуждались. Влияние связанных с ними вариантов на представления писателя заметно хотя бы по тому, что он во главе Польши видел того, «кого будет поддерживать Франция» [12]. При распаде же России А. Дюма, с опорой на бытовавшие взгляды в Европе, не исключал образование федеративной республики «от Курска до Тобольска» [13].

Территория Малороссии оставлялась Польше. В любом случае, как считал А. Дюма, «Россия вынуждена будет отдать то, чем она сейчас владеет». Если же этому ее руководство попытается препятствовать, «начнется война» [14]. В качестве мягкого варианта предусматривалось навязывание модели европейского национализма, который в условиях формировавшегося российского согражданства способен был сыграть лишь разрушительные функции. Распространялись в Европе и соответствующие теории. Обвинение же в «захвате чужого» [15] А. Дюма следовало бы отнести на счет европейских метрополий, создавших к середине XIX в. обширные колониальные империи, как раз и подвергавшие эксплуатации зависимую периферию. В России все окраины были убыточными, и перекачка средств в пользу центра из них не производилась.

Впоследствии даже те, кто к ней негативно был настроен, вынуждены были признавать: «От внешних завоеваний русский народ не богател, как западные народы от их колониальных грабежей» [16]. В основе формирования Российской империи преобладала добровольная солидаризация в историческом процессе, а не завоевания. Силовое

1 ————
Одной из таких публикаций была книга маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» (Ред.).

подчинение в сопоставлении с ней оказывалось незначительным. Это подтверждалось также реальностью восстановления единства восточных славян и существования их государственной общности на последующих этапах. Отражение ее прослеживается в различных форматах творческого наследия, создававшегося в контексте эпох, в том числе представителями малороссийской интеллигенции. Воплощение тематика единства восточных славян получала и в литературных произведениях Н.В. Гоголя (1809–1852), Т.Г. Шевченко (1814–1861), И.Я. Франко (1856–1916) и др.

Оппозиционные же группировки, создававшиеся в Российской империи нередко и при поддержке из-за рубежа, замечали лишь информацию, способствовавшую дискредитации отечественного объединительного процесса и его итогов. Для достижения этой цели использовались вместе с тем нерешенные проблемы, предполагавшие проведение преобразований в различных сферах. Но эти затруднения в развитии государства были вполне преодолимы. Между тем радикалистские вождедения оказывали на определенные слои разлагающее воздействие. Ограниченность его возможностей сохранялась лишь до поры до времени. Должного противодействия этим попыткам с опорой на объективные знания организовано не было. Отсутствовала и соответствующая контрпропаганда, обретавшая при складывавшейся ситуации особое значение.

Дискредитация России оппозиционными группировками производилась преимущественно через публицистику. В этом как раз и заключалась опасность. Такое воздействие не предполагает проверки на объективность. Защита правды о прошлом России предпринималась лишь отдельными патриотически настроенными представителями интеллигенции. Русским историческим обществом для этого издавался, например, сборник, в котором размещались материалы и подборки документов, отображавших позитивные стороны отечественных реалий имперского периода.

Но издание, осуществлявшееся на частные пожертвования, испытывало затруднения. Государственной поддержки оно не получало. При обосновании же необходимости «восстановления исторической правды» А.А. Половцев, являвшийся одним из организаторов сборника, в публичном выступлении как-то заметил: «Желающему узнать свое прошлое русскому народу подносилась только неприглядная картина слабостей и недостатков, влиявших на судьбы его; возвышенные, существенные стороны нашей государственной жизненной деятельности, создавшие великую и всем дорогую Россию, в литературе... за редким исключением, силою обстоятельств обходились молчанием, разрушавшим народную веру в себя и в правившие... силы» [17].

Искаженная информация об особенностях формирования ее как государства продолжала распространяться, обретая разрушительные

свойства. И в то время существовало понимание, что при постоянном воздействии слово обретает способность конструировать самосознание масс в том или ином направлении или даже заставляет «опускаться чашу народных весов» [18]. Оппозиционная публицистика способствовала этому. Отрицательный образ России насаждался и при ее содействии. В критике существовавших проблем выделялись лишь неприглядные срезы действительности.

Достижения же замалчивались. Выставляя «на свет темную сторону русской жизни», А.И. Герцен, к слову, призывал соотечественников освободиться «от прошлого», ибо оно, по его утверждению, «пусто, бедно и ограничено» [19]. Даже «прибалтийских немцев и замиренных черкесов на Кавказе», становившихся под воздействием проводившейся государственной политики на иноэтнических окраинах русскими патриотами, он называл «любителями рабства» [20]. Не понимая реальности, А.И. Герцен обвинение основывал на том, что они якобы «принимают абсолютизм за единственную цивилизованную форму правления» [21]. В переписке с писателем Т.Н. Грановский заметил, что его публицистика в России «оскорбила многих» [22]. Как историк он обратил внимание А.И. Герцена на использование неверных фактов, которые в ней «часто проскакивают». Объяснение этому Т.Н. Грановский видел в оторванности вследствие длительного проживания за границей от России [23].

Н.Г. Чернышевский в освещении прошлого России вообще предпочтению отдавал иноземным источникам [24]. В его разъяснениях указывается на преобладание в них критических описаний отечественного быта. Н.Г. Чернышевский считал это огромным преимуществом, несмотря даже на обилие неточностей и ошибок [25]. «Коренной славянский смысл» в русском народе, по его мнению, из-за византийского и восточного влияний «совершенно закрывается чисто азиатской формой» [26]. Резкой критике Н.Г. Чернышевский подверг и выходившую во Львове газету «Слово», публиковавшую материалы с отображением позитивного образа России и поддерживавшую тем самым существовавший в Галиции настрой на объединение всего восточного славянства в ее границах. По поводу «москвофильства» издания Н.Г. Чернышевский написал специальную статью «Национальная бестактность», в которой осудил в том числе развивавшееся с середины XIX в. весьма влиятельное «политическое течение» [27].

Вместе с тем Н.Г. Чернышевский высоко оценил труд Н.И. Костомарова о Богдане Хмельницком, отметив, что история «возвращения Малороссии к русскому царству» представляет «великий интерес по важности предмета» [28]. В нем признавалась и правомерность избранного гетманом курса на восстановление единства восточных славян. Это позволяет сделать вывод о противоречивости взглядов Н.Г. Чернышевского, идеализация которых, как известно, допуска-

лась. Преобладающей в них выступала все же негативная презентация России. На примере М.А. Бакунина М.П. Драгоманов как представитель отечественной исторической науки второй половины XIX в. отметил общий недостаток в настроениях оппозиционных группировок. По его замечанию, они видели не то, «что было, а то, что хотелось и притом в рисунке схематическом, а вовсе не реальном» [29]. Поэтому при восприятии российской действительности они запутались в «иллюзиях и мистицизме» [30].

Специализация же на критике России, по оценке М.П. Драгоманова, «не сопровождалась... сколько-нибудь глубоким изучением истории и политики» [31]. Нередко представители оппозиционных группировок переходили «к крайнему отрицанию действительности» и начинали воспроизводить ее в революционных «абстракциях» [32]. Многие же представители Малороссии в восстановлении государственного единства восточных славян видели позитивный исторический смысл. Профессор П.И. Ковалевский, например, указывал в своих исследованиях на то, что «Малороссия и Белоруссия — та же Россия, только они жили отдельно от своего общего тела и их страдальческая история так же важна для всякого русского, как и история Великороссии» [33]. Разрывать совместившийся исторический процесс он считал недопустимым. К «русской державной нации» П.И. Ковалевский относил на равных великороссов, белорусов и малороссов [34]. Как видно, он признавал реальность складывания восточнославянского сообщества в этнонацию.

Но разрушительные воздействия впоследствии продолжились. Еще до пережитых страной в начале XX в. «великих потрясений», поэт и философ Ф. Тютчев, обращаясь к прошлому отметил такую прослеживавшуюся в нем особенность: «Истинный защитник России — это история: ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу» [35]. Отходы от нее порождали деформации и видоизменяли иногда даже векторы развития. Условия, создававшиеся в 20–30-е гг. XX в., например, способствовали подавлению малороссийского субэтнического кода. Сторонникам украинизации, не обладавшим ранее массовой поддержкой у населения, по свидетельству Н.С. Трубецкого, «предоставили полную свободу действия» [36]. Наблюдая характер происходивших перемен непосредственно, в их оценках он ошибся лишь в том, что насаждаемое «ретивыми националистами... обречено на гибель и забвение» [37].

В противовес способствовавшей сегментации восточнославянского сообщества угрозе в евразийской теории содержался призыв к обретению национального идеала, выражающегося в единстве «всех русских», к которым Н.С. Трубецкой относил «великороссов... белорусов и украинцев» [38]. И такие положения, следует заметить, соответствова-

ли действительности, хотя и они отражали одну из тенденций в этнической эволюции восточнославянского сообщества. Направленность эта являлась тем не менее преобладающей. Необходимость отображения наличия справедливости в российском объединительном процессе в начале 90-х гг. XX в. выделена В.Б. Виноградовым и созданной им Кавказоведческой Школой. В качестве определяющей в его осмыслении была предложена интеграционная парадигма [39]. Объективность ее содержания так или иначе подтверждается и представленными выше сюжетами.

Российское полиэтническое сплочение, как прослеживается по их систематизированному изложению, исключало вероятность подавления локальной самобытности. Сформировавшиеся в века разъединения и субэтнические различия сохранялись и в восточнославянском сообществе. Впоследствии из-за заимствований из европейских теорий произошла их переорганизация в национальные. Но, несмотря на это, этническая сродность разделенных частей не исчезла. Не осуществленная рекомендация преобразования сообщества восточных славян в федерализированную нацию, судя по всему, своего значения окончательно не утратила. События XXI в. неоднократно проясняли наличие и наличие российского полиэтнического согражданства как наследия многовекового интеграционного процесса. Складывание же его определял критерий справедливости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее: Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. Перевод с английского. Москва, 2020. С. 654–655, 658, 676–677.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Часть 2. Москва, 1987. С. 373.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же. С. 372
7. См. подробнее: Дюма А. Кавказ / пер. с фр. Тбилиси, 1988.
8. Там же. С. 149.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Цит. по: там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. С. 199.
17. Грицков В.В. Из истории Сборника Русского исторического общества // В кн.: Сборник Русского исторического общества. № 1 (149). Москва, 1999. С. 11.
18. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. Москва, 1975. С. 461.
19. Там же. С. 460, 464.
20. Там же. С. 457.

21. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. Москва, 1975. С. 457.
22. Из писем Т.Н. Грановского // В кн.: Герцен А.И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. Москва, 1975. С. 503.
23. Там же.
24. Чернышевский Н.Г. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением «Уложения Сокольничья Пути и проч.», издал Петр Бартенов. Москва. 1856 // В кн.: Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. IV. Статьи и рецензии 1856–1857. Москва, 1948. С. 248.
25. Там же. С. 250.
26. Там же. С. 251, 260.
27. Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма / пер. с укр. Москва, 1959. С. 707.
28. Чернышевский Н.Г. Из №2 «Современника». Январь 1857. «Богдан Хмельницкий» Костомарова // В кн.: Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. IV. Статьи и рецензии 1856–1857. Москва, 1948. С. 702.
29. Михаил Александрович Бакунин. Критико-биографический очерк М.П. Драгоманова. Дозволено цензурою. Г. Казань, 18 ноября 1905 года. Казань, 1906. С. 5.
30. Цит. по: там же.
31. Там же.
32. Там же. С. 5, 11.
33. Ковалевский П.И. История Малороссии. С.-Петербург, 1912. С. 5.
34. Там же.
35. Цит. по: Толмачев Е.П. Новый период Русского исторического общества // В кн.: Сборник Русского исторического общества. № 1 (149). Москва, 1999. С. 17.
36. Трубецкой Н. К украинской проблеме // В кн.: Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. Москва, 2007. С. 521.
37. Цит. по: там же.
38. Трубецкой Н. К украинской проблеме. С. 522.
39. Виноградов В.Б. О формировании новой концепции всемирной истории // Российский исторический журнал. 1996. № 1. С. 8.

Д. С. ДУДАРЕВ

(г. Москва, РФ)

О некоторых дискуссионных аспектах изучения феномена северокавказского люмьеризма

Кавказское просветительство (люмьеризм) являлось одним из важных инструментов интеграции региона в состав России. Данная работа посвящена некоторым, наиболее заинтересовавшим нас, положениям весьма интересной и в, известном смысле, программной, статьи историков-кавказоведов из Северной Осетии и Дагестана, опубликовавших ее в «Вестнике Академии наук Чеченской республики», в которой рассматривается указанный феномен [1].

Н.О. Блейх и Д.С. Кыдирниязов заключают процесс становления северокавказского просветительства, иначе, просветизма (*фр.* аналог «люмьеризм», которым также пользуются авторы) в рамки середины XVIII – начала XX столетий и увязывают его с тяготением горцев к материальному благосостоянию, стремившихся адаптироваться к меняющейся политико-экономической ситуации. Они полагают, что те просветительские тенденции, которые существовали среди местных народов, были схожи с общеевропейскими. Сам смысл здешнего просвещения был, по их мнению близок шедшей из Европы идее общественного переустройства с помощью эволюции образования и научных познаний, в связи с чем исследователи и находят основания воспользоваться термином «люмьеризм» для описания рассматриваемого феномена. Тот факт, что европейское влияние имело место, например, в Кабарде, уже в конце XVIII в., подтверждается рапортом генл. Кнорринга от 5 июля 1799 г., в котором прямо указывается на то, что среди узденства того времени существовали представления о равенстве, подобные тем, что имели место во Франции. Специалисты видят в этих эгалитарных устремлениях влияние опыта Французской революции, хотя и не только ее (идеи социальной гармонии и справедливости, имеющиеся в исламе) [2]. Весьма примечательно, что, по их мнению, народный просветизм определил способы сближения с наиболее значительными достижениями общемировой и российской культуры. Мы совершенно согласны с мнением авторов, которые, в развитие сказанного, объясняют дальнейшие успехи горских народов в области просвещения тем, что они связали свое будущее с более развитым российским государством. Однако, забегаая наперед, укажем, что Н.О. Блейх и Д.С. Кыдирниязов идут еще дальше и утверждают, что кавказские на-

роды, в отличие от других мировых культурных традиций, смогли создать у себя стройную систему просвещения на протяжении двух тысячелетий. Это высказывание, как и приводимое в заключении к работе положение о северокавказской (кавказской) цивилизации, является весьма спорным и не находит, как мы думаем, подтверждения в соответствующих материалах. К тому же, далеко не все кавказоведы однозначно принимают концепцию данной цивилизации [3]. Нам гораздо ближе дефиниция видного историка-кавказоведа В.А. Матвеева «кавказская геокультурная общность» [4].

Кратко характеризуя историографию темы, авторы упоминают имена пионеров горского просветизма (И. Атажукина, Казем-бека, Хан-Гирея и др.), которые, как полагают эти ученые, заложили фундамент кавказоведческой науки. Спорить с вкладом названных просветителей в это дело, разумеется, не приходится, однако и сводить в этом смысле все только к их трудам невозможно, о чем говорят и сами приводимые далее имена Бларамберга, Клапрота, Услара и др. (впрочем, следовало и привести в «первых рядах» Гюльденшедта, Палласа, Броневского и др.). Нельзя и не указать на то, что, приводя имена зарубежных ученых, занимавшихся вопросами духовной культуры Северного Кавказа, авторы отмечают, что в их трудах имеются важные сведения о развитии таковой у мусульманских народов Северного Кавказа. А куда, в таком случае, делись народы христианского вероисповедания?

Авторы предложили новую хронологию северокавказского просветительства, приведя краткую характеристику тех или иных его этапов. В то же время, критерии выделения их временных рамок порой вызывают вопросы. Люмьеризм первого (генезисного) этапа заключен в пределы 1760–1850 гг. Если нижняя дата, надо понимать, связана с возникновением Кавказской Линии (и всех, связанных с ней отношений между Россией и горскими обществами), то верхняя дата, которая одновременно является и началом второго этапа (1850–1864 гг.) совершенно условна и связана, например, с завлечением горцев в поле товарно-денежных связей. Но таковое началось гораздо раньше и уже в XVIII в. успешно выразилось в том, что в северокавказском регионе победила российская денежная система [5]. Разумеется, не нужно забывать, что период 1846–1850 гг. имел большое значение в развитии меновой торговли с горцами, что является, как будто, еще одним плюсом в обосновании указанной даты [6], но как конкретно именно этот фактор преломился в развитии люмьеризма, остается за рамками статьи. Исследователи отмечают наличие двух направлений в люмьеризме первого этапа — духовно-конфессионального и либерального. К последнему они причисляют и Афанасия Гассиева. Это недоразумение — первый осетинский философ-гуманист в то время был ребенком (род. в 1844 г.) и творить на указанном этапе еще никак не мог. К числу запад-

ных стран, которые «были не прочь захватить Кавказ», авторы почему-то относят Иран и Турцию (эта неверная «маркировка», конечно же, не отменяет агрессивных устремлений последних на кавказском направлении). Они пишут, что люмьеристы первого этапа стремились защитить трудовой народ от «диктата помещиков». Вряд ли, все же, можно так назвать горских владельцев, к числу которых относились и сами те или иные представители просветизма (С. Хан-Гирей, Ф. Бекович-Черкасский, и др.).

Аналогичные вопросы есть и по деятелям просветительства других этапов, выделяемых учеными. В тот из них, который заключен в рамки 1850–1864 гг. (на данном этапе исследователи выделяют три основных направления люмьеризма: демократическое, либеральное, клерикальное), авторы с непонятым упорством снова включают А. Гассиева, который уже за рамками этого периода, в 1867 г., стал пока только студентом (Киевской духовной академии) и включают вместе с ним в число «демократов» и К. Хетагурова. Но Коста Леванович родился в 1859 г., и в 1864 г. ему исполнилось только 5 лет! По третьему этапу (1890–1917) Н.О. Блейх и Д.С. Кыдирниязов почему-то не привели ни одного имени просветителей, хотя на четвертом этапе их обозначено достаточно много, но и здесь авторы снова не избежали нелепой ошибки: в число «адептов» просветизма ими включен А. Кешев. Но Адиль-Гирей Кешев скончался в 1871 г. [5]. Зато, и это, прямо скажем, труднообъяснимо, среди названных имен, принадлежащих четвертому этапу, практически нет дагестанских просветителей. Последним как-то вообще «не повезло» в рассматриваемой работе. Если на втором этапе еще фигурируют А. Омаров, М. Османов, Г. Алкадарский (Г.-Э. Алкадари), то четвертый оказался от них свободен. Между тем, в это время творили С. Габиев, Н. Батырмурзаев, М. Алибеков, А. Акаев, и др. [6]. Примечательно то, что существующая периодизация дагестанского просветительства вообще никак не увязана с периодизацией уважаемых авторов. Ведь первый ее этап обозначен у современных дагестанских историков 70-ми годами XIX в. – 1905 г. [7]. Вероятно, ученые Дагестана не нашли достаточных оснований для отсчета деятельности А. Омарова, М.-Э. Османова и Гасана-Эфенди Алкадари с 1850–1864 гг., как это сделали Н.О. Блейх и Д.С. Кыдирниязов.

В исследовании этих авторов большое место занимает проблема диалектики соотношения светского и клерикального направлений в северокавказском просветизме. Опуская, за неимением места, ряд аспектов данной проблемы, укажем на два момента.

1. Непонятно, почему исследователи никоим образом не обращают внимание на выяснение того, оказал ли на люмьеризм Северного Кавказа воздействие *джадидизм*, как широко известное и влиятельное общественно-политическое движение за обновление мусульманской культуры и социума [8].

2. Так до конца и не ясно, что же именно препятствовало усвоению мусульманами Северного Кавказа элементов новой просвещенческой практики и научного опыта, что мешало внедрению, как пишут Н.О. Блейх и Д.С. Кыдырнязов, «авангардных просветительских концепций в среде своих народов».

Между тем, было бы очень полезно обратиться к опыту имама Шамиля, и не только его одного. Выдающийся политический деятель гор не мог понять, почему ислам отвергает знания «неверных». По мнению некоторых ученых (Э. фон Грюнебаум), а также адептов ислама (Сайид Кутб), если слегка их перефразировать, здесь сказывался некий, по сути, «комплекс самодостаточности» этой религии, приведший к временному отставанию мусульманского Востока от Запада [подробнее см.: 9]¹. И снова невозможно не указать на то, что в рассматриваемой работе присутствует определенная недооценка опыта дагестанских просветителей, представленного в трудах историков-дагестановедов. Последние полагают, что отношение дагестанских просветителей к религии (более пиететное, чем у русских и европейских) связано с преобладанием «в Дагестане феодального уклада, вековой отсталости народа» [10]. Не опровергая наших дагестанских коллег, нужно указать и на то, что в Чечне и Дагестане долгое время господствовала идеология мюридизма, а сами эти области дольше, чем некоторые другие территории Северного Кавказа участвовали в «Кавказской войне», что отодвинуло их несколько дальше в освоении новой передовой культуры, шедшей из России [11].

Можно было бы еще многое сказать об этой интересной, пробуждающей мысль, хотя и местами вызывающей немало вопросов работе. Одним же из наиболее важных заключений авторов, которое присутствует в выводах, является то, что, по мнению ученых, формирование просветительских тенденций было не сколько средством образования горских народов, сколько важнейшим механизмом государственной политики по комплектованию унитарной культурной архитектуры на отдельно взятой удаленной от центра территории [12]. Говоря по-другому, не смотря на указанную разницу в подходах в разных направлениях северокавказского просветизма, все они работали на один результат — достигнуть имперского единообразия в области культурного строительства на кавказской окраине. И хотя в этом выводе есть

1 Ответ на вопрос, полагаю, дает нам Священный Коран. В широко известном айяте «Аль-Курси», в частности, сказано: «Он знает то, что было до них, и то, что будет после них, а они постигают ничего из Его знания кроме того, что Он пожелает» (К.: 2:256:255). Иными словами, есть вещи, которые смертным знать и не положено без дозволения Всевышнего. Эта догма диаметрально противоположна сциентистскому пафосу деятелей просветизма, о котором пишут авторы обсуждаемой статьи (Ред.).

резон, но обратим внимание на скрывающееся в нем противоречие: он не вяжется, по нашему мнению, с тем самым сциентистским пафосом люмьеристов, о котором пишут Н.О. Блейх и Д.С. Кыдирниязов. Ведь сциентизм представляет научное знание наивысшей культурной ценностью и основополагающим фактором взаимодействия человека с миром. Между тем, «унитарная культурная архитектура» в своей мере является порождением не только подвижничества просветителей, но и чуждых и даже враждебных всякой науке бюрократов от образования и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Блейх Н.О., Кыдирниязов Д.С. Феномен северокавказского люмьеризма второй половины XVIII – начала XX в. (ретроспективный обзор) // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2020. № 1. С. 29–37.
2. Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик: Печатный двор, 2014. С. 601.
3. Магамадов С.С. К постановке проблемы изучения кавказской цивилизации // Геополитические интересы России на Кавказе: опыт реализации и проблемы. Материалы международной научно-практической конференции (23 апреля 2009 г.). Дербент, 2009. С. 157–168.
4. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Ростов н/Д.: Книга., 2006. С. 159.
5. Ктиторова О. В Феномен северокавказского просветительства в преломлении судьбы и творчества А.-Г. Кешева. Армавир, 2015. С. 228.
6. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009. С. 332.
7. Там же. С. 316.
8. Абдуллин Я.Г. Джадидизм: возникновение, развитие, историческое место. Казань, 1998; Бустанов А., Дородных Д. Джадидизм как парадигма в изучении ислама в Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3 (35). С. 112–133; Сенюткина О.Н. Джадидизм как часть российского исламского дискурса (современные историографические оценки) // Исламоведение. 2018. Т. 9, № 2. С. 15–29.
9. Дударев С.Л. К истории Северного Кавказа XVIII – начала XXI века. Сборник научных статей и рецензий. Армавир: АГПУ; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. С. 32.
10. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. С. 328.
11. Дударев С.Л. К истории Северного Кавказа XVIII – начала XXI века. С. 37.
12. Блейх Н.О., Кыдирниязов Д.С. Указ. соч. С. 35.

Р. М. ПЕТРОСЯНЦ,
И. И. БАСОВ

(г. Армавир, РФ)

«Ветви лавра на армавирских рублях»

Данная публикация является продолжением работы авторов над темой, связанной с причиной появления, существования и судьбой во времена Гражданской войны Армавирских денежных знаков, особенно металлических рублей. В Материалах Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, прошедшей в 2019 году и посвященной 180-летию г. Армавира опубликовано три статьи посвященные этой проблеме [1].

Одним из основных элементов, украшающих рисунок армавирских рублей являются лавровые ветви с ягодами.

Их уникальность состоит в том, что в сравнении с монетами и медалями периода конца XIX – начала XX века рисунок и форма ветвей, расположение листьев и ягод, явно отличаются от рисунков, наносимых на предметы, выпускаемые монетными дворами России.

Схожесть данных ветвей с любыми упоминаниями лавровых веток на монетах и медалях более раннего периода в Российской империи, также отсутствует.

Что же повлияло на художника при изготовлении рисунка армавирских рублей? Привычный дубово-лавровый венок, часто встречаемый на сибирских монетах, на пятаках Екатерины II, медалях и монетах Александра I, не был принят во внимание, хотя, по сути, от лавра и венка художник и эмитент не отказались.

Хотелось бы верить, что гравер, художник, при изготовлении реверса металлических разменных знаков придумал и применил уникальный рисунок. И все же, данный элемент является заимствованным и встречается в монетном деле.

Стоит внимательно рассмотреть монету номиналом 1 крона (Австро-венгерская крона (1892–1918) монетного двора Вены. Расположение ветвей и ягод совпадают практически во всем, за мелкими исключениями, которые можно отнести к творческим изысканиям художника [2].

Такая схожесть обусловлена тем, что на период зимы-осени 1918 года в городе Армавире находился военнопленный австриец, Иосиф Задлер, по профессии гравер, художник, о котором упоминает в журнале 1924 года В. Соколов [3].

АЛФАВИТНАЯ ДИАГРАММА

1. Modern

J	j
Z	z

2. Fraktur

Œ	i
ʒ	ʒ

3. Кириллица

Ї	ї
З	з

Аналогия шрифта в написании цифры 1 номинала армавирских разменных знаков также прослеживается в рисунке Венской кроны.

В итоге, вышеописанное наблюдение открывает нам представление не только о том, чью культуру представлял гравёр, а также даёт понимание, что не смотря на ситуацию смены власти в стране и статуса военнопленного, художник продолжает внедрять австрийские ноты в такой важный для молодой советской власти процесс, как изготовление первых металлических советских чрезвычайных денег.

Армавирские разменные знаки имеют не одну, а несколько деталей рисунка, где прослеживается Австрийский дух художника. К таким деталям можно отнести инициалы гравёра. J.Z. (Joseph Zadler). Рассматривая номинал трехрублевых разменных знаков, можно увидеть в верхней части буквы З прямоугольную точку, уверенно оставленную гравёром ударом пунсона по маточнику. Заглавная буква З печатного шрифта русского языка и заглавная буква З печатного немецкого языка отличаются наличием такой точки. Из-за износа штемпеля и появления его выкрошки, при чеканке армавирских рублей буква З часто читается как S, поэтому нумизматы не понимают, почему на одина-

ковых рублях разные инициалы. Изготовители подделок армавирских рублей, также не зная сути вопроса, выпускают безупречные «трешки» с инициалом S. Такие рубли покупать не нужно. Можно сказать тоже самое и про букву J. в инициалах имени. В немецком языке имя Иосиф начинается с заглавной буквы J. Печатная буква J в немецком языке имеет ровную горизонтальную перемычку сверху буквы и загнутую дужку в левую сторону, хотя в русской кириллице у печатной заглавной буквы I нет ни перемычки, ни дужки. Если предположить, что художник наносил данные инициалы прописными заглавными буквами, то написание русской заглавной буквы J также имеет отличие в наклоне верхней перемычки. Подтверждением теории написания инициалов на немецком языке является немецкий шрифт (fraktur), которым были выгравированы инициалы Иосифа Задлера на первом армавирском вензельном рубле и на трехрублевом разменном знаке с инициалами под лапой.

Данные наблюдения делают предмет изучения уникальным, особенным, скрывающим свои тайны. Возможно, в будущем, Армавирские разменные знаки смогут нас удивить ещё больше.

Ведь как тут не удивиться, если первые советские рубли были изготовлены в провинции России в городе Армавире, по рисункам австрийца, на оборудовании, изготовленном лучшими инженерами города Армавира, в период управления городом Советской властью, где данные рубли были выпущены отделением Государственного банка в то время, когда в России все госбанки были национализированы советской властью [4].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Армавир в трех столетиях истории России: XIX–XX–XXI вв. (к 180-летию юбилею города): Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / гл. ред. А.Р. Галустов; науч. ред. С.Н. Ктиторова. Армавир: изд.-во ИП Ершова О.А. 2019.
2. Монета, Австрия, 1 крона, 1916, Франс Иосиф I, Серебро / https://www.numizmatik.ru/shopcoins/moneta-avstriya-1-krona-serebro-1916_c1574670_m1.html (Дата обращения: 12.12.22).
3. Соколов В. Армавирские денежные знаки // Советский коллекционер. Москва, 1924. №4. С. 14–15; там же. №6. С. 15–17.
4. Архивный отдел администрации Армавира. Ф. Р. 1194а. Оп. 1. Д. 47. Л. 25.

А. А. ЦЫБУЛЬНИКОВА

(г. Армавир, РФ)

К вопросу о причинах провала планов генерала Н.Я. Кириченко по взятию села Ачикулак 1–2 ноября 1942 года

История войны — это всегда история не только побед, но и поражений. Поражений, к которым в большинстве случаев приводит целый комплекс как субъективных, так и объективных факторов, но решающую роль, на наш взгляд, чаще всего играет просчет одного отдельно взятого командира. Одним из подобных печально известных поражений осени 1942 года является безрезультатный двухдневный штурм села Ачикулак *Орджоникидзевского (ныне Ставропольского) края* частями 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, во время которого они понесли значительные потери.

После кровопролитного Кущевского сражения 4-й гв. кавкорпус был переброшен на правый фланг группы войск Западного фронта. Переброска корпуса на правый берег Терека 23–28 сентября 1942 года проходила в напряженный момент Моздокской оборонительной операции, когда противник пытался прорваться в долину Алхан-Чурт и Эльхотовские ворота и подойти к Грозному и Орджоникидзе. Решением Ставки от 24 сентября 1942 года 4-й гв. кавкорпус генерала Н.Я. Кириченко должен был участвовать в контрнаступательной операции основных сил Северной группы по освобождению южного берега Терека. Перед частями корпуса стояла задача продвигаться в направлении населенных пунктов Ново-Щедринская, Червленые Буруны, Каясулу, Ачикулак, Буденновск [1], уничтожая вражеские коммуникации и резервы в ходе коротких набеговых рейдов. Еще одной задачей 4-го гв. кавкорпуса стало прикрытие железной дороги Кизляр-Астрахань, обеспечивающей связь центральных районов страны с Закавказьем.

Начиная с 4 октября 1942 года 4-й кавкорпус начал вести бои за населенные пункты в 25–50 километрах от Ачикулака, постепенно заняв позиции, позволяющие атаковать этот тактически выгодный немцам дорожный узел. Группировка, дислоцированная в селе и его окрестностях, позволяла контролировать противнику целых три дорожных направления — северное и южное (к райцентрам Нефтекумску и Степному), а также западное (на Будённовск). Поэтому успешный

штурм и захват села Ачикулак, расположенного в восточной части *Орджоникидзевского (ныне Ставропольского) края*, могли бы не просто принести тактический успех Северной группе войск Закавказского фронта, но и обеспечить условия для окружения всей Моздокской группировки противника советскими войсками.

Соотношение сил на линии боевого соприкосновения в районе Ачикулака не давало какого-либо превосходства гвардейцам над противником. Так, 4-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко состоял к началу октября из двух дивизий, прошедших кровопролитное Куцевское сражение, — 9-й и 10-й гвардейских, а так же из присоединенной к нему накануне 30-й кавалерийской дивизии. При необходимости действия корпуса мог поддержать 4-й сводный партизанский полк, состоявший из 3-х отрядов. Так же корпус мог запросить поддержку с воздуха.

В свою очередь ядро немецких войск в районе предстоящих боев составлял корпус «Ф» генерала Х. Фельми. В состав данного корпуса входили 3 усиленных моторизованных батальона, каждый из которых насчитывал до 1000 человек и по своему составу, вооружению, тактическим и огневым возможностям приравнялся к полку. Кроме того, в корпус входили: отдельный танковый батальон (25 танков), авиационный отряд (25 самолетов), рота связи, саперная и минометная роты, разведотряд, кавалерийский эскадрон, взвод метеослужбы, автоколонна. Артиллерия состояла из дивизиона 4-батарейного состава, батареи 105-мм штурмовых орудий, тяжелого и легкого зенитных дивизионов — всего 120 орудий и минометов [2]. Кроме того, в районе Ачикулак-Будённовск действовал кавалерийский полк под командованием И. Юнгшульца, состоявший в основном из казаков-коллаборационистов.

Штаб фронта, владея достаточно объективными разведанными, понимал, что взять такой «крепкий орешек» как Ачикулак тем слабым войсковым контингентом, который был у Н.Я. Кириченко, практически невозможно. Поэтому по указанию штаба фронта командующий СГВ генерал И.И. Масленников приказом № 0170 от 25 октября поставил 4-му кавкорпусу следующую посильную задачу: «С утра 30 октября, блокируя и обходя опорные пункты противника, развивать удар в направлении Соломенское, Степное, не допустить выдвижения резервов противника с рубежа р. Кума на Моздок и во взаимодействии с 63-й кд, выведенной с Главного Кавказского хребта в район Майорский, Капустин, и 10-м ск, наступающим вдоль северного берега р. Терек, — разгромить Моздокскую группировку противника. В дальнейшем — наступать на Прохладный» [3].

Но видимо, соблазн совершить значимый прорыв в обороне противника для генерала Н.Я. Кириченко был слишком велик, и он, вопреки полученному приказу, принял решение в ночь на 1 ноября атако-

вать вражеский гарнизон в Ачикулаке с целью его захвата. При этом сама специфика оборонительных сооружений, построенных немцами, сводила на нет все преимущества конницы — кавалеристам приходилось идти в наступление цепью в пешем боевом порядке. Казаки были вынуждены выполнять функцию обычной пехоты, что стало еще одним фактором, усугубившим сложившуюся ситуацию, и привело в результате к большим и неоправданным потерям.

Итак, в 6 часов утра 10-я гвардейская кавалерийская дивизия генерал-майора Б.С. Миллерова атаковала село с северо-запада. 9-я гв. и 30-я кавдивизии вели наступление с северо-востока, востока и юга. Уже с самого начала наступления стали выявляться просчеты руководства корпуса. В виду сильного тумана генерал Н.Я. Кириченко дал приказ атаковать без артподготовки, понадеявшись на скрытность перемещения казаков, но как показали дальнейшие события, разведка немцев отработала отлично, и противник был готов к отражению атаки. Скрытно передвигающихся кавалеристов встретил шквал артиллерийского и минометного огня. Кроме того, гитлеровцы успели к моменту атаки получить подкрепление — подразделения 360-го и 375-го гренадерских полков, о чем видимо у руководства корпуса разведанных не было.

В результате, позволив казакам 10-й гв. кавдивизии «успешно» наступать с севера-запада, противник, довольно оперативно подтянул танки, пехоту и бронемашину, и внезапно атаковал их во фланг и тыл. Лишь благодаря отчаянному мужеству и героизму кавалеристов, им удалось отбить удар противника. Кроме того, дивизии Б.С. Миллерова сильно помог партизанский отряд, с боем остановивший немецкую пехоту, двигавшуюся из Владимировки в Ачикулак, и не давший тем самым оборонявшимся гитлеровцам получить дополнительное подкрепление.

В результате утреннего боя, обе стороны вернулись на исходные рубежи. В отчетных документах корпуса указано, что атаковать 1 ноября должны были все три дивизии с разных сторон одновременно, но этот замысел провалился. Так, 9-я гвардейская кавалерийская дивизия генерала И.В. Тутаринова тоже в 6 утра пошла в наступление, но пока казакам удалось захватить часть улиц время было потеряно, и части 10-й гв. кавдивизии уже были вынуждены под натиском противника отступить. В течение всего 1 ноября обе стороны предпринимали контратаки, но несмотря на то, что на помощь казакам подоспела авиация, развить наступление 4-му кавкорпусу на этом направлении так и не удалось, и к ночи полки 9-й гв. кавдивизии закрепились на подходах к Ачикулаку.

При этом полки 30-й кавдивизии начали атаку с юга раньше остальных, примерно в 5.30, но наткнулись на хорошо укрепленный рубеж и только утром к 7.40, при поддержке артиллерии и минометов,

наконец овладели кирпичным заводом и восточной частью села. Но удержать позиции после получения немцами подкрепления до конца дня дивизия не смогла и к ночи ее части отошли в рошу в 6 километрах восточнее Ачикулака.

Таким образом, залогом успешного штурма села Ачикулак 1 ноября 1942 года, по задумке штаба Н.Я. Кириченко, должны были стать внезапность и синхронность наступления дивизий корпуса с трех направлений. Основными причинами провала этих планов, на наш взгляд, стали:

- ресурсная и информационная готовность гитлеровцев к наступлению советских частей;
- кадровое и техническое превосходство немецкой группировки;
- наличие у немцев достаточного количества резервов (и недостаток таких резервов у руководства 4-го кавкорпуса);
- недооценка генералом Н.Я. Кириченко сил противника;
- частичная несогласованность действий трех дивизий корпуса;
- потеря преимущества кавалерийских частей в пешем бою.

К итогу дня 1 ноября стало понятно, что ни одна из трех дивизий не смогла в полной мере решить поставленную перед ней боевую задачу и к ночи потрепанные казачьи части откатились на исходные рубежи. Ачикулак остался в руках гитлеровцев.

Но генерал Н.Я. Кириченко, видимо все еще надеявшийся достичь желанного результата, не дал вверенным частям никакой передышки и приказал провести ночную атаку. Поэтому примерно в 23.00, измотанные казачьи части снова вышли на стартовые рубежи и после артподготовки начали движение к селу.

В 2 часа ночи 2 ноября 1942 года 9-я дивизия генерал-майора И.В. Тутаринова, наступавшая с северного направления, под подавляющим огнём противника ворвалась в Ачикулак. Пройдя с боем относительно небольшой участок, казаки уперлись в хорошо укрепленные немецкие окопы с пехотой и врытыми в землю танками, которые с ходу взять не удалось. Совершенно неожиданным для кавалеристов в этот момент оказался удар гитлеровцев во фланг дивизии, который должна была прикрывать наступавшая параллельно 10-я гв. кавдивизия. Но она к этому моменту еще не успела выйти на необходимую линию боестолкновения. В итоге к 9 часам утра гитлеровцы оттеснили казаков 9-й гв. дивизии на исходный рубеж. В обед бойцы дивизии предприняли еще одну попытку пробить немецкую оборону, но результата не добились и отошли. В целом за период боев 1–2 ноября 1942 г. частями 9-й гвардейской дивизии были подбиты и уничтожены 7 танков, 9 бронемашин, 10 автомашин с грузом и пехотой, сбит один самолёт Ю-88, уничтожены свыше 600 солдат и офицеров [4].

10-я гв. кавдивизия 2 ноября двинулась в сторону немцев на 2 часа позже 9-й дивизии, дождавшись окончания артподготовки. В 01.00 казаки генерала Б.С. Миллерова пошли на штурм Ачикулака с северо-западного направления. К этому моменту немцы успели усилить этот участок двумя резервными батальонами мотопехоты и 20 танками, дислоцировавшимися в Правокумском и Кара-Тюбе. Благодаря этому гитлеровцам удалось пробиться в разрыв между 9-й и 10-й дивизиями и ударить им во фланг и тыл. В итоге вместо успешного наступления гвардейцы были вынуждены перейти к обороне. Благодаря мужеству казаков подразделениям удалось выстоять в этом бою, и немцы откатились на исходные рубежи. Но и обе советские дивизии боевую задачу, поставленную им генералом Н.Я. Кириченко, выполнить не смогли.

Части 30-й кавдивизии смогли начать бой только в 7.00, дав тем самым время гитлеровцам для подтягивания резервов из районов Будённовска, Левокумского и Правокумского. Кавалеристы дивизии полковника В.С. Головского смогли прорвать первую линию обороны противника и овладели восточной окраиной села. Но после многочасовых кровопролитных боев 30-я дивизия так и не смогла выполнить поставленную задачу и отошла.

Только после поражений второго дня генерал Н.Я. Кириченко признал тщетность попыток захватить Ачикулак силами корпуса и отдал приказ на отход на восток на 100 км от села. «Понеся большие и неоправданные потери, корпус прекратил атаки и отступил» — так написал потом в своих мемуарах знаменитый маршал А.А. Гречко о безуспешной попытке 4-го кавкорпуса взять Ачикулак [5].

Бои за Ачикулак 1–2 ноября 1942 года дались корпусу большими жертвами [6]. Согласно данным журналов боевых действий всего за два дня боёв (1 и 2 ноября) 9-я гв. кавдивизия потеряла убитыми 80 бойцов, 38 пропавшими без вести, 174 ранеными [7]. В 10-й кавдивизии погибли 90 казаков, ранены 140 [8]. В 30-й кавдивизии были убиты и пропали без вести 64 человека, ранены — 90 [9]. В целом в трёх дивизиях в течение боев 1–2 ноября были убиты и пропали без вести 272 человека, ранены — 404. Кроме того, при штурме Ачикулака корпус потерял часть вооружения, что не могло не сказаться на его дальнейшей боеспособности.

Действия командира корпуса вызвали жесткую критику со стороны командования Северной группы войск, которое считало, что «сравнительно длительная лобовая атака укрепленного населенного пункта не отвечала ни задаче, поставленной корпусу, ни методу боевых действий для конницы» [10]. Неоправданные жертвы, которые понес 4-й гв. кавкорпус при штурме Ачикулака, оказались не просто бессмысленными, но еще и ослабили позиции советской группировки на участке Улан-Хол — Кизляр. Как показывает анализ событий, важнейшая стратегическая задача (прикрытие железной дороги Астрахань-Кизляр пу-

тем проведения ночных набеговых рейдов во фланг и тыл противника с захватом пленных и нарушением коммуникаций) в конце октября – начале ноября 1942 года практически не была выполнена корпусом во многом из-за личных амбиций ее командира — генерала Н.Я. Кириченко.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Безугольный А.Ю., Кринко Е.Ф. «Гвардии генерал казачьих войск» Н.Я. Кириченко // Военно-исторический журнал. 2007. №4. С. 15.
2. Бешанов В.В. Год 1942 — «учебный». Минск: Харвест, 2003. С. 450.
3. Цитата по: Карташев А.В. Бои 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского корпуса за село Ачикулак (октябрь–декабрь 1942 г.) // Военно-исторический журнал (интернет-приложение). 9 ноября 2022. URL: <http://history.milportal.ru/boi-4-go-gvardejskogo-kubanskogo-kavalerijskogo-korpusa-za-selo-achikulak-oktyabr-dekabr-1942-g/> (Дата обращения: 03.12.2022).
4. Карташев А.В. Указ. соч.
5. Гречко А.А. Битва за Кавказ. Москва: Воениздат, 1967. С. 172.
6. Чайкина Л. Горькая память Ачикулака // Курганские известия. 2018. 22 ноября.
7. ЦАМО РФ. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 4. Л. 135–138.
8. ЦАМО РФ. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 470. Л. 357.
9. ЦАМО РФ. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 470. Л. 327.
10. Цитата по: Карташев А.В. Указ. соч.

А.Л. ПЕЛИХ,
С.Н. КТИТОРОВ

(г. Армавир, РФ)

Первые опыты составления
экскурсионных маршрутов
по историческим местам округи Армавира*

Совсем недавно Кубанским научным фондом была поддержана реализация научно-инновационного проекта, ориентированного на коммерциализацию, под названием: «Создание сети виртуальных музейных площадок на базе историко-культурного наследия восточной зоны Краснодарского края в целях развития туристско-рекреационного потенциала». Руководителем проекта утвержден профессор кафедры всеобщей и отечественной истории АГПУ А.Л. Пелих, исполнителями — сотрудники и магистрант этой же кафедры И.В. Грицких, И.И. Басов, Н.С. Коваленко и А.М. Курьян, при привлечении к работе С.Н. Ктиторова и Е.А. Гуровой. Особо отметим, что на идее проекта настоял И.В. Грицких, который, наряду с руководителем, принимал деятельное участие в составлении заявки.

В основе замысла, который предстоит реализовать — разработка историко-культурной характеристики экскурсионного маршрута, включающего в себя культурно-исторические объекты г. Армавира и Новокубанского района. На основании научных и учебно-методических разработок планируется подготовить мобильное приложение с презентациями памятников, расположенных в субрегионе Средняя Кубань.

Проект разрабатывается в русле Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года [1], по которой одной из главных задач является развитие в регионе санаторно-курортного и туристского комплекса, для достижения стратегической цели в виде создания глобального конкурентоспособного всепогодного инновационного санаторно-курортного и туристского центра. Для этого, в частности, предполагается преобразование Краснодарского края в центр культурно-познавательного и развлекательного туризма, который предлагает оригинальный, качественный экскурсионный иннова-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта «Создание сети виртуальных музейных площадок на базе историко-культурного наследия восточной зоны Краснодарского края в целях развития туристско-рекреационного потенциала» №НИП–20.1 / 22.7.

ционный продукт, интересный и доступный представителям различных социальных и возрастных групп российского общества.

Одним из путей решения этой глобальной задачи является вовлечение в туристско-рекреационную сферу экономики Краснодарского края его иных, кроме горно-предгорной и приморской зон, географических регионов, путем развития в них туризма на базе регионального историко-культурного наследия. Такой территорией, в частности, нам видится восточная экономическая зона с центром в г. Армавире. В трудах видного ученого-кавказоведа, нашего пожизненного Шефа и Учителя В.Б. Виноградова данный субрегион определяется в качестве «Средней Кубани». В этой зоне сосредоточены многочисленные объекты культурного наследия, относящиеся по времени от эпохи бронзы до XX века и связывающие регион с жизнью и деятельностью целого ряда выдающихся исторических личностей.

Первые опыты составления экскурсионных маршрутов по историческим памятникам широкой округи Армавира были предприняты еще в начале XX века. И связаны они с именем местного краеведа и старожила Бориса Львовича Выродова (1888–1976), человека с очень непростой и драматической судьбой, посвятившего практически всю свою большую жизнь воспитанию молодежи на основе изучения исторического и природного наследия Средней Кубани. С 1910 г. он работал помощником (по научной части) заведующего музеем наглядных учебных пособий Армавирского общества попечения о детях. Помимо собственно исследовательской работы, Б.Л. Выродов много сил отдавал организации разнообразных внешкольных мероприятий. Так, еще в 1914 г. он открыл первую в городе летнюю детскую площадку.

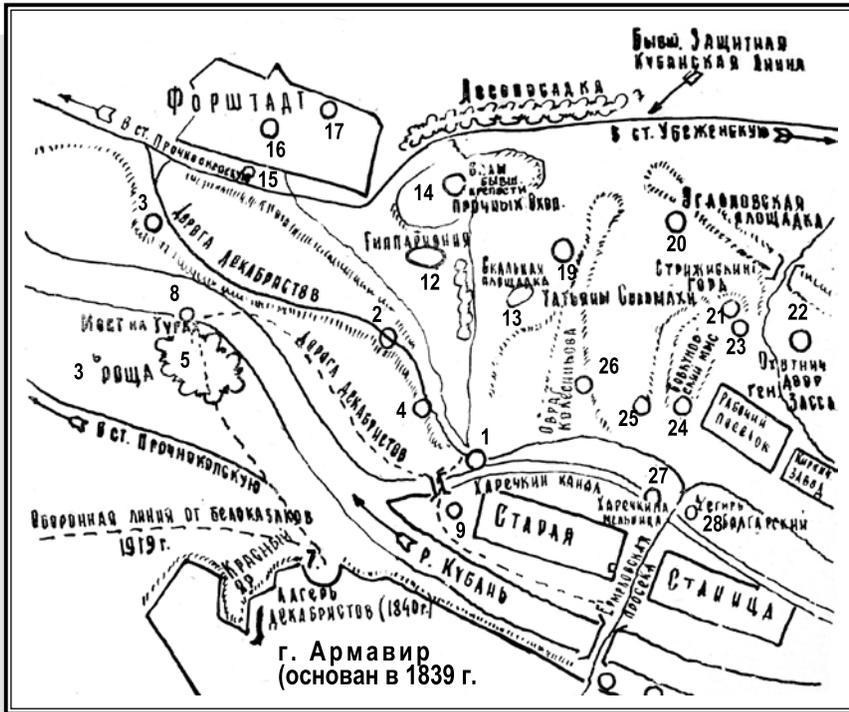
Борис Львович оставил после себя значительное рукописное наследие, внимательное изучение которого позволяет более полно осознать историко-культурный потенциал Армавира и его широкой округи. В этой связи следует отметить, что в реализации указанной задачи нам видится укрепление и продолжение одной из замечательных традиций, заложенных Виталием Борисовичем Виноградовым с первых дней начала его работы на историческом факультете тогда еще Армавирского государственного педагогического института. Наш мудрый Шеф и Учитель всегда отдавал дань уважения к достижениям предшественников, причем он практически с равным вниманием и интересом относился как к трудам маститых ученых-кавказоведом, многих из которых он знал лично, так и к любительским изысканиям (чаще всего еще неизданным, рукописным) старожилов и краеведов. Такая принципиальная позиция позволяла максимально актуализировать личностный подход в исследованиях и реконструировать картину повседневности в контексте проблематики локальной истории, что, несомненно, оживляло образы ушедших эпох, делало их ближе и понятнее.

Зримым воплощением этого искреннего интереса к наследию предшественников стало издание под эгидой Кавказоведческой школы многочисленных и прежде неизвестных работ местных любителей изучения прошлого, которые выходили в свет с компетентными комментариями, пояснениями и обычно под редакцией В.Б. Виноградова. Своеобразным памятником целой плеяде как профессиональных специалистов регионоведов, так и энтузиастов краеведов стал выпуск Виталием Борисовичем ряда биографо-библиографических брошюр, объединенных в рамках двух тематических серий: «Российские исследователи Кавказа» и «Северокавказские историки-краеведы» [2]. Благодаря этой многолетней работе, в научный оборот был введен значительный комплекс прежде неизвестных источников, в числе которых особый интерес представляют воспоминания живых очевидцев исторических событий. Настоящий проект актуализирует практическую значимость этих материалов в деле решения задач воспитания патриотизма и гражданственности.

Возвращаясь к имени Б.Л. Выродова, следует отметить, что основной массив его набранных на пишущей машинке работ хранится в фондах Архивного отдела администрации Армавира и местного краеведческого музея. Эти интересные материалы, посвященные историческим и природным памятникам города и окружающего его региона, еще ждут своего исследователя. В их числе такие произведения, как: «Века и тысячелетия волнующей истории смотрят на нас с Фортштадских высот (краеведческая экскурсия: историческое прошлое наших мест)» (1960 г.); «Маршрут комплексной краеведческой экскурсии: Армавир – Прикубанский лес – Армавирский зерносовхоз – Убежинские грязе-соленые озера с совхозом № 33 – Армавир» (1957 г.); «Исторические места города Армавира и его окрестностей» (1960 г.); «План местности реки Кубань и Урупа с указанием исторических мест и надпойменных террас» (1970 г.); «Карта-схема: Дорога по Кубанской защитной линии вдоль правого берега Кубани через ст. Прочноокопскую на Пушкинские Высоты» (1975 г.) и др.

При жизни краеведа в 1972 г. Армавирским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры была издана только одна его небольшая брошюра, посвященная биографии уроженца Армавира, видного советского геолога В.П. Колесникова [3]. Еще одно издание, представляющее собой дневниковые записи, письма и поэтические произведения краеведа, было осуществлено его родственниками уже в новейший период [4].

Виталий Борисович Виноградов, сразу же после своего появления в Армавире проявил самый непосредственный интерес к личности и наследию Б.Л. Выродова. Результатом этого стал выпуск в серии «Северокавказские историки-краеведы» посвященного ему небольшого биографического очерка [5]. Виталий Борисович также осуществил ввод в научный оборот своей ученицей С.В. Поповой, пожалуй, самого инте-

1. Автобусная остановка — начало маршрута.
2. Фортштадская дорога, в XIX веке — Военно-экспедиционная дорога на Лабу.
3. Выступ у дороги — площадка, с которой открывается вид на долину Кубани.
4. Аварийное место у спуска дороги.
5. Роцца, бывший пойменный лес — часть Военно-экспедиционной дороги.
6. Место старого моста — брод, использовавшийся в XIX веке для переправы.
7. Место bivуака отряда строителей, направлявшихся в 1840 г. на возведение укрепления на месте современного г. Лабинска.
8. Место первоначального расположения станции Прочноокопской.
9. Красногвардейские траншеи 1918 г.
10. Фортштадская тропа.
11. Тропа 1905 года.
12. Гиппархония.
13. Скальная площадка Татьяна Соломахи.
14. Площадь бывшей крепости Прочный Окоп.
15. Курган.
16. Фортштадт, место избы, где родился известный путешественник В.Ф. Машков.
17. Фортштадская начальная школа.
18. Дорога между крепостью Прочный Окоп и Фортштадтом — участок защитной Кубанской линии.
19. Остатки береговой линии Верхнесарматского моря.
20. Памятник палеонтологии — Эглоновская площадка.
21. Стрижибкина гора.
22. Охотничий двор генерала Г.Х. Засса.
23. Выработанный карьер — место находок отпечатков ископаемых растений.
24. Памятник палеонтологии — Бовкуновский мыс.
25. Памятник палеонтологии — Бовкуновский овраг.
26. Овраг Колесникова.
27. Место бывшего расположения Харечкиной мельницы.
28. Болгарский чигирь — колесо для полива огородов.
29. Центральная улица Старой Станицы — бывшая просека времен Кавказской войны.

Рис. 1. Схема экскурсионных маршрутов в Закубанском районе г. Армавира по Б.Л. Выродову (1972 г.).

ресного труда армавирского краеведа — рукописи, посвященной пребыванию на Средней Кубани декабристов [6]. Последняя работа будет широко использована нами при разработке планируемого в окрестностях Армавира экскурсионного маршрута. В реализации данного проекта также будут задействованы и непосредственно многочисленные наработки В.Б. Виноградова, в частности — одно из первых его «армавирских» изданий, книга историко-краеведческих очерков «Страницы истории Средней Кубани» [7].

Особый интерес для реализации поддержанного Кубанским научным фондом нашего проекта представляет упомянутая выше брошюра [3] Б.Л. Выродова 1972 г. Данная работа состоит из двух имеющих самостоятельную ценность частей. Первая — это рассказ о геологе В.П. Колесникове, связи ученого с Армавиром на протяжении всей его короткой жизни. Второй раздел — развернутая характеристика экскурсионного маршрута, с точкой отсчета в Старой Станице — Закубанском районе г. Армавира. Так как данная брошюра уже давно стала библиографической редкостью, в русле разработки нашего проекта есть смысл охарактеризовать упомянутый экскурсионный маршрут, кратко следуя по пунктам схемы, опубликованной в брошюре Б.Л. Выродова (рис. 1).

К сожалению, за прошедшие с момента выпуска брошюры полвека часть обозначенных автором пунктов потеряла свое экскурсионное значение, однако большинство из них может быть включено в планируемый по округе Армавира познавательный маршрут.

Обращение к трудам Б.Л. Выродова и другим малоизвестным работкам местных краеведов позволит на должном уровне раскрыть и реализовать мощный потенциал историко-культурного и природного наследия Средней Кубани, которое играет определяющую роль в определении стратегии развития туристско-рекреационного потенциала восточной экономической зоны Краснодарского края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. №3930-КЗ «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года». URL: <https://admkrai.krasnodar.ru/upload/iblock/772/7728651dffadfd0bd37a29408449ae36.pdf> (Дата обращения: 15.12.2022 г.).
2. Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова: 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и био-библиографических материалов / под ред. С.Л. Дударева. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2014. С. 482–483;
3. Выродов Б.Л. Колесников Владимир Прокофьевич (к 70-летию со дня рождения). Армавир. Памятники истории и культуры. Армавир, 1972. 19 с.
4. Выродов Б.Л. День моего рождения: Воспоминания. Письма и произведения. Москва, 1996. 206 с.
5. Виноградов В.Б., Попова С.В. Выродов Борис Львович (1888–1976) / Серия «Северокавказские историки-краеведы». Вып. 3. Армавир, 1997. 12 с.
6. Выродов Б.Л. Декабристы и Средняя Кубань / Серия «Практические опыты регионоведения». Вып. 1 / составитель С.В. Попова. Армавир, 1994. 51 с.
7. Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир, 1993. 103 с.

С.Н. КТИТОРОВ,
А.Л. ПЕЛИХ

(г. Армавир, РФ)

О ходе выполнения проекта «Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности в образовательном пространстве Краснодарского края»*

В конце 2021 года, по результатам конкурса, Кубанским научным фондом был поддержан научный проект кафедры всеобщей и отечественной истории АГПУ «Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности в образовательном пространстве Краснодарского края». Проект возглавляет доцент С.Н. Ктиторов. В состав коллектива исполнителей входят профессора: С.Л. Дударев, А.Л. Пелих и В.Г. Шнайдер, а также магистранты Е.Б. Хабибулина, В.В. Пешкова и Н.С. Коваленко. Большую помощь в выполнении работ исследовательского и методического характера оказывают доценты В.М. Хлопкова и Л.Н. Хлудова.

Актуальность проекта заключается в значимости для современного российского общества формирования у подрастающего поколения духовных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности. Эта тенденция отражена, в частности, в изменениях в Федеральный закон от «Об образовании в Российской Федерации», касающихся определения и содержания воспитательной работы [1].

Действующая Государственная программа «Развитие образования» на 2018–2025 гг. [2] предусматривает целый комплекс долгосрочных мероприятий, среди которых — проведение мероприятий по содействию патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации. В «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [3] подчеркивается необходимость формирования современной системы поддержки молодежных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта «Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности в образовательном пространстве Краснодарского края» № ППН–21.1 / 26.

инициатив с опорой на национальные культурно-исторические традиции. В воспитании качеств патриотизма и гражданственности чрезвычайно велика роль системы образования, как на федеральном, так и на региональном уровне. Поэтому актуальным оказывается развитие в образовательном пространстве Краснодарского края проектов, направленных на формирование духовных ценностей, патриотизма и гражданственности.

Цель проводимого нами исследования заключается в разработке модели методической поддержки педагогических работников в формировании духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края на основе изучения истории и культуры народов Кубани.

Отметим, что обозначенная проблематика проходила красной нитью через всю деятельность научно-педагогической Школы В.Б. Виноградова в ее «армавирский» период. Это проявилось в работах Виталия Борисовича уже в первой половине 1990-х — то есть практически сразу после вынужденного переезда ученого в Армавир.

Так, в книге «Страницы истории Средней Кубани», увидевшей свет в 1993 г., автор, в частности, представил небольшой очерк о ряде народов, населявших регион с древности до наших дней [4]. Данная работа продолжилась изданием в 1995 г. книги, полностью посвященной характеристике исторических судеб народов субрегиона: «Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения)». Основное внимание здесь уделялось показу процессов межэтнического взаимодействия и интеграции населения региона в состав России [5]. При этом наш Шеф всегда подчеркивал преобладающе позитивную и прогрессивную роль государства, как в имперский, так и в советский период его истории, в судьбах автохтонных народов, как Кубани, так и всего Северного Кавказа.

В этот же период в трудах Виталия Борисовича была сформирована концепция «российскости», ставшая стержневой в идеологии Кавказоведческой школы. По словам современного лидера научного коллектива профессора Сергея Леонидовича Дударева, под термином «российскость» понимается «исторически формирующаяся в пределах Российского государства особая социокультурная, ментальная сфера, внутри которой происходит тесное взаимовоздействие, а затем и синтез различных этнокультурных элементов при интегрирующей роли русской государственной и цивилизационно-культурной составляющей» [6].

Начиная с первой половины 1990-х г. В.Б. Виноградов и его ученики начали активно взаимодействовать со школами региона, с целью выстраивания единой системы историко-регионоведческого образования, в том числе и в целях формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности [7].

Таким образом, рассматриваемый в настоящей публикации проект является закономерным продолжением той работы, которая была начата еще в 1990-е годы и не прекращалась и в последующее время [8]. Принципиально важной вехой в этой деятельности нашего коллектива стала подготовка в 2011 г. учебных пособий «Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани» [9]. Похожая проблематика, имеющая большое значение в деле воспитания патриотизма и гражданственности, разрабатывалась С.Н. Ктиторовым в 2016 г. в грантовом проекте «Потенциал историко-культурного наследия народов Кубани как фактор укрепления и развития кросс-культурной коммуникации в региональном социуме», который выполнялся при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края.

Непосредственными задачами реализуемого ныне проекта являются следующие:

- Провести исследование потребностей в методической поддержке педагогических работников в процессе формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края на основе изучения историко-культурного партнерства народов Кубани.
- Выявить теоретические основы формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края на основе изучения историко-культурного партнерства народов Кубани.
- Разработать модель методической поддержки педагогических работников в формировании духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края на основе изучения историко-культурного партнерства народов Кубани с использованием цифровых инструментов и технологий.
- Провести апробацию модели методической поддержки педагогических работников в формировании духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края на основе изучения историко-культурного партнерства народов Кубани не менее чем в 10 образовательных организациях.
- Разработать и предложить к внедрению в образовательный процесс мультимедийное учебное пособие и методические материалы по теме «Историко-культурное партнерство народов Кубани как ресурс формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края».

- Подготовить методические рекомендации для педагогических работников по *формированию духовных ценностей, патриотизма и гражданственности на уроках и во внеурочной деятельности* на основе изучения историко-культурного партнерства народов Кубани.

В рамках реализации проекта в течение 2022 г. была проделана значительная работа, в частности по выяснению уровня сформированности духовных ценностей, патриотизма и гражданственности у учащихся и учителей, а также по обработке и внедрению в широкое научно-образовательное пространство конкретного фактического материала для историко-патриотической работы.

В рамках исследования был создан оригинальный опросник, с двумя вариантами — для учеников и для учителей — по теме: «Сформированность духовных ценностей, патриотизма и гражданственности обучающихся Краснодарского края, а также уровень их знаний об историко-культурном наследии народов Кубани». Было создано два варианта опросника — для учеников и для учителей.

И для учеников, и для учителей, в опроснике было сформулировано по 17 вопросов. Большая их часть дублировалась, что давало возможность сравнительного анализа ответов учителей и учеников. Для анализа были выбраны представления респондентов о понятиях «патриот», «патриотизм» и «гражданственность». Ряд вопросов касался духовно-патриотической самоидентификации учащихся, их представлений о наиболее значимых событиях и персоналиях в истории и культурной жизни Кубани [10].

В работе с опросником приняли участие обучающиеся 10–11-х классов общеобразовательных школ города Армавира в количестве 719 человек, а также педагоги общеобразовательных организаций в количестве 53 человек. По результатам опроса отметим, что основные ответы в тех вопросах, которые дублировались в анкетах педагогов и обучающихся, в значительной степени совпадали. Так, большинство в обеих группах респондентов связало понятие «патриот» с общей фразой «любовь к Родине» (56,4 % обучающихся и 45,8% учителей). Понятие «гражданственность» соотносится с чувством ответственности и долга перед своей страной и народом (41,5% и 52,8% соответственно), а также с осознанием своих прав и свобод (44,7% и 43,4%). Среди событий из истории Кубани, которые вызывают чувство гордости, в обеих группах респонденты чаще всего отметили события Великой Отечественной войны и освобождения Кубани от немецко-фашистских захватчиков (более 50%) [11].

Всего за первый год реализации проекта в его рамках была проведена региональная научно-практическая конференция [12], опубликовано учебно-методическое пособие [13] и 13 статей, посвященных кон-

кретным аспектам историко-культурного наследия народов Кубани и особенностям применения исторических материалов в воспитательной работе.

Среди публикаций по проблематике проекта особо отметим статьи в солидных, включенных в базу данных Scopus, и входящих в список изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией России, историческом журнале «Былые годы» (включен в 1 квартиль) [14], и педагогическом журнале «Перспективы науки и образования» (включен во 2 квартиль) [15].

В ходе выполнения нашего проекта большое внимание было уделено практическим и теоретическим аспектам экскурсионной деятельности, которая нами рассматривается в качестве инструмента воспитания гражданственности и патриотизма. В этой связи следует отметить, что города и станицы Краснодарского края, богатое историческое и природное наследие кубанских земель представляют собой перспективное поле для проведения экскурсионной работы. Яркие и аутентичные памятники прошлого, связанные с судьбами проживавших здесь различных народов, являются прекрасным свидетельством поликультурной палитры прошлого нашей малой Родины, как неотъемлемой части большого многонационального Отечества.

В условиях Краснодарского края любая экскурсия неизбежно будет являться иллюстрацией того вклада, который внесли в развитие региона и всей страны представители различных этнических сообществ. Знакомство с исторической средой городов Кубани не только расширяет общий кругозор учащихся, но также будет способствовать повышению интереса к иным культурам и традициям, осознанию их непреходящей ценности и того уникального места, которое каждый народ занимает в жизни государства. Таким образом, одним из самых значимых результатов городских образовательных экскурсий является развитие кросс-культурного диалога, укрепление межэтнического партнерства и гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений, что особенно актуально в современных детских и иных коллективах, отличающейся своей гетерогенностью.

Именно в ходе экскурсий перед учащимися открываются удивительные факты их сопричастности к судьбам малой Родины и всего Отечества. Важно показать детям, что они живут на той же земле и под тем же небом, что и их выдающиеся предки, связь с которыми осознается и устанавливается через постижение истории места. Экскурсия позволяет подчеркнуть присущую каждому населенному пункту, вне зависимости от его размера или возраста, идентичность, что нашло выражение в известной пословице «Что город, то норов; что деревня, то обычай». Осознание и понимание этой уникальности родной земли лежит в основе формирования чувства гражданственности, то есть ответственности за судьбу своей страны.

Значимым результатом работы в указанном направлении стал выпуск руководителем научного проекта С.Н. Ктиторовым учебно-методического пособия «Городские экскурсии в образовательном и воспитательном процессах в условиях Армавира». В этом издании раскрываются методические аспекты организации и проведения городских экскурсий, как одной из перспективных форм образовательной и воспитательной деятельности педагога. Данная проблематика рассматривается на примере Армавира, являющегося естественным и крупнейшим экономическим, образовательным и культурно-историческим центром восточной зоны Краснодарского края.

Таким образом, результаты реализации первого года научного проекта «Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края», как нам представляется, можно оценить достаточно высоко, что позволяет рассчитывать на поддержку Кубанским научным фондом второго этапа его выполнения в 2023 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся». — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788/> (дата обращения: 15.11.2022).
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования». URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/3a928e13b4d292f8f71513a2c02086a3/download/1337/> (дата обращения: 12.11.2022).
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420237592/> (дата обращения: 15.11.2022).
4. Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир, 1993. С. 12–18.
5. Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи: (Формирование традиционного состава населения): Книга историко-культурных регионоведческих очерков. Армавир, 1995. 149 с.
6. Дударев С.Л., Ктиторов С.Н., Ктиторова О.В., Цыбульников А.А. Этническая толерантность в образовательном процессе Краснодарского края // Народы Северного Кавказа в общероссийском пространстве: история и современное состояние: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Хасавюрт. 10 декабря 2011 г. Хасавюрт, 2011. С. 114–120.
7. Из опыта регионоведческой работы в общеобразовательной школе // Региональный компонент в образовании. Армавир, 2000. 16 с.; Из опыта регионоведческой работы в общеобразовательной школе: Сборник учебно-вспомогательных материалов // Региональный компонент в образовании / под ред. В.Б. Виноградова. Вып. 2 (второе издание). Ставрополь; Армавир, 2019. 16 с.
8. Дударев С.Л., Дударев Д.С., Ктиторова О.В., Цыбульников А.А. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа). Армавир, 2014. 252 с.

9. Ктиторов С.Н., Ктиторова О.В., Хлудова Л.Н., Цыбульникова А.А. Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани. Учебно-методическое пособие для учителей общеобразовательных учреждений Краснодарского края. Армавир, 2011. 116 с.; Ктиторов С.Н., Ктиторова О.В., Цыбульникова А.А. Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани. Учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений Краснодарского края. Армавир, 2011. 172 с.
10. Ктиторов С.Н., Пелих А.Л. Восприятие патриотизма и гражданственности в современной школе: региональный аспект // Передовые исследования Кубани: Сборник материалов Ежегодной отчетной конференции грантодержателей Кубанского научного фонда / отв. ред. В. В. Анисимов, ред.: В. Г. Гайдук, Г. В. Бакуменко (г. Сочи, 20–22 июня 2022 г.). Краснодар, 2022. С. 254–259.
11. Пелих А.Л., Хлопкова В.М., Хлудова Л.Н., Шнайдер В.Г. Исследование сформированности духовных ценностей, патриотизма и гражданственности у старшеклассников современной школы // Перспективы науки и образования. 2022. Вып. 6.
12. Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края. Материалы Региональной научно-практической конференции / научн. ред. С.Н. Ктиторов. Армавир, 2022. 214 с.
13. Ктиторов С.Н. Городские экскурсии в образовательном и воспитательном процессах в условиях Армавира: Учебно-методическое пособие. Армавир, 2022. 184 с.
14. Дударев С.Л., Коваленко Н.С., Ктиторов С.Н., Пелих А.Л. Контакты русскоязычного населения предгорной Кубани с греческими колонистами во второй половине XIX – начале XX в. (по данным метрических книг) // Былые годы. 2022. 17(2). С. 729–738.
15. Пелих А.Л., Хлопкова В.М., Хлудова Л.Н., Шнайдер В.Г. Исследование сформированности духовных ценностей, патриотизма и гражданственности у старшеклассников современной школы // Перспективы науки и образования. Международный электронный научный журнал. 2022. № 6 (60). (Ноябрь / Декабрь) // <https://pnojurnal.wordpress.com/2022-2/22-06/> (Дата обращения: 15.12.2022 г.).

АРХЕОЛОГИЯ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

А.Н. КОВАЛЕНКО

(г. Ростов-на-Дону, РФ)

К вопросу о хронологии Ростовского городища

Ростовское городище находится на высокой коренной террасе правого берега р. Дон, в исторической части г. Ростова-на-Дону, у Ворошиловского проспекта и моста. Наиболее ранний сохранившийся план этого памятника представлен на карте города 1768 года, составленной военным инженером А.И. Ригельманом (рис. 1). Присутствует оно и на плане крепости Св. Димитрия Ростовского, выполненной в последней четверти XVIII века Морисом де Вернезом, а уже на планах XIX века древнее городище полностью поглощено городской застройкой и специально не обозначается. Судя по карте 1768 года, Ростовское городище в плане имело форму, близкую к квадрату и было окружено рвом.

Появление Ростовского городища, как и ряда других городищ первых веков н.э., известных в устьевой области Дона, связывается с меотскими племенами, переселившимися на Нижний Дон с территории Прикубанья. К северу от городища расположен его обширный грунтовый некрополь. В настоящий момент территория памятника застроена, а рельеф, по большей части, изменен хозяйственной деятельностью. О Ростовском городище до недавнего времени было известно очень мало, и оно являлось одним из наименее изученных меотских городищ, известных на Нижнем Дону. В связи с тем, что это городище практически полностью находилось под исторической застройкой и археологически не исследовалось, то до начала 1990-х годов оно считалось самым маленьким из донских меотских городищ. В монографии 1993 года, специально посвященной городищам донских меотов и вопросам их датировки, И.С. Каменецкий на основании карты 1768 года оценивал площадь указанного на карте, окруженного рвом холма городища, приблизительно в 5000–5500 кв. м. При этом он указывал, что о существовании поселения вне холма никаких сведений нет, а так-

Рис. 1. План-схема Ростовского городища.

же отмечал, что нет данных и о мощности культурных напластований этого памятника [1]. В качестве археологического объекта Ростовское городище было впервые обнаружено лишь в 1923 году донским краеведом М.Б. Краснянским [2]. В 1925–1926 гг. место расположения Ростовского городища осмотрел Г.А. Иноземцев, который описал обнажения и собрал подъемный археологический материал. Структура городища к тому времени уже была давно стерта городской застройкой [3, 4]. Еще первыми исследователями Ростовского городища, при анализе планов крепости Святого Димитрия Ростовского было установлено, что, как минимум, четверть всей площади городища была уничтожена при устройстве товарной пристани и складов «Русского общества пароходства и торговли» в конце XIX века [5].

В фондах Ростовского областного музея краеведения сохранилась небольшая коллекция довоенных сборов на территории Ростовского городища. В 1970-е годы С.А. Яценко и П.А. Ларенком были проведены сборы на памятнике в районе ресторана «Балканы» (угол ул. Соколова и Нижнебульварной) [6]. И это практически вся информация, которая имелаась о Ростовском городище к началу XXI века.

Первые археологические раскопки на территории Ростовского городища были проведены в 2006 году и носили спасательный характер. Эти исследования были связаны со строительством рядом с Ворошиловским проспектом на ул. Нижнебульварной, 4–6 бизнес-центра «Пять морей», и проводились археологической экспедицией Научно-методического центра археологии Ростовского государственного педа-

гогического университета под руководством В.П. Копылова и А.Н. Коваленко. В результате этих работ была исследована площадь в 474 кв. м, где выявлены хозяйственные ямы и материалы первых веков н.э. [7].

В 2011 году отрядом археологической экспедиции ЗАО «ОКН-проект» под руководством Е.В. Коротоякской в южной части городища под смотровой площадкой ресторана «Балканы» на краю осыпающегося склона высокого коренного берега р. Дон, была проведена археологическая зачистка, в ходе которой была получена стратиграфическая колонка, выявлены остатки жилища и обнаружено значительное количество археологического материала [8]. Следует отметить, что именно здесь, в южной части памятника, были выявлены наиболее ранние материалы Ростовского городища за все время его археологического изучения.

В сентябре 2013 и в январе 2016 года в зонах новостроек небольшие шурфовочные разведочные археологические работы на территории Ростовского городища были проведены также ГАУК РО «Донское наследие».

В 2021 году совместная археологическая экспедиция ООО «Археологическое общество «Наследие» и Института истории и международных отношений ЮФУ под руководством А.Н. Коваленко провела масштабные охранно-спасательные археологические исследования на участке площадью более 2500 кв. м, расположенном по адресу ул. Седова, 21/1, где согласно имеющейся учетной документации, должен был располагаться грунтовый некрополь Ростовского городища. Однако, в ходе проведенных спасательных мероприятий удалось установить, что большая часть территории обследованного земельного участка содержала объекты, связанные с поселенческими структурами Ростовского городища.

Было установлено, что это городище имело значительно большую площадь, чем это считалось ранее, а реальные границы этого археологического объекта находятся севернее границ, имеющих в учетной документации. Был изучен, неизвестный ранее, периферийный участок этого памятника. Впервые были открыты остатки рва, который обозначал северо-восточную границу городища. Характер археологического материала из заполнения рва указывает, что время прекращения его функционирования произошло около середины III в. н.э.

К сожалению, остатки культурного слоя древнего поселения сохранились очень фрагментарно и только в самой южной части обследованной территории. В остальной части обследованной территории, этот слой был уничтожен еще в XIX веке в результате террасирования склона и строительной деятельности. Тем не менее, даже там, где культурный слой отсутствовал, было обнаружено значительное количество объектов и находок первых веков н.э. В частности, важным и ценным источником информации о древнем населении Нижнего Дона служит открытие большого количества хозяйственных ям, связанных с де-

тельностью жителей Ростовского городища. При этом, открытые объекты расположены достаточно плотно и, зачастую, перекрывают друг друга, что свидетельствует о том, что эта территория в первые века н. э. активно и достаточно долго использовалась древним населением для жизни и осуществления хозяйственной деятельности.

Огромное количество полученного археологического материала позволяет достаточно надежно и уверенно определить хронологические рамки периода, в течение которого функционировал этот участок северо-восточной периферийной части Ростовского городища. Полученные материалы показывают, что этот период был достаточно узким, а его хронологические рамки укладываются во временной отрезок с конца II по середину III в. н. э. Более ранние материалы на этом участке отсутствуют. Обращает на себя внимание, что в ходе исследований, проведенных ранее в южной части городища, помимо III в. н. э., присутствует и керамика, относящаяся к I–II в. н. э. [9], а в материалах некрополя Ростовского городища, помимо погребений первой половины III в. н. э. также присутствуют захоронения, совершенные до этого столетия, и датируемые концом I–II в. н. э. [10]. Несомненным представляется существование поселения в течение всего II и в первой половине III в. н. э. При этом следует отметить, что материалов, связанных с начальным периодом функционирования памятника, которые можно было бы отнести к I в. н. э., было обнаружено крайне мало, и к тому же они могут иметь весьма широкую датировку. Поэтому время основания Ростовского городища, по нашему мнению, еще нуждается в уточнении. Вполне возможно, такое количество материалов I в. н. э., может объясняться с одной стороны недостаточной археологической изученностью памятника, а с другой тем, что наиболее ранний участок памятника (часть того самого, окруженного рвом, холма, обозначенного на планах XVIII века), расположенный у края высокого обрывистого берега р. Дон, мог быть уничтожен в ходе застройки города Ростова-на-Дону еще в XIX веке.

Тем не менее, полученные данные позволяют на основании конкретного археологического материала подтвердить время функционирования Ростовского городища в рамках хронологического отрезка I–III в. н. э. При этом обращает на себя внимание, что, очевидно, территория городища увеличивалась постепенно и заселение обширной территории вокруг ядра поселения произошло значительно позже времени его основания, очевидно, только в первой половине III в. н. э. Интерес вызывает также то обстоятельство, что на территории участка городища, исследованного в 2021 году, были открыты и остатки нескольких захоронений, относящихся к некрополю городища. Все они нарушены хозяйственными ямами III в. н. э. Обращает на себя внимание, что два из исследованных и наиболее сохранившихся захоронений, имеют достаточно надежную датировку. Одно из них на основа-

нии анализа набора инвентаря, включавшего в себя сероглиняные сосуды и изделия из бронзы, датируется II – началом III в. н. э., а второе, очевидно, весьма статусное детское захоронение, помимо прочего, содержало боспорскую монету Ининфимея (233–238 гг. н. э.), в центре которой было пробито сквозное отверстие, краснолаковую миску, две гривны, украшения и другие предметы [11]. Отдельные человеческие кости были обнаружены также в заполнении некоторых хозяйственных ям и в заполнении рва. Все это свидетельствует о том, что данный участок был заселен жителями Ростовского городища и использован для своей хозяйственной деятельности, уже после того, как там было совершено несколько захоронений. При этом промежуток времени, прошедший между совершением, как минимум двух, надежно датированных погребений, и их частичным разрушением хозяйственными ямами, вероятно, был весьма небольшим. Как бы то ни было, имеющиеся на сегодняшний день данные, позволяют установить, что Ростовское городище имело значительно большие размеры, чем это считалось ранее, имело обширную, ограниченную рвом периферийную часть, где население занималось хозяйственной и ремесленной деятельностью, и которая заселена была лишь на последнем этапе существования городища в первой половине III в. н. э., очевидно, вследствие увеличения численности населения и размеров поселения. Таким образом, можно высказать мнение, что разные участки памятника в зависимости от времени их заселения могут датироваться по-разному.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Каменецкий И.С. Городища донских меотв. Вопросы датировки. Москва, 1993. С. 10.
2. Каменецкий И.С. История изучения меотв. Москва, 2011. С. 62.
3. Там же. С. 64.
4. Иноземцев Г.А. Ростовское городище // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Кн. I. Т. III. Вып. 2. 1927. С. 22–23.
5. Коротоякская Е.В. Археологическая зачистка на территории Ростовского городища в г. Ростове-на-Дону в 2011 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2012 году. Вып. 28. Азов, 2014. С. 100.
6. Там же.
7. Копылов В.П., Коваленко А.Н., Меньшикова В.А. Исследования спасательного отряда экспедиции НМЦА РГПУ на территории Ростовского городища в 2006 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 году. Вып. 23. Азов, 2008. С. 108–115.
8. Коротоякская Е.В. 2014. Указ. соч. С. 98–111.
9. Там же. С. 101–111.
10. Нечипорук А.А., Гугуев В.К., Яненко А.П. Результаты работ в центральной части г. Ростова-на-Дону в 2017–2018 гг. // Археологические открытия 2018 года. Москва, 2020. С. 230.
11. Гугуев В.К., Коваленко А.Н. Погребения с необычным использованием монет в некрополях донских меотв // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VIII / отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Салта, 2022. С. 68–87.

С.Л. ДУДАРЕВ,
А.В. ПЬЯНКОВ

(гг. Армавир, Краснодар, РФ)

Находки боспорских статеров в поселке Мезмай

В 2022 году местные жители пос. Мезмай (Апшеронский район Краснодарского края) обнаружили в окрестностях данного населенного пункта клад боспорских монет, из состава которого происходят два экземпляра из желтого металла, предоставленные для ознакомления директору Мезмайской детской школы искусств народного декоративно-прикладного творчества и традиционных ремесел М.И. Скворцову, предоставившему фотографии авторам для определения атрибуции предметов. К сожалению, размеры и весовые данные статеров остались неизвестны. Клад, скорее всего, связан с памятниками типа грунтового могильника Мезмай–1 [3].

Рис. 1. Боспорские статеры из пос. Мезмай.

1. Статер, царя Реметалка (правившего в 131 / 132–153 / 154 гг. н. э.), (рис. 1, 1, а, б). Л.С.: бюст царя вправо, справа в поле «копьё», легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΟΥ. О.С.: голова Антонина Пия вправо, снизу год ΜΥ (440 г. б. э. = 143 / 144 г. н. э.). Сохранность: имеет выщерблена края монетного кружка, лёгкая потёртость и небольшие царапины. Аналогии: Анохин В.А. 1986, с. 159, кат. №5096; 2011, с. 238, кат. 1667 [1; 2].
2. Статер, царя Евпатора (правившего 154 / 155 – 170 / 171 гг.), (рис. 1, 2, а,б). Л.С.: бюст царя вправо, легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ. О.С.: голова Марка Аврелия, вправо, справа в поле «точка», снизу год ΖΝΥ (457 г. б. э. = 160 / 161 г. н. э.). Аналогии: Анохин В.А. 1986, с. 161, кат. № 536а; 2011, с. 244, кат. 1718 [1; 2].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. с. 159, кат. № 5096; 2011, с. 238, кат. 1667.
2. Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. Киев: СтилоС, 2011, с. 161, кат. № 536а; 2011, с. 244, кат. 1718.
3. Шевченко Н.Ф. «Полукенотаф» эпохи раннего железного века в грунтовом могильнике Мезмай 1 (Краснодарский край) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Тезисы докладов Международной научной конференции). Магас: Пилигрим, 2010. С. 365–370.

С.Л. ДУДАРЕВ, В.А. БЕРЕЖНАЯ,
М.С. БОБРЫШЕВ, К.В. СКИБА

(Армавир, Лабинск, РФ)

Новые находки сабель эпохи раннего средневековья
из Закубанья

В Лабинский музей истории и краеведения им. Ф.И. Моисеенко одним из авторов были переданы на экспертизу две сабли периода средневековья, переданные ему жителями с. Горное Лабинского района, как найденные в окрестностях данного населенного пункта, на известном городище X–XIII вв. Куньша.

Сабля № 1 имеет слабоизогнутый клинок, стержень рукоятки находится под небольшим наклоном по отношению к лезвию, на ней, ближе к перекрестию имеется заклепка (рис. 1, 1). Конец рукоятки, прямоугольной в сечении, слегка поврежден, общая сохранившаяся длина ее составляет 6,2 см, а ширина у перекрестия — 1,8 см, перекрестие предмета длиной 7,6 см, имеет слегка опущенные вниз концы с грибообразными шишечками (рис. 1, а). Лезвие без елмани, треугольное в сечении, слегка выщерблено. Его ширина у основания — 2,6 см. Общая длина сабли — 81 см.

Сабля № 2 также имеет слабоизогнутый клинок, стержень рукоятки предмета находится под несколько большим углом наклона по отношению к лезвию, чем у предыдущего образца (рис. 1, 2). Длина рукоятки 9,9 см, а ширина у основания — 2,2 см, перекрестие предмета длиной 8,5 см, также имеет слегка опущенные вниз концы с шишечками (рис. 1, 2а). На рукоятки — отверстие для заклепки. Лезвие без елмани, треугольное в сечении, слегка повреждено, конец его утрачен. Его ширина у перекрестия — 3,4 см. В верхней части лезвия, ниже «спинки», на протяжении примерно четверти предмета книзу идет проходит дол (?). Общая длина сабли в сохранившемся виде — 77 см. На рукоятки предмета и лезвии имеются следы дерева, соответственно от рукоятки и ножен.

К этим находкам можно добавить и образец № 3 (рис. 1, 3) из экспозиции небольшого музея, который функционирует при Детской школе искусств и традиционных народных ремесел Кубани (пос. Мезмай Апшеронского района Краснодарского края)¹. Стержень рукоятки

1 Искренне признательны директору данной школы, заслуженному работнику культуры Кубани М.И. Скворцову за возможность ознакомиться с экспонатами музея и материалами из его фондов.

Рис. 1. Находки клинкового оружия из района городища Куньша и пос. Мезмай.

предмета, найденного в окрестностях данного населенного пункта, находится под наклоном к лезвию, угол которого практически такой же, как и у предыдущего предмета. На рукояти близко от перекрестия присутствует заклепка (рис. 1, 3а). Перекрестие находки практически идентично описанным выше, особенно сближаясь с саблей № 2, и имеет на концах утолщения в виду округлых шишечек. На лезвии присутствует не очень сильно выступающая елмань, оно практически прямое, в отличие от представленных выше, что может характеризовать предмет, скорее, как палаш. В сечении лезвие треугольное. Его общая длина 80,5 см, ширина у перекрестия 2,5 см.

Стремясь определить датировку этих предметов, укажем, что общие хронологические рамки группы сабель, в которую входят описанные выше образцы, могут быть обозначены в целом (IX?) X–XIII вв. Близкие им хронологически образцы сабель в последние годы были найдены на территории того же Лабинского, а также Курганинского районов Краснодарского края [1, 2]. В то же время, желая конкретизировать данную датировку, и иные нюансы атрибуции публикуемых артефактов заметим следующее.

В свое время П.А. Дитлер опубликовал материалы могильника Колосовка № 1, исследованного еще в начале 1960-х гг. Среди них присутствовали фрагменты трех сабель, которые довольно близки нашим: полоса имеет легкий изгиб (этот признак мы видим у об-

разцов №№ 1 и 2), стержень рукоятки наклонен в сторону лезвия, перекрестие напускное и прямое (сабли №№ 1–3), с каплевидными утолщениями на концах (у перекрестий из Куньши и Мезмая они несколько более массивные), длина полосы не превышает 0,7–0,8 м, ширина ее 2,5–3,0 см, сечение полосы треугольное (сабли №№ 1–3), конец сабли обоюдоострый (этот признак в наших случаях отсутствует), иногда по всей длине проходит дол (частично имеется у сабли № 2). Эти черты характерны для сабель Северного Кавказа и Руси в IX–XI вв. В то же время интересно, что навершия колосовских сабель характерны для X–XII вв. [3]. Есть основания полагать, что образцы, подобные колосовским, помогают обосновать нижний хронологический рубеж представленных нами сабель, а именно — X — первая половина XII в. [4].

С другой стороны, в опубликованных совсем недавно материалах курганного касожского могильника «Кедровая роща» в Северском районе Краснодарского края, датируемого XII–XIII вв. в погребении № 1 был обнаружен образец сабли, который по размерам (длина 81 см, ширина у основания — 3,5 см) и форме им деталям крепления (заклепка или отверстие для нее вблизи перекрестия), форме перекрестия, треугольному сечению лезвия явно сближается с описанными [5]. Образец из «Кедровой рощи», на наш взгляд, отмечает верхний хронологический рубеж сабель, аналогичных издаваемым (XII–XIII вв.). Примечательно, что перекрестия сабель, подобные нашим, по мнению некоторых археологов, в XII в. сменяются (на наш взгляд — начинают сменяться. — *Авт.*) перекрестиями с подтреугольными боковыми щитками, прямыми или опущенными в сторону лезвия концами, с грибовидными или гранеными утолщениями на концах [6]. Подтверждением нашего уточнения хронологии эволюции формы перекрестия сабель является находка сабли из Крымского района Краснодарского края с арочным перекрестием с шаровидными концами и треугольным мысом, обращенным к рукояти. Такие перекрестия, как отмечает публикатор этой находки, характерны для черкесских сабель XII — первой половины XIII в. [7].

Теперь коснемся еще одного аспекта характеристики сабель из Куньши и Мезмая. Еще при первой публикации сабель №№ 1–2 [8] лица, участвовавшие в дискуссии, обратили внимание на два момента. Относительно небольшой размер сабель №№ 1 и 2 (как и № 3) может свидетельствовать, как полагали диспутанты, либо об антропометрических параметрах популяции, оставившей эти предметы (люди невысокого роста), либо возрастных особенностях («детские» сабли). Учитывая формат данной работы, ограничимся лишь весьма краткими и далеко не полными наблюдениями над известными нам материалами VIII–XIII вв. с территории Северного Кавказа и евразийского пояса степей.

Выборка сабель с Северо-Западного Кавказа (могильник Общественный II у ст. Мингрельской, Колосовский, Молдовановский, мо-

гильники на Псекупсе, и некоторые другие), находки из центральной и восточной частей Предкавказья (кремационное погр. 2 из района поселения «Козьи скалы» у г. Бештау, катакомбные могильники в Хуламе и Дуба-Юрте) указывают на то, что в VIII–XI вв. сабли редко превышают 70–80 сантиметров с лишним [9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16].

В культурах Подонья, Поволжья, и в восточных районах евразийского пояса степей VIII–X вв. (салтово-маяцкая, болгарская, древне-венгерская, сrostкинская, тюхтятская, караякуповская, и др.) доминирование сабель указанных размеров далеко не так заметно, образцы, превышающие 1 м, ненамного уступают им количественно [17, 18, 19].

В памятниках XI–XII вв. (или несколько ранее) положение начинает меняться в сторону увеличения размеров сабель, достигающих в длину 1 м и даже превышающих этот размер (поселение Козьи скалы, скала Передовая² [21], могильники Змейский и Мартан-чу – 1 [22, 23]. И, наконец, период XII – первой половины XIII в. и тем более, время второй половины – конца XIII в. характерны доминированием клинкового оружия, стабильно превышающего 1 м в длину [24, 25, 26, 27, 28]. Практически, та же картина наблюдается и у кочевников, как обитавших в евразийских степях, так и на Северном Кавказе [29, 30, 31]. Таким образом, размеры рубящего клинкового оружия в период раннего средневековья зависели, полагаем, не от антропометрических или возрастных показателей пользователей сабель, а были связаны, скорее всего, с развитием военного дела в Евразии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дударев С.Л., Бережная В.А., Савенко С.Н. Археологические материалы эпохи средневековья с территории Средней Кубани // Вопросы археологии Адыгеи (2021): Сборник научных трудов. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2021. С. 233, 244, рис. 3, 2.
2. Дударев С.Л., Бережная В.А., Савенко С.Н. Новые находки эпохи средневековья с территории Краснодарского края // Вопросы археологии Адыгеи: сборник научных трудов. Майкоп: изд-во Магарин О.Г., 2022. С. 189, 194, рис. 2, 3–5.
3. Дитлер П.А. Могильник Колосовка № 1 (Раскопки экспедиции АНИИ 1962 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 124.
4. Василенко Д.Э. Средневековый курганный могильник Носовцева Поляна 1 в долине р. Мзыста (г. Сочи) // МИИКНСК. Вып. VII. Археология, палеантропология, краеведение, музееведение. Москва: Памятники исторической мысли, 2007. С. 266.
5. Тищенко И. Б., Василенко Д. Э., Греков А. А. Курган №2 эпохи средневековья в составе курганной группы «Садовая 1» (Красногвардейский район Республики Адыгея // Вопросы археологии Адыгеи: сборник научных трудов. Майкоп: изд-во Магарин О.Г., 2022. С. 160, рис. 1, 5.
6. Василенко Д.Э. Указ. соч. С. 266–267.

2 Опубликовывавшие предмет авторы пишут, что у образца имеется елмань. Это неверно, так елмань — это расширение слабой, ближайшей к острию рубяще-режущего оружия части клинка, как правило у сабель [20]. На образце со скалы Передовая такого расширения нет. За него принята обоюдоострая заточка конца лезвия сабли.

7. Голубев Л.Э. Новые находки средневекового вооружения из Закубанья // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 19. Армавир; Карачаевск. 2021. С. 193, 196, рис. 1, 1.
8. Интернет-журнал «Вдоль по линии Кавказа». URL: https://vk.com/wall-148607192?q=куньша&w=wall-148607192_25478 (Дата обращения: 24.11.22).
9. Ловлаче Н.Г. Могильники в устье реки Псекупса // *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп, 1985. С. 55, табл. XXVI, 5; С. 58, табл. XXIX, 3–4; С. 59, табл. XXX, 9–10.
10. Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки. Москва: Советский художник, 1985. С. 139. №466.
11. Дитлер П.А. Могильник Колосовка № 1. С. 106, 151, рис. 21, 1, 3.
12. Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Воинский комплекс 25 из Молдовановского могильника (раскопки 1989 г.) // *МИАСК*. Вып. 3. Армавир, 2004. С. 276, 280, 288, рис. 6, 1.
13. Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р. Поселение «Козьи скалы» у горы Бештау // *МИИХНСК*. Вып. VII. Археология. Ставрополь, 1998. С. 304–305, 326, рис. 14, 2.
14. Чеченов И.М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг.* Т. 3. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 106; 151, рис. 21, 1, 3;
15. Сорокина И.А. Курганные могильники Закубанья. Краснодар: Крайбибколлектор, 2011. С. 182–183, рис. 23, 2, 3, 9; рис. 32, 5.
16. Мамаев Х.М., Савенко С.Н. Дуба-юртовские катакомбные могильники // *Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии*. Грозный, 1988. С. 19, рис. 6, 27.
17. *Степи Евразии в эпоху средневековья* / под ред. С.А. Плетневой. Москва: Наука, 1981. С. 118–178.
18. Сарапулкин В.А. Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры // *Археологические памятники Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 12. Воронеж, 2006. С. 199, рис. 4, 11–12.
19. Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // *СА*. 1976. №2. С. 163, рис. 4, 21; 164, рис. 5, 22; 178.
20. URL: [<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1455479-elman-что-это-такое.html>] (Дата обращения: 1.12.2022).
21. Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р. Поселение «Козьи скалы» у горы Бештау, рис. 14, 1.
22. Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник // *Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии*. МАДИСО, Т. 1. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. С. 110–111, 129.
23. Vinogradov V.B. Altungarische parallelen zu einigen Gräbern des Alanischen Gräberfeldes bei Martan-Çu // *AAASH*, 35(1–2). Budapest, 1983. P. 213. Abb. 1a–1c; S.219.
24. Василенко Д.Э. Средневековый курганный могильник Носовцева Поляна 1... С. 256–257.
25. Зеленский Ю.В. Несколько предметов из разрушенного средневекового погребения на территории Краснодара // *Историко-археологический альманах*. Армавир; Москва, 1998. С. 141–142, рис. 1, 1.
26. Дударев С.Л., Бережная В.А., Савенко С.Н. Новые находки эпохи средневековья с территории Краснодарского края... С. 189, 194, рис. 2, 3–5.
27. Нарожный Е.И., Нарожный В.Е., Чакхийев Д.Ю. Погребение № 15 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // *МИАСК*. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 298, 300. Рис. 1, 1–2.
28. Успенский П.С. Исследования средневекового могильника Шизе IV в 2008 г. // *Пятая Кубанская археологическая конференция: материалы конференции*. Краснодар, 2009. С. 378, рис. 1, 2; 380.
29. *Степи...* С. 244, рис. 72, 53, 54.
30. Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // *МИАК*. Вып. 3. Краснодар, 2003. С. 185–186, 188–192, 195, 197–198, 201, рис. 2, 5; 202, рис. 3, 9; 204, рис. 5, 11; 205, рис. 6, 3; 207, рис. 8, 10; 208, рис. 9, 7.
31. Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа. Армавир, 2005. С. 102–103, рис. 44.

Г.Н. КЕРЦЕВА (ВОЛЬНАЯ)

(г. Владикавказ, РФ)

Позднесредневековые серьги и височные привески
Северного Кавказа: традиции изготовления и семантика

В позднесредневековых памятниках (XV–XVII вв.) горной зоны Северного Кавказа встречаются серьги, состоящие из круглого кольца-швензы¹ и вертикально расположенных полых шариков, украшенных зернью (рис. 1). Все полые бусины состоят из двух половинок: верхней и нижней, спаянных посередине. Они изготавливались из тонкой золотой, серебряной или бронзовой фольги толщиной менее 0,1 см. Для их изготовления использовалась металлическая матрица.

Такие серьги или привески встречаются в Северной Осетии: в Мацуте, Махческе (рис. 1, 11–14), Лезгоре (рис. 1, 16–17), Кумбулте (рис. 1, 15), Кобани (рис. 1, 19–20), Нузале (рис. 1, 26), в каменных ящиках и склепах с. Дзивгис (рис. 1, 21–23), склепе XV–XVI в. близ с. Ахсау (рис. 1, 24–25) [1, 2]. Большинство находок серёг и височных подвесок найдено в Дигорском ущелье. В Чечне они происходят из Юрташтинского [3], Ялхой-Мохкского [4], Гардалинского могильника [5], Автуринского могильника 1 (рис. 1, 27) [6], могильника «Урус-Мартаиновский поворот» [7], недокументированные хранятся в НМ ЧР (рис. 1, 28–29). В Ингушетии такие серьги известны из склепов XIV–XVII вв. с. Салги и Хамхи (рис. 1, 30–31) [8], в Балкарии из с. Зилчи² (рис. 1, 33–34) [9], также они встречаются в Карачаево-Черкессии (рис. 1, 32). Рассматриваемые нами серьги могли использоваться и как височные подвески. Например, в погребении 6 могильника близ с. Махческ была обнаружена расшитая шнурообразным золотым шитьём войлочная шапочка с парой прикреплённых к ней серебряных подвесок [10].

Во время раскопок каменных ящиков «Грунтового могильника Мацута I, средневековье» в 2020 г. автором статьи, было выяснено, что в погр. 9 (рис. 1, 1) одна серьга такого типа находилась справа у виска; в погр. 14 (рис. 1, 2–3) две бронзовые височные подвески — слева над лбом; в погр. 20 (рис. 1, 5–6), одна подвеска находилась в нижней части разрушенного черепа, другая слева от позвоночника в центре грудной

1 Швенза — это основа сережек, которые вставляются в мочку уха и держат на себе всю декоративную часть изделия.

2 Так в публикации, помещенной в ОАК [См. сноску 9].

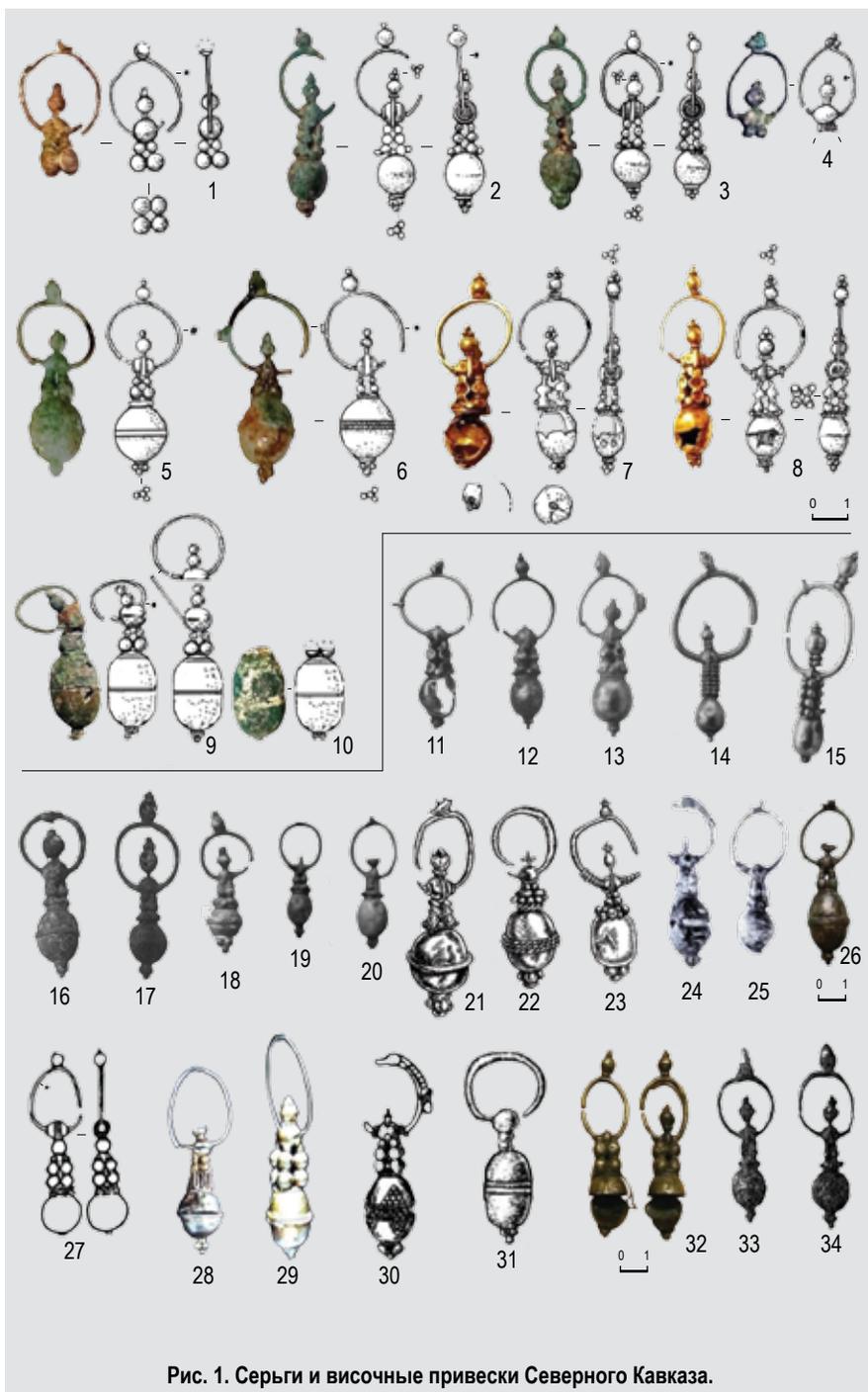

Рис. 1. Серьги и височные привески Северного Кавказа.

клетки; в погр. 64 (рис. 1, 9–10) обе бронзовые серьги — слева черепа; в погр. 75 (рис. 1, 4) фрагменты одной серьги — у левой ключицы. В погр. 43 (рис. 1, 7–8) фрагменты аналогичных серёг из жёлтого металла находились в трёх разных местах: справа от костяка у нижней челюсти и в районе ключицы, слева располагались ниже затылка. В этом погребении по сторонам от крыльев таза была положена ещё пара бронзовых серёг, но другого типа. Таким образом, большинство из рассматриваемых серёг в погребениях не являлись элементом костюма, а были положены в могилу во время погребения. Материалы из каменных ящиков «Грунтового могильника Мацута I, средневековье» близки некоторым находкам из погребений адыгов и датируются согласно последним XVI–XVII вв. [11]. Описанная разновидность серег широко бытовала на протяжении большого исторического отрезка времени как на Северном Кавказе, так и в прилегающих областях начиная с VII по XVI в. [12].

На Северном Кавказе подобная конструкция серёг / подвесок известна ещё в аланский период с IV по XIII вв. [13]. Такие серьги с гирляндой из двух, трёх или четырёх полых бусин, соединённых вертикальным штырём и вытянутым овальным кольцом встречаются в погребениях катакомб аланского катакомбного могильника VI–IX вв. в Даргавсе (катакомбы. 16, 19, 24, 27, 32–33, 53) [14], из комплексов в с. Чми и Камунта VIII–IX вв. [15]. Аналогичные серьги фиксируются в памятниках Центрального Кавказа и в VII–XIII вв. [16].

В середине VIII – начале X в. в салтово-маяцкой культуре фиксируются серьги подобного типа, но с овальной дужкой и гирляндой из трёх полых круглых бусин. Бусины состояли из двух полусфер (верхней и нижней) с отверстиями, выполненных с помощью тиснения. Детали бус крепились с помощью проволоки (вертикального штыря). Серьги с подвесками из двух-трёх шариков, скрепленных вертикально встречаются также в памятниках адыгов Западного Предкавказья в IV–IX вв. [17].

Морфологически наиболее близкими позднесредневековым серьгам / подвескам Северного Кавказа с гирляндой из бусин являются серьги «прикамского» и «волынского» типа VII–XI вв. — двух параллельных типов развития украшений, созданных в рамках общеевропейской моды. Мода на такие серьги и височные привески была на территории Центральной Европы VII–IX вв. в Венгрии, в Польше, в Словакии [18], Древней Руси [19], Поволжье, Прикамье, Северном Кавказе. Возможно, мода на ношение подобных украшений попала в Прикамье из Подунавья через Кавказ или Подонье. Также такие составные серьги встречаются в салтово-маяцкой культуре [20].

Морфологически и технологически позднесредневековым северокавказским серьгам близки серьги из памятников Волжской Булгарии X–XII вв. [21]. В частности, такие серьги характерны для полумской

культуры IX–XII вв. на территории Удмуртии, например Поломский I могильник VIII–IX вв.

В золотоордынский период на Верхней Кубани, в Дагестане и Чечено-Ингушетии был распространён тип крупных серёг со стерженьком, унизанным несколькими бусинками, восходящий к салтовским серьгам. Также в этот период пышно развивается искусство скани и зерни [22].

Серьги / подвески стилизованно изображают женскую фигурку с вздетыми к небу руками с подношением даров. Истоки этого мотива можно найти на хеттском барельефе из Ягарлыка, с изображением богини солнца — Ариннити [23]. Из скифских памятников IV в. до н.э. известны изображения богини Кибелы (скифской Агримпасы) — владычицы зверей с вздетыми вверх руками, по сторонам от неё — кошачьи хищники из кург. 2 у с. Любимовка, кург. Толстая могила, кург. 5 у с. Мастюгино [24], кург. Чертомлык [25], Соболевой Могилы [26]. Из сарматского погребения I в. до н.э. в кургане 1 / 24 у с. Комарово Северной Осетии происходят золотые бляшки с изображением змееногой богини с поднятыми вверх крыльями и чашей над головой [27, 28].

Изображение женского божества с поднятыми руками встречается на сасанидском серебряном блюде V в., найденном около г. Чердынь Свердловской области, хранящемся в Эрмитаже и на двух золотых сосудах V–VIII вв., из клада близ венгерского с. Надь-Сент-Миклош, где богиню возносит в когтях на небо Сэнмурв. На одном из сосудов и блюде у богини в руках находятся два куста растения (священной хаомы?), на другом сосуде богиня держит в правой руке чашу, из которой пьёт грифон, а в левой держит куст растения. В обеих композициях по бокам от описанной композиции присутствуют изображения деревьев. Это изображение Ардвисуры Анахиты — космологической фигуры, почитаемой как божество «Вод», связанной с плодородием, исцелением и мудростью. Греческие и римские историки классической древности называли ее либо как Анаитис или отождествляли ее с одним из божеств из их собственных пантеонов [29]. В древнеармянском пантеоне она фигурирует как Анаит.

Изображения змееногой богини с двумя атрибутами в поднятых руках сохранялись на надгробиях осетин в XX в. [30]. Стилизованная женская фигура с поднятыми руками встречается в традиционных орнаментах народов Северного Кавказа: на войлочных ингушских коврах [31], на осетинских вышивках [32, 33], в адыгском золотом шитье [34].

Женское божество Шунды-Мумы — богиня Солнца с поднятыми руками и ногами, согнутыми ромбом, встречаются на традиционной удмуртской вышивке [35]. Справа и слева от женской фигурки в вышивке могут быть изображены ветки деревьев — символы идеи плодородия [36]. Изображения богини с вздетыми кверху руками сохраняется и на русских вышивках XIX в. [37].

Женщины носили такие серьги / подвески не только как украшение, но и как амулет, связанный с идеей плодородия и чадородия. В Польше такие серьги называются «Świątki» — Святки, т. е. Рождество) (серьги из Обра Нова) [38].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кокиев Г.А. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ 1928. С. 7, рис. 21, 42, 2.
2. Тменов В.Х. Эпоха позднего средневековья. Формирование традиционной осетинской культуры XIII–XVIII вв.) // Археология Северной Осетии. 2007. Ч. 2. С. 249–408. Рис. 27, 24; 28, 3, 6, 8, 9; 18, 1–3.
3. Умаров С.Ц. Материалы по археологии юго-восточной части горной Чечни // АЭС. Т. III. Грозный, 1969. С. 68–79.
4. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Березин Я.Б., Савенко С.Н. Отчет о полевых работах 3-го отряда Сводный отчет о полевых работах в Чечено-Ингушетии и Ставропольском крае в 1981 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. №8710. Рис. 49.
5. Тангиев М.А. К изучению погребального обряда населения Чечни XIII–XVI вв. (ямные погребения) // РА. 2021. № 1. Рис. 7, 5. С. 152–168.
6. Багаев М.Х. Раскопки позднесредневекового могильника у селения Автуры // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 105–111.
7. Мамаев Х.М., Нарожный Е.И. Новые археологические памятники золотоордынского времени в Чечне // Вестник АН ЧР. 2014. №3 (24). С. 43–55. Рис. 1, 2.
8. Багаев М.Х. Раскопки позднесредневекового могильника у селения Автуры // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. Рис. 1, 4.
9. Извлечение из отчёта о раскопках, произведённых классным художником И.А.Владимировым в Нальчикском округе Терской области // ОАК, 1897. С. 143. Рис. 276–277 // ОАК, 1897. Рис. 276–277.
10. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. Москва, 1900. Вып. 8. Табл. СХI. С. 258.
11. Дружинина И.А. К датировке погребальных памятников адыгов // XXXI Крупновские чтения. Махачкала, 2020. С. 336–339. Рис. 1.
12. Мизиев И.М. История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиев. В 3 т. Т. 1. Нальчик, 2010. С. 65.
13. Ковалевская В.Б., Кузнецов В.А. Памятники эпохи раннего средневековья // Археология Северной Осетии. Ч. 2. Владикавказ, 2007. С. 138.
14. Дзаттиаты Р.Г. Аланские древности Даргавса. Владикавказ, 2014. Табл. XXX, 1–2; XXXVII, 5–6, L, 9, LX, LXXII. CVIX.
15. Ковалевская В.Б., Кузнецов В.А. Памятники эпохи раннего средневековья // Археология Северной Осетии. Ч. 2. Владикавказ, 2007. С. 138.
16. Успенский П.С., Албегова З.Х.-М. Древности центрального Кавказа VII–XIII вв. (по материалам Даргавского могильника). Москва, 2021. С. 94–99. Рис. 78, 5; 80–82.
17. Джигунова Ф.К. Западное Предкавказье в IV–IX вв.: автореф дис. ... к.и.н. Санкт-Петербург, 2000. С. 16.
18. Chronovsky V. Krása slovienskeho šperku. Palass. 1978. Ris. 11, 14;
19. Прохоров В.А. Материалы по истории русских одежд и обстановки. Т. 1. 1881. Рис. 110.
20. Рябцева С.С. «Близнецы» или «двойники»? О сходстве и отличии «вольнских» и «прикамских» серег // STRATUM plus: неславянское в славянском мире. Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса, 1999. №5. С. 353.

21. Валеев Ф.Ч. Древнее искусство Татарстана. Казань, 2002. Рис. 43, 5–6.
22. Степи Евразии в эпоху средневековья. С. 227, с. 235. Рис. 94, 55; 94, 103.
23. Büyüktanır Z. Bin Tanrılı Uygarlık (Civilization of a Thousand Gods). Istanbul, 2003. P. 7.
24. Гуляев В. И. Богиня Кибела — владычица зверей — в скифском искусстве // РА 2018. №1. С. 105–117.
25. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Роле Р. Чертомлык. Скифский царский курган. IV века до н. э. Киев, 1991: фото на с. 188.
26. Шауб И.Ю. Италия–Скифия: культурно-исторические параллели. Москва; Санкт-Петербург, 2008. С. 58–59.
27. Гиджрати Н.И. Наглер А.О. Сарматское погребение у сел. Комарово СО АССР (предварительная публикация) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. Рис. 5, 17.
28. Яценко С.А. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II–I вв. до н. э. // Stratum plus. №4. 2000. С. 255–256, рис. 3, 6.
29. Тревер К.В. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. Москва; Ленинград, 1937. С. 8.
30. Яценко С.А. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II–I вв. до н. э. Stratum plus. №4. 2000. С. 265.
31. Дзаурова Т.А. Ингушский национальный орнамент. Москва, 2019. Рис. на с. 52–53.
32. Андиев Б.Ф., Андиева Р.Ф. Осетинский орнамент. Орджоникидзе, 1960. Рис. 1 на с. 23.
33. Дзаттиаты Р.Г. Орнаменты горной Осетии. Владикавказ, 1992. Табл. XXXI, 8, 10, XXXII, 9.
34. Наков Ф.Р. Тхыпхъэ: Адыгская (черкесская) знаковая система. Нальчик, 2010. Рис. 127, 145, 170, 176, 194.
35. Васильева Е.Н. Семантика удмуртского декоративно-прикладного искусства и её связь с мифо-религиозным комплексом // Религиозная жизнь. 2012. №2.
36. Васильева Е.Н. Семантика удмуртского декоративно-прикладного искусства и её связь с мифо-религиозным комплексом // Религиозная жизнь. 2012. №2. Рис. 6.
37. Шауб И.Ю. Италия–Скифия: культурно-исторические параллели. Москва; Санкт-Петербург, 2008. С. 63.
38. Skarby wieków średnich: katalog wystawy. Warszawa, 2007. Tab. 13.

Т. Н. НЕРАДЕНКО

(г. Черкасы, Україна)

Археологічні експозиції музеїв Черкаської області України*

Хотелось бы обратить внимание на то, что история археологических исследований Черкаской области Украины состоит не только из непосредственного полевого изучения археологических памятников — поиска и обнаружения, осмотра и изыскания, сбора подъемного материала и шурфовки, разведки и раскопок, но и из нескольких не менее важных направлений — архивных и печатных источников, памятников охраны и музейной истории, культурно-воспитательной и воспитательно-педагогической деятельности. И только изучение всех этих направлений в комплексе может дать объективную картину происхождения, развития и современного состояния черкаской археологии.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию информацию об археологических экспозициях главных государственных музеев, которыми могут пользоваться не только простые граждане, но и ученые, изучающие те или иные исторические периоды, археологические культуры или памятники.

Черкасский областной краеведческий музей расположен в Черкассах, открыт в 1885 году, имеет два экспозиционных зала музея Археологического отдела. Экспозиция первого зала начинается с появления первобытного человека на территории края, знакомит с известнейшими археологическими культурами и достопримечательностями Черкасщины от среднего палеолита до сарматского периода раннежелезного века. Посетители увидят интересные и уникальные археологические находки со стоянки первобытных охотников на мамонтов в селе Межирич, из неолитического поселения Моллюхов Бугор, из неолитического поселения Староселье. Украшением музейной экспозиции являются находки из трипольских поселений Майданецкое, Тальянки, Доброводы, Весели-Кут и др. Бронзовый век иллюстрируется археологическими коллекциями каменных топоров, кремневых серпов, глиняных веретен, каменных «сглаживателей» из Чеховки, Чапавки, Жолниного, Новоселицы, Байбузова, Смелы, Моринцев и др. Посетители музея имеют уникальную возможность увидеть находки

* Статья поступила 15.01.22 г.

из Носачевского кургана киммерийского времени, из скифских курганов, раскопанных возле пгт Стеблѐв, сел Приднепровское, Гладковщина, Синявка, Флярковка и др. Большинство из них являются оригинальными экспонатами. Зал заканчивается показом инвентаря из знаменитого сарматского захоронения возле села Баштички. Рассказ об археологическом прошлом Черкасской области дополняют диорамы: «Стоянка первобытных охотников на мамонтов в селе Межирич», «Трипольское городище близ села Майданецкое». В центре зала вниманию посетителей находится захоронение скифского воина, которое было перенесено после раскопок возле села Гладковщина. Экспозиция второго зала знакомит с археологическими культурами с рубежа н. э. до XIII–XIV веков: зарубинецкой, черняховской, пеньковской, райковецкой, периода Киевской Руси. Вниманию посетителей наиболее интересны археологические находки из таких известных археологических памятников, как зарубинецкое и раннеславянское городища близ села Монастырки, черняховская слобода близ села Лески, черняховские могильники «Черкасы-Центр» и близ села Маслово, Пастырское городище и Мартыновский клад VI–VII веков, Княжья Гора — древнерусский город Роден, кочевые захоронения возле пгт Драбов. В залах музея и вестибюле постоянно демонстрируются тематические выставки из новых поступлений. Археологические фонды составляют более 11 тыс. наименований, из которых выставлено около 1500 находок [1, с. 254; 2, с. 215–217; 3, с. 494; 4, с. 400–401].

Черкасский городской археологический музей Среднего Поднепровья расположен в г. Черкасы во временном помещении в кинотеатре «Украина» в центре города, открытом в 2016 г. Сегодня в его экспозиции представлено всего 1 500 экспонатов, хотя основная археологическая коллекция музея насчитывает более 50 тыс. предметов, иллюстрирующих материальную и духовную культуру жителей Среднего Поднепровья, начиная с мустьерского периода периода среднего палеолита (130 тыс. лет тому назад) и заканчивая памятниками девятнадцатого и двадцатого веков.

К коллекциям музея относятся: образцы динозавровой, палеогеновой и мамонтовой фауны, палеоантропологическая коллекция; экспонаты средне- и позднепалеолитических раннемезолитических стоянок; посуду, орудия труда и статуэтки трипольской культуры; коллекция зернотерок медной, бронзовой и раннежелезной эпох; коллекция каменных боевых топоров культур эпохи бронзы; посуду, украшения, орудия труда ямной, катакомбной, многоваликовой, срубной, белозерской и других культур бронзового века и скифского времени; амфоры древнегреческого и римского периодов; предметы вооружения скифского, древнерусского и казачьего времени, коллекция посуды и фибул черняховской культуры; образцы из нумизматических и бонистических коллекций; этнографические совпадения археологических ар-

тефактов; многое другое. Они происходят из таких разновременных памятников, как Ясовка, Днепровец, Молюхов Бугор, Десятины, Озеро Поповое, Вергуны, Черкасссы-Центр, Явтух, УТОС–I, Макаряче, Чеховка–XVII, Галицкое, Усть-Коврай, Шелковица, Клинок, Чапаевка–VIII и IX, Приднепровская–I, Топиловка, Кучугуры V–IX, Сагуновка–I, Голвятин–I, Лески–I, Чехия, Зализки–II, Лески–Мыс и многие другие. Музей планирует устроить лапидарий — выставку массивных каменных изделий (жернова, стелы, каменные бабы и др.), а также музеефицировать 4 праславянских городища возрастом 2 тысячи лет в Черкассах, 2 средневековых замка и другие археологические объекты, которые сейчас находятся в пределах охраняемой территории «Черкассские прибрежные склоны». Коллекция музея постоянно увеличивается за счет новых археологических раскопок и исследований, а также благодаря многочисленным добровольным помощникам и жертвователям. В списках владельцев экспонатов сейчас более 220 имен, меценатов более 30 человек, добровольных помощников музея более 200 лиц. В музее можно заказать экскурсии по экспозиции (разной степени сложности и продолжительности), полевые занятия, археологические мастер-классы, а также пешеходные или автомобильные (ваш транспорт) историко-археологические экскурсии по городу или области [3, с. 484–485; 4, с. 401–402].

Музей археологии Национальный историко-культурный заповедник «Чигирин» — расположен в городе Чигирин, является отделом Национального историко-культурного заповедника «Чигирин», открытого в 2006 году в доме конца девятнадцатого века. Над научной концепцией музея работали В.И. Полтавец, Т.М. Нераденко, Н.С. Кузьмич, О.В. Билецкая, С.С. Бессонова. При подборе объектов экспозиции руководствовались принципами историко-культурной значимости, степенью сохранности, масштабом археологических раскопок и степенью изученности археологического памятника. В четырех залах музея расположены следующие разделы: «История исследования памятников археологии Чигиринского района и их охрана», «Первобытный общинный строй на территории края», «Эпоха бронзово-раннего железа», «Древние славяне на территории края». Эти разделы представляют достопримечательности времен неолита, энеолита, эпохи бронзы, раннего железного века, периода древних славян. Особенно ярко представлены находки из нео-энеолитического поселения Молюхов Бугор, Суботовского белогрудовско-чернолесского городища, Мотронинского городища скифского времени. В экспозиции также можно увидеть глиняную посуду из зарубинецкого могильника возле села Суботов, посуду, элементы одежды и украшения из памятников черняховской, пеньковской и райковецкой культур вблизи сел Мельники, Стецовка, Витово и др. На археологической карте Чигиринщины насчитывается 337 памятников области: 295 курганов, 28 поселений, 6 городищ, 4 под-

земных сооружений, 1 мастерская по изготовлению кремневых орудий труда и 1 каменная стела. Заслуживает внимания экспозиция, посвященная выдающемуся украинскому археологу А.И. Тереножкину, внесшему огромный вклад в научное изучение археологического наследия Чигиринщины. В музее экспонируется более 500 археологических находок, фонды заповедника в группе охраны «Археология» составляют более 30 тысяч экспонатов. Постоянно демонстрируются новые археологические поступления. Музей отвечает всем требованиям современности, обладает современным техническим оснащением, всесторонне и системно освещает древнюю историю края от времени появления на его землях человека до эпохи Киевской Руси [1, с. 256; 2, с. 217–220; 3, с. 295; 4, с. 401].

Музей поселений-гигантов трипольской культуры в с. Легедзине расположен в селе Легедзине Тальновского района и является отделом Государственного историко-культурного заповедника «Трипольская культура», открытый в 2009 году, хотя и сегодня находится на стадии создания.

В современной экспозиции музея можно ознакомиться, прежде всего, с трипольскими поселениями-гигантами, которые входят в состав заповедника и являются наиболее известными и исследованными достопримечательностями на территории Черкасщины. Это населенные пункты этапов А, В и С Триполья — Гребенюков Яр, Веселый Кут, Тальянки, Майданецкое, Доброводы, Косеновка, Чичеркозовка, Тальное и др. В экспозиция языком музейных предметов говорится об истории открытия трипольских поселений-великанов, их аэрофотосъемке и геомагнитным исследованиям, основным результатам их многолетних раскопок, интереснейшим археологическим находкам, которые порой являются уникальными фактами трипольского искусства, про археологов — знатоков Триполья прошлого и настоящего.

Экспозиция построена по принципу отображения основных категорий и видов археологических находок: керамический комплекс, каменные и кремневые орудия труда, изделия из кости и рога и др. Особое внимание посетителей привлекают образцы трипольской керамики. Это разнообразная расписная посуда (от крупных зернохранилищ до миниатюрных кубков), модели жилищ и модели саней, антропоморфной и зооморфной пластики, культовых предметов и т.д. Большой интерес представляет фрагмент глиняной площадки, который воспроизведен в одном из залов музея: это скопление глиняного покрытия, которое осталось от трипольских жилищ после их гибели в огне. Именно в таком виде археологи находят под землей трипольские дома. Составной частью музея является экспозиция под открытым небом, расположенная неподалеку. Здесь по результатам раскопок сегодня воссозданы два трипольских дома — одно- и двухэтажные. В первом размещена трипольская гончарная мастерская, в которой планируется

наладить выпуск сувенирной продукции, во втором планируется воссоздать интерьер трипольского двухэтажного жилья, известного по раскопкам поселения Тальянки.

В будущем запланировано создать также экспериментальный туристический «археологодром»: отстроить несколько трипольских жилищ с воссозданием внутреннего интерьера, в одном из них — разместить «трипольское кафе», где посетителей будут угощать трипольскими блюдами, известными по результатам раскопок. Печь время посещения музея вашему вниманию предложат просмотр видеофильмов о трипольской культуре и ее поселениях-гигантах Черкасской области в кинозале, которая является составной частью помещения музея [1, с. 261; 3, с. 296; 4, с. 402].

Музей археологии Среднеднепровского национального университета имени Богдана Хмельницкого расположен в городе Черкассы, в Учебно-научном институте истории и философии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого, основанном в 2000 году вместе с Археологической лабораторией. Начавшись с 3–4 музейных предметов, сегодня Музей археологии содержит экспонаты всех эпох и большинства археологических культур от раннего палеолита до восемнадцатого века с территории Черкасской области и прилегающих районов Среднего Поднепровья. Украшением музея являются образцы мамонтовой фауны, экспонаты из вновь открытой и старейшей в Черкасской области стоянки Ясовка, раннемезолитическая коллекция из «Днепровца», посуда, орудия труда и пластика трипольской культуры, коллекция боевых топоров (вторая в области) культур эпохи бронзы. Внимание посетителей музея привлекают посуда и украшения ямной, катакомбной, многоваликовой, белозерской культур, а также предметы вооружения скифского, древнерусского и казацкого времени, коллекция находок из черняховского могильника «Черкассы-Центр».

Некоторые экспонаты музея не имеют аналогов ни в одном из музеев области. Интересны и этнографические соответствия археологических артефактов, выставленных в музее. В экспозиции музея экспонируется лишь незначительное количество археологических находок, большинство из них хранится в фондах, которые сегодня насчитывают более 35 тысяч находок. Среди них интересные материалы из раскопок ямного поселения Десятины, ямных курганов края, из позднесредневекового поселения Лески-Мыс, из затопленных водами Днепра поселений Чапаевка–VIII, IX (культура многоваликовой керамики), Кучугуры V–IX (позднезарубинецкая культура), Лески–I, Чеховка–I (черняховская культура), Приднепровская–I (ямная и чернолесская культуры) и другие. Запущены научный архив, библиотека, фототека, сформированы вспомогательные фонды: палеонтологические, нумизматические, бонистические, этнографические, антропологические, археозоологические [1, с. 255; 2, с. 217–220; 3, с. 295; 4, с. 401].

Уманский краеведческий музей, расположенный в г. Умани. История музея и его археологической коллекции начинается в 1906 году, когда в Умани по инициативе известного краеведа Д. Щербаковского был создан кружок любителей старины. Открыт в 1917 г., организатором и первым директором музея был П. Куренный — известный украинский археолог и музеевед. Музей имел пять отделов, один из них — археологический, в котором собирались уникальные коллекции с территории Уманщины.

Среди ученых музея в разные годы работали археологи и истинные ценители седой древности — Г. Ящуржинский, М. Якимович, Г. Храбран, П. Безвенглинский, В. Стефанович, О. Диденко и другие. Современная археологическая экспозиция начинается с показа находок из памятников позднего палеолита. Они происходят из сел Куты, Бабанка, Владимировка и датируются 5000 лет тому назад. Ярko представлена в музее трипольская культура на Уманщине. Она начинается с показа двух огромных сосудов-зернохранилищ из урочища Паньки, найденных под Уманью в 1948 году. А затем посетители знакомятся с роговыми и с костяными орудиями труда инструментами, кремневыми и медными изделиями. Центральную часть экспозиции о Триполье составляют образцы антропоморфной и зооморфной пластики, ритуальная трипольская посуда. Бронзовый век занимает небольшой фрагмент экспозиции, но здесь можно увидеть редкие археологические находки и яркие музейные предметы — глиняные горшки ямной, среднеднепровской, белогрудовской культур, каменные топоры и молотки, костяные ожерелья и украшения из ямных могил, бронзовые кельты и др. Чрезвычайно интересные экспонаты дают о скифском периоде в истории края. Среди них коллекция антикварной посуды из знаменитых курганов, раскопанная А. Быдловским в начале XX века возле села Новосилки. Далее посетителям предлагают находки из черняховских, раннеславянских и древнерусских памятников Уманщины. Настоящим украшением музейной экспозиции является подраздел, который знакомит с археологией украинской казацкой эпохи. Среди находок из знаменитой Уманской крепости и случайных предметов достойны внимания: клад XVI–XVIII веков из села Малая Маньковка, который был найден на месте бывшего православного монастыря; предметы казацкого оружия и быта — сабля, пояс, курительные трубки и др. [1, с. 262; 3, с. 457; 4, с. 402–403].

Каневский исторический музей расположен в городе Каневе, создан в 1991 году как филиал Черкасского областного краеведческого музея. В фондах музея хранится около 7000 экспонатов. В 1998 г. музей вошел в состав Каневского городского музейного объединения, а в 2003 г. подчинен Каневскому горисполкому, сегодня на правах отдела входит в состав Шевченковского национального заповедника. В фондах музея хранится около 7 тысяч экспонатов.

В основном это материалы археологических раскопок и исследований, проведенных на территории Каневского района в разные годы. Среди них огромная коллекция керамических изделий, начиная с нового каменного века (VI–IV тыс. лет до н.э.) и заканчивая керамикой XX века. Уникальными в этой коллекции являются разнообразная коллекция посуды и кухонной утвари трипольской культуры (IV–III тыс. до н.э.) и ценная коллекция клейм на днищах керамики древнерусского государства (IX–XII вв.). Среди других экспонатов музея — кремневые и костяные орудия периода палеолита, трипольской культуры, бронзового века; изделия из железа и бронзы скифского времени и древнерусского государства; бронзовые, медные, серебряные и стеклянные украшения разных эпох и др. Особое внимание следует уделить серебряным и бронзовым фибулам-застежкам зарубинецкой культуры (II век до н.э. — I век н.э.). Основными направлениями деятельности музея являются: научно-исследовательская, выставочная, научно-образовательная, фондовая работа, научные исследования, сбор местного фольклора и этнографии. Большая часть этой работы касается и археологического раздела музея, коллекции которого требуют их изучения и популяризации [1, с. 260; 3, с. 193; 4, с. 404].

Каменский исторический музей — расположен в городе Каменка, является подразделением Каменского государственного историко-культурного заповедника, открыт в 1995 г. Расположен в старинном доме девятнадцатого века, в котором жил П. И. Чайковский во время своего пребывания в Каменке. Археологическая экспозиция находится в зале древней истории края. Коллекцию археологических находок начал собирать с 1981 Юрий Ляшко, который сегодня является директором Каменского исторического музея. В фондах музея хранится более 1 500 экспонатов в археологии, около 500 из них выставлены в экспозиции музея. Посетители заповедника и музея смогут увидеть здесь материалы с палеолитической стоянки Трояново, из поселения трипольской культуры близ города Городище, из поселений бронзового века близ сел Баландино и Вербовка, из раскопок кургана ямной культуры близ города Каменки, из Любенецкого городища чернолесской культуры, из памятников скифского времени — Мотронинского и Пастырского городищ, поселений вблизи сел Михайловка, Жаботин, Баландино. Украшением музея являются коллекции скифского кургана близ села Жаботин (раскопки А. А. Бобринского) и кургана «Червона Могила» близ села Флярковка (раскопки Г. Ковпаненко). Интересные находки знакомят с черняховской культурой области, они происходят из населенных пунктов, расположенных вблизи сел Михайловка, Завадовка, Райгород, Баландино. Привлекают внимание коллекция кремневых орудий эпохи палеолита, расписная посуда трипольской культуры, образцы оружия скифского времени, большая коллекция ювелирных изделий и вещей раннего железного века, оружия, предметов быта и

керамики позднего средневековья, большая нумизматическая коллекция [1, с. 258; 3, с. 189; 4, с. 403].

Корсунь-Шевченковский исторический музей — расположенный в городе Корсунь-Шевченковский, является отделом Корсунь-Шевченковского государственного историко-культурного заповедника, открытого в 1981 г. Экспозиция расположена в 6 залах общей площадью 302 квадратных метра, где представлено более 2 тысяч экспонатов. Зал №1 посвящен истории Корсунщины с древнейших времен до конца XVIII в., в 2006–2008 годах в зале прошла реэкспозиция. Так что сегодня посетители музея могут осмотреть современную экспозицию из археологического прошлого региона, которая освещена более чем 400 музейными объектами. Интересными экспонатами археологического раздела являются вещи трипольцев, киммерийцев, скифов, ранних славян, периода Киевской Руси и др. Экспонаты, связанные с эпохой Речи Посполитой, казачьими восстаниями конца XVI – первой половины XVII в., Национально-освободительной войной, и Гайдамакским движением. Среди археологических находок ценными экспонатами являются: кости ископаемых животных — лося, оленя, мамонта, тура, найденные в Корсунь-Шевченковском, селах Квитки и Карашина; коллекция каменных топоров из сел Буда-Орловецкая, Победители и др.; глиняная антропоморфная пластика и культовая посуда трипольской культуры из сел Киченцы, Мирополье, Квитки, Деренковец; вещи из киммерийского захоронения, раскопанного близ села Квитки — конное снаряжение, бронзовый котел, керамика; предметы скифского времени из курганов скифской знати, исследованные близ пгт Стеблев — железные наконечники копий, меч, кинжал, бронзовые и костяные наконечники стрел, бронзовый котел, керамика; сердоликовое ожерелье и керамика из черняховского женского захоронения возле села Самородня; железные орудия труда и предметы быта из раннеславянских поселений близ сел Сахновка и Николаевка; железное оружие позднего средневековья из города Корсунь-Шевченковского; золотые и серебряные изделия из клада XVII века из села Бровахи [1, с. 259; 3, с. 221–222; 4, с. 403].

Музей Богдана Хмельницкого в Чигирине — расположен в Чигирине, является отделом Национального историко-культурного заповедника «Чигирин», открытого в 1995 году во время празднования 400-летия со дня рождения Богдана Хмельницкого. Современная экспозиция оформлена в 2005 г. Музейное собрание насчитывает около 2000 экспонатов. Среди них — уникальные археологические коллекции XVII–XVIII вв.: керамика, казацкое оружие, снаряжение, нумизматика, предметы быта и др. Практически в каждом зале музея выставлены археологические находки в соответствии с тематикой выставки. Так, в первом зале, в котором освещается положение Приднепровской Украины в конце XVII – начале XVIII веков, посетители знакомятся с

орудиями труда, предметами быта, личными вещами жителей региона этого времени из археологических памятников Чигиринщины. Во втором зале, рассказывающем о детстве и семье Богдана Хмельницкого, можно увидеть археологические находки из раскопок родовой усадьбы гетмана в Суботове: детские игрушки, разнообразную посуду, печные изразцы, стройматериалы, образцы женской одежды и т.д. В третьем, четвертом и пятом залах, которые представляют Б. Хмельницкого как военачальника европейского масштаба, посетители познакомятся с различным оружием, которое было найдено в Чигирине и Суботове. Это орудийные ядра, наконечники копий и стрел, боевые топоры, казацкие чеканы, боевая гирия и многое другое. Обращает на себя внимание коллекция глиняных трубок. В шестом зале, где рассказывается о Чигирине, предлагают уникальные археологические находки, происходящие из раскопок последних лет в Чигирине — коробчатые изразцы с уникальной орнаментацией, импортная стеклянная посуда, предметы вооружения, глиняная посуда и другие вещи. В других залах музея можно ознакомиться с уникальным сборником монет, происходящих из раскопок или поступивших в музей как случайные находки, его украшением является клад в глиняном горшке из с. Витово. Музей является центром научно-исследовательской и культурно-просветительской работы, здесь проходят научные конференции, массовые мероприятия, встречи с выдающимися людьми и т.д. [2, с. 257; 2, с. 201–203; 3, с. 295; 4, с. 402].

Помимо этих музеев, археологические экспозиции имеют районные краеведческие и исторические музеи — Драбивский, Жашковский, Звенигородский, Золотоношский, Екатеринопольский, Лысянский, Маньковский, Монастырищенский, Смилянский, Тальновский, Чернобаевский, Шполянский. Кроме них, в Черкасской области зарегистрировано 36 сельских народных музеев, в которых хранится определенное количество археологических экспонатов, среди которых иногда встречаются настоящие раритеты [5, с. 145–146, 207–210].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нераденко Т.М. Археология Черкасской области. Справочник. Черкассы: изд-во «Чабаненко Ю.А.», 2011. 307 с.
2. Нераденко Татьяна. Археология Чигиринщины. Черкассы: изд-во «Чабаненко Ю.А.», 2012. 506 с.
3. Нераденко Татьяна. Словарь-справочник по археологии Черкасской области: научно-справочное краеведческое издание. Черкассы: изд-во «Чабаненко Ю.А.», 2016. 650 с.
4. Нераденко Татьяна Николаевна. Археология Украины: учебный план и иллюстрированный словарь-справочник по разделу «Археология» Малой академии наук Украины / научно-экспериментальное направление. Черкассы: изд-во «Чабаненко Ю.А.», 2020. 476 с.
5. Культурное наследие Украины. Правовые принципы сохранения, воспроизводства и охраны культурно-исторической среды. Киев, 2002.

А. Ж. АРУТЮНЯН

(г. Ереван, Армения)

Demonax praefectus
или Гисак Димаксян: миф или действительность?

Основатель новосозданной Римской империи (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.), а также династии Юлиев–Клавдиев (27 г. до н. э. – 68 гг.) Октавиан-Август провозгласил основным принципом внешней политики государства *pac Romana*, одной из самых важных концепций которой было урегулирование отношений со всеми странами восточного региона, как с большими, так и малыми [1, 2, 3, 4]. Эту политику, унаследованную от Августа, продолжил следующий правитель — Тиберий (14–37 гг.). Однако в конце его правления на востоке произошли новые территориальные изменения. Коронованный император Калигула (37–41 гг.) восстановил царство Коммагены. Статус царства получила и Малая Армения, где в 38–8 гг. до н. э. стал править внук понтийского царя Полемона (Πολέμων) царь Боспора (14–8 гг. до н. э.) Котис (Κότις, Котий 3–72 гг.). Эти два восстановленных государства просуществовали до 72 г. На наш взгляд, Калигула имел довольно хитрые и далеко идущие планы. Рим уже более века сражался на востоке для установления своего единоличного господства, однако сумел окончательно утвердиться только на Балканах, а также с некоторыми оговорками и на полуострове Малая Азия.

На западе для утверждения римского владычества уже не оставалось территорий, поскольку римляне господствовали вплоть до Иберии (совр. Испания) включительно. По этой причине центр международной политики полностью переместился на восток. Таким образом, назрела необходимость еще раз пересмотреть восточную политику империи. Здесь Риму в основном противостояли Армения, где до середины I в. правили иноземные ставленники, и Парфия.

Фактически, империи нужно было прибегнуть к политике временного перемирия до того, как ее позиции на востоке окончательно не укрепятся, частично в М. Азии, поскольку она была всего лишь завоевана, но не «проглочена». В 37 г. Калигула подарил территории М. Армении Коммагене, однако, независимо от его воли, в выигрышном положении очутилась соседствующая на севере с Арменией Иберия, которая получила территорию Самцхе и прилежащие к ней районы.

Ситуация на востоке в целом, и, в частности, в Передней Азии вновь стала напряженной, хотя и до этого, в период, когда в 41 г. был убит

Калигула и императором был провозглашен Клавдий (41–54 гг.), она была довольно сложной и противоречивой. В течение всего времени Риму не удавалось установить полное господство в Великой Армении, где уже фактически правил Гисак Димаксян, которого, как справедливо находят многие исследователи, римский историк Тацит (Publius Cornelius Tacitus, или Gaius Cornelius Tacitus; сер. 50-х – ок. 120 г.) упоминает как *Demonax praefectus* [5, 6]. Так, Тацит в «Анналах (Annales)» пишет: «И так как силы Востока были расчленены и оставалось неясным, кто подчинит их своей власти, перед Митридатом открылась возможность занять Армению; римские войны овладевали мощными крепостями, а войско иберов рыскало по полям. И после того, как был разбит решившийся на битву префект *Демонакс* (выделено мной. — А.А.), армяне не выдержали. Некоторое промедление вызвал царь Малой Армении Котис с несколькими присоединившимися к нему сановниками, но затем и он был укрощен письмом Цезаря, после чего уже все армяне отдались под власть Митридата, выказавшего себя, однако, более жестоким, чем подобало бы только что взошедшему на престол царю». Для большей точности приводим оригинал данного текста: «*Tunc distrattis Orientis viribus et, quonam inclinarent, casus Mithridati datus est occupandi Armeniam, vi militis Romani ad excindenda castellorum ardua, simul Hiberno exercitu campos persultante. Nec enim restitere Armenii, fuso, qui proelium aususerat, Demonacte praefecto. Paululum conctationis attulit rex minoris Armeniae Cotys, versis illuc quibusdam procerum: dein litteris Caesaris coercitus, et cuncta in Mithridaten fluxere, atrociorum, quam novo regno conduceret*» [7].

Приведенная цитата говорит о том, что Тацит сообщает о событиях того времени весьма противоречивые сведения. Так, согласно историку, Демонакс-*Demonact* боролся только с римлянами, а затем, как незаметно появился на исторической арене, так незаметно, беспричинно и бесследно исчез: у Тацита о нем больше сведений не имеется.

Анализ сведений Корнелия Тацита однозначно доказывает, что в тот момент Римская империя не смогла достичь ожидаемой цели, поскольку по отношению к армянскому трону претензии имел не только грузинский принц Митридат, которому покровительствовал Рим, но и младший союзник империи — вышеупомянутый Котис. Если бы империя в этот момент поддержала Митридата, не исключено, что территория М. Армении была бы превращена в штаб против императора Клавдия [7, 8]. Именно по этой причине Рим вынужден был принять наименьшее из зол и согласиться, чтобы в В. Армении правил Гисак Димаксян (акад. С.Т. Еремян находит, что он был фактическим правителем Армении в 37–43 гг.) [9]. Хоренаци связывает семью Гисака (Димаксянов) с царем Арташесом I (правили с 189 г. до н.э. – 1 г.) — основателем династии Арташесидов (189 – ок. 160 гг. до н.э.), что без детального анализа может представляется анахрониз-

мом. Следует признать, что Мовсес Хоренаци практически не обращается к событиям, происходившим в период после падения Арташесидов и до утверждения на армянском троне Аршакидов (с 1 по 52 г.) [10]. Трудно однозначно ответить, следствием чего явилось подобное отношение отца армянской историографии к этому полному противоречий периоду истории Армении. Для нас важно проследить историю рода Димаксянов.

В 47-й главе второй книги «Истории Армении», названной «Сражение Ерванда с Арташесом и его бегство; взятие города и его смерть» армянский историк пишет: «И когда перед строем Ерванда появились знамена Арташеса, Аргам, забрав свою пешую рать, отошел в сторону... Но их встречает Гисак, сын кормилицы Арташеса и, бросившись пешим между ними, сражает их; при этом ему сносят мечом половину лица, и он, добившись победы, погибает после такого подвига. Остальное войско обращается в бегство» [6]. Вероятно, именно тогда род Гисака получил фамилию Димаксян (на арм. яз. точнее Димацсян — Դիմաքսյան. — А.А.). Почему? Слово *димак* в армянском языке означает маска (на *древнегреч.* *πρόσωπεῖον, πρόσωπον, лат. larva*). Армянская словарная единица *димак* происходит от пехлевийской лексемы *dēmak* (на *перс. dīma*) [11]. Какая фамилия была у воина Гисака до этого сражения (антропоним *Гисак* на грабаре (древнеармянском) означал *волос* или *кучерявый* — *Cincinatus* на *лат. яз.*), пока не известно [12]. По всей вероятности, лицо Гисака было страшно изуродовано, и его хоронили в маске. Возможно, именно после этого события род Гисака стал именоваться *Димаксян*.

Как известно, Хоренаци характеризует царя Арташеса весьма подробно, что дает возможность сделать относительно Гисака некоторые предположения. Восхождение семьи Димаксянов, следуя изложению Хоренаци, началось при царе Арташесе I. Однако, вероятно, наиболее выдающейся личностью в этом роду оказался Гисак (*Demonax praefecto* — по Тациту), который находился на исторической арене в начале I в. в смутное для страны время (мы бы назвали его Гисак Средний). Хоренаци сливает двух видных Димаксянов, представляя их в одном лице, поскольку минует события, происходившие в Армении после крушения династии Арташесидов и до основания династии Аршакидов, о чем мы говорили выше. И только при такой интерпретации событий становится очевидным, что обе личности имели важную роль в истории Армении, однако в разные судьбоносные для страны исторические периоды.

Таким образом, Римская империя фактически была вынуждена признать правление Гисака в Армении, а Митридата Парнавазяна лишила отданных ему прежде полномочий. Рим в любом случае был вынужден пойти на этот шаг, поскольку помимо всего вышесказанного на юге В. Армении был сформирован новый сильный противоимпериальный

союз: к мощному парфянскому царству присоединилось царство Адиабены. Адиабена в сущности была в подчинении Парфии, согласно договору 37 г. получила в подарок некоторые части В. Армении. Однако она не удовлетворилась приобретенными территориями и преследовала далеко идущие планы, в том числе и вытеснение с данных территорий римлян [13, 14, 15, 16].

Если парфяно-адиабенским претензиям, равно как претензиям М. Армении и Иберии (Грузии) прибавить то обстоятельство, что в процессе всех территориальных конфликтов всегда принимали участие проникающие в Закавказье аланские племена, ставшие настоящей угрозой как для В. Армении, так и для соседних стран, то становится очевидным, перед решением каких сложных вопросов стоял Рим. Правда, несколько лет спустя, в 43 г. Рим сумел второй раз назначить Митридата царем В. Армении, однако во второй половине I в. ситуация вновь коренным образом изменилась в Передней Азии в целом и, в частности, в В. Армении. Однако дальнейший ход исторических событий доказал, что Риму в тот момент не суждено было единолично решать вопрос армянской короны, что нашло свое отражение в сочинении Тацита [7]. Итак, получается, что своим появлением на исторической арене Гисак Димаксян Средний серьезно «перемешал карты» римлян и этим реально способствовал восстановлению армянской государственности.

Последним известным представителем вышеназванного армянского рода был Ашхадар Димаксян, о котором упоминает Хоренаци: «Однако оказались и такие нахарары, которые имели владения в греческом уделе, при Аршаке (Аршак III, царь В. Армении в 378–387 г. и Западной или римской части в 387–389 гг. — А.А.) и домогались перехода к Хосрову (Хосров IV, царь Восточной Армении в 387–392 и вторично 414–415 гг., под властью Сасанидов. — А.А.), как, например, аспет Сахак, тесть брата Аршака Валаршака. Аршак смотрел на него косо. ...С тех пор Сахак стремился сбежать от Аршака к Хосрову, и к нему с этим же намерением примкнули Сурен Хорхоруни, Вахан Аравелеан и Ашхадар из рода Димаксянов. ...Сурен Хорхоруни, Вахан Аравелеан и Ашхадар Димаксеан, найдя удобный случай, когда Аршак забрал свои сокровища из крепости Хани (на *арм. яз.* hani — Հանի. — А.А.), чтобы переправить в страну Цопк (на *арм. яз.* tsophq — Շոփք. — А.А.), похитили их и решили перейти к Хосрову, но не успели. ...И пока они были заняты этим, по счастливой случайности пришел туда аспет Сахак со всей ратью Хосрова, с которой он преследовал разбойников. Он оставляет их и направляется к штурмовавшим пещеру и, прогнав их, освобождает Сурена, Вахана и Ашхадара с сокровищами и немедленно доставляет их Хосрову» [6].

Итак, благодаря сравнению / сопоставлению фактов Корнелия Тацита и Мовсеса Хоренаци, стало возможным восстановить полную раннюю историю одного известного древнеармянского рода, который

в дальнейшем, в эпоху раннего феодализма играл важнейшую роль в жизни государства. В дальнейшем о Димаксянах упоминают историки V в. Елише (Егише) и Лазарь Парбеци. Есть много сведений и в источнике *Гахнамак* (на арм. яз. *Գաղնամակ* — Գաղնամակ, букв. «тронная грамота»), который начали составлять еще в I в. и постоянно дополняли вплоть до упадка династии Сасанидов (651 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Более подробно см. Машкин Н.А. Принципат Августа. Москва; Ленинград, 1949.
2. Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Ленинград, 1985.
3. Бейкер Дж. Август. Первый император Рима. Москва, 2003.
4. Ball W. Rome in the East. The Transformation of an Empire, L., 2000.
5. Тацит. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. Анналы. Малые произведения. Ленинград: Наука, 1969 (Серия «Литературные памятники»).
6. Мовсес Хоренаци. История Армении. Ереван, 1990 / пер. с древнеарм. на рус. яз., введ. и примеч. Г.Х. Саркисяна.
7. Tacitus Cornelius. The Annals of Tacitus. Book IV / Ed. with Introduction and Notes by Edwards. G.M. Cambridge, 1915.
8. Манандян Я.А. Труды. Т. 1. Ереван, 1977 (на арм. яз.).
9. История армянского народа, т. I. Т. I. Армения в эпоху первобытнообщинного и рабовладельческого строя / под ред. С.Т. Еремяна. Ереван, 1971 (на арм. яз.).
10. Хронология Мовсеса Хоренаци детально изучена Г.Х. Саркисяном. Об вышеуказанных вопросах более подробно см. Саркисян Г.Х. Хронологическая система «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. Ереван, 1965.
11. Ачарян Р.А. Этимологический коренной словарь армянского языка. Т. I. Ереван, 1971.
12. Ачарян Р.А. Словарь армянских личных языка имен. Т. I. Ереван, 1942.
13. Herzfeld E. The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Wesbaden, 1968.
14. Kapp K.S. The Universal Famine under Claudius. Harvard, 1935, Theol. Rev., XXVIII. 261.
15. Вопрос аланов в целом, а в частности, вопрос о совершенных ими нашествиях на Закавказье и прилегающие территории рассмотрен Н.Н. Лысенко (См. Лысенко Н.Н. Военно-политическая история аланов. Санкт-Петербург, 2007).
16. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. // под ред. Б.Б. Пиотровского. Москва, 1988.

Д. А. ВОЛОШИН

(г. Армавир, РФ)

Тема «Рим и древние германцы» в работах Э.ф. Витерсхайма и И.Я. Мюллера

Вопрос о той роли, которую сыграли германские племена в процессе сначала дестабилизации, а затем и гибели римского государства, оставаясь в части своей открытым, принадлежит к категории фундаментальных, что автоматически означает неминуемость взаимоисключающих трактовок.

По естественным причинам, эта тема не могла существовать в формате интерпретационных полутонов для некоторых национальных историографий, и в первую очередь — для немецкой. Как известно, ее вклад в изучение проблем падения Римской империи является не просто фундаментальным, но во многих его аспектах — основополагающим [1]. Однако высокая оценка усилий немецких историков, предпринятых в деле изучения германских племен в этой связи — величина переменная, ибо знает периоды тяжелые и совершенно нелицеприятные.

Куда более интересным представляется период середины-второй половины XIX века, который был отмечен вполне определенной динамикой и окраской «германской темы» применительно к падению Рима. При этом общий «прогерманский» настрой историков не означает схожести их выводов, их работы при ближайшем рассмотрении обнаруживают существенные отличия. Особо интересным может оказаться рассмотрение работ представителей отдельных, в нашем случае — «сопредельных» национальных историографических школ, в которых очерчены контуры германского элемента в головоломке указанного исторического перехода.

В этой связи показательны два небольших по объему издания, разделенные не только в хронологическом, но и территориальном отношении. Речь идет о труде «К предыстории немецкой нации» Эдуарда фон Витерсхайма (вышла в Лейпциге в середине XIX века) и одной из работ швейцарского историка Иогана Якоба Мюллера, изданный в Цюрихе в 1874-м году — «Исследованиях по истории Римской империи».

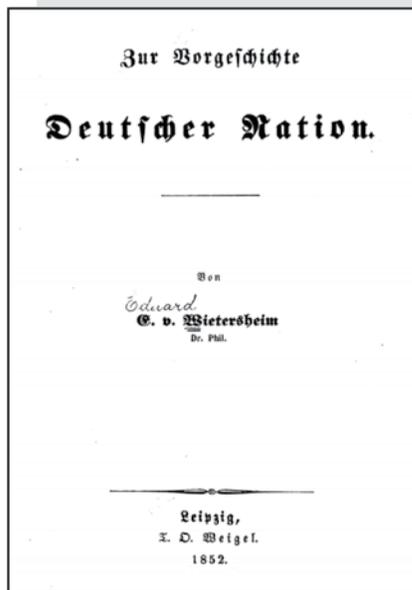
В самом начале своего труда Э. ф. Витерсхайм (1787–1865) демонстрирует убежденность в том, что занятие государственного поста благотворнейшим образом сказывается на профессиональных качествах историка. И то и другое, по мнению автора, требует не только обширных знаний, но и навыков, способностей [2]. Соотношение книжного и жизненного знания, вопрос о том, что можно привнести в историю, а

какие уроки из нее вынести — это сюжеты, имеющие для автора не последнее значение.

Автор отстаивает прикладной смысл научного творчества, подчеркивая, что именно реалии жизни пробудили и обострили практический смысл, из которого следует подходить к пониманию прошлого. Настоящее побуждает «употребить изученное», оно подталкивает к необходимости практического использования того, что явилось результатом научных усилий. Вышеописанный подход к «предыстории» немецкой нации, в соответствии с авторским замыслом, должен был уравновесить чаши весов современности и далекого прошлого.

Таким образом, ведомый «только любовью к предмету» [3], а не тщеславием, автор столкнулся с материалом скудным, смутным и неопределенным, сопротивляющимся попыткам конкретизации и всякого рода формообразованию. Труд Э. ф. Витерсхайма — попытка объяснить непостижимо далекое, но именно эта сложность, кажущийся неблагоприятным труд — повышают ценность «наград» в случае успеха.

Если свести весь замысел труда Витерсхайма к одной фразе, лозунгу, то его трудно не заметить в тексте:

Die Geschichte aller Geschichte ist Nacht,
Dämmerung, Licht.

«Ночь», «сумерки» и «свет» (рассвет) — это и есть объяснительная схема автора. «Ночь» для нас — это непостижимая тьма первобытных времен. Затем мы наблюдаем редкие падающие огни, отдельные части которых неопределенны, временно освещаются. По мере их умножения они расплываются в туманный образ, который с течением времени приобретает все больше и больше формы и цвета, пока, наконец, не выражает себя как истина, полная жизни. Предыстория связана с ночью, а история — с сумерками и днем. Но между ними, как и в природе, нет твердой границы, только незаметный переход. «Вот почему предыстория может и должна доходить до сумерек» [4] — заключает автор. При этом Э. ф. Витерсхайм делает оговорку и как бы «извиняется» за вольности употребления словосочетания «немецкая нация» к столь ранним временам. Впрочем, по мнению историка, столь «патриотическое» применение данных обозначений, не должно затмевать совокупность западноевропейских народов, ставших акторами исторического процесса того времени.

А история, по Витерсхайму, учит не унывать и не отчаиваться, обращая свой взор в будущее. «Вечный Дух знает только прогресс»; «Вперед!» — иного лозунга германская нация не знала; этот клич провел их по всей Земле; культура процветает с их первых шагов, а и их конечной целью является неограниченное мировое господство [5].

Распад Рима в трактовке Э. ф. Витерсхайма представляется крупнейшим всемирно-историческим событием мирового значения. Германцам в этом деле автором отведена роль активной стороны, римлянам — пассивной. Падение империи явилось следствием дилеммы, оригинально сформулированной автором: на Севере мы видим народ без государства, на Юге — государство без народа [6]. Германская нация, вдохновленная вечной мудростью к исполнению ее всемирно-исторического предназначения, не могла быть остановлена. Против этого римское государство, будь оно даже много лучше подготовлено, оказалось бессильно [7].

В заключительной части своего труда Э. ф. Витерсхайм приводит ряд «жизнеутверждающих тезисов». По его мнению, только «слепые» или нетерпеливые отчаиваются в ситуации настоящего, даже не подозревая что за тенью находится свет. Это роковое хронологическое заблуждение — полагать, что «дни человечества» можно измерить в соответствии с «днями» конкретной человеческой жизни. Не только в отношении будущего, но и в отношении к прошлому история учит удовлетворенности настоящим [8]. Далее автор говорит уже все больше о современности, провозглашая, что победа и господство вовеки естественным образом обуславливают соответствующую внутреннюю организацию, так как без разделения труда нет совершенства в исполнении. По Витерсхайму, в улучшении современной ему Германии мало уповать на помощь Бога, ревностное соучастие в этом деле не толь-

ко разрешено, но и является обязательным.

Второй труд, о котором идет речь в настоящей статье, за авторством И.Я. Мюллера (1844–1878), интересен на предмет масштабирования «христианской темы» в рамках прогерманского подхода — в его «швейцарской вариации». В его «Исследованиях по истории Римской империи» (доклад «Государство и церковь при Александре Севере»), перед нами раскрывается картина условий, которые неизбежно привели к борьбе между рушащейся Римской империей и постоянно расширяющимся христианством [9].

К столь высоковажному для римской истории вопросу И. Мюллер подходит несколько иначе, чем Витерсхайм. По его замыслу, существо объяснения феномена гибели империи состоит в понимании особого сочетания детерминант «внутренних» и «внешних» (без особого выделения приоритета, доминирования какой-либо из них). Историк пишет о двух силах, боровшихся с Римской империей. С одной стороны это была церковь, которая к тому времени усилилась, а с другой — германцы, окружившие империю со всех сторон [10]. Церковь и варвары — силы, столь разнохарактерные и даже противоположные по своей сути, при этом, подобно магнитам, стремились к соединению. Ключевым фактором, толкавшим империю навстречу гибели, явилось также отсутствие внутреннего ее единства.

Квинтэссенция видения историком проблемы исторического перехода от античности к средним векам выражена в приводимых стихотворных строках о том, что «Низвергая старое, эпоха сменяет эпоху» и «Новая жизнь расцветает на руинах» [11].

Много места в работе отводит автор прославлению варваров. Германцы (народ исключительно талантливый характера) были олицетворением новой жизни, неистощимой силы и бесконечного развития. Отношения римлян и варваров получают в книге категоричное толкование явно с прогерманистических позиций. По его мнению, германцы, как ни один другой народ, пользовались особым уважением римлян. Имело место чувство благоговейного страха, которым были преисполнены по отношению к германцам писатели одряхлевшего Рима [12]. Для римлян германцы стали олицетворением свободы, даже идеалом жаждущих независимости в рабском мире. Любовь к свободе, по И. Мюллеру, была свойственна всем германцам; они проявляли также уважение к свободе других (отсутствие рабства в их племенах — наиболее яркое тому доказательство). Кроме того, положение женщины у германцев было несопоставимо выше, нежели у римлян. Автор не допускает мысли, что римляне находились на более высокой по сравнению с варварами ступени развития и ограничивается описанием пороков их цивилизации.

Римская империя, усилившаяся при Августе, явилась преградой на пути многочисленных племен в их великом движении с Востока на Запад. Однако уже во II в. н. э. маркоманны и квады проникают на окраинные римские территории; вскоре западные племена, объединяясь в союзы, обрушиваются на империю. Неистощимая сила перемещения двигателя варварскими племенами, создававшими все новые и новые союзы и нападавшими на римское государство буквально со всех сторон.

Изложение проблематики «римский мир и христианство» построено на противопоставлении этих двух составляющих. Историк замечает, что два лагеря, два государства находились в непримиримом антагонизме — Царство Божье и Империя [13]. Языческое государство, по И. Мюллеру, находилось в глубочайшем системном кризисе.

В подтверждение этого историк приводит ряд симптомов, которые с правом могут быть причислены к факторам внутреннего порядка, обусловившим не только успехи христианства, но и упадок империи вообще.

Это и изъяны политической сферы — управленческое разложение, распад, тирания, многочисленные пороки администрации; внутрисоциальные проблемы — такие как повсеместная жесткая социальная градация, безразличие элиты по отношению к остальным слоям общества.

В оценке И. Мюллером римского общества прослеживаются черты морализаторства. Так, историк бичует рабовладельческий характер общества римлян, называя последних высокомерным, жестоким народом, предающимся удовольствиям на окровавленных спинах потеряв-

ших человеческий облик рабов [14]. И. Мюллер, отмечая свойственный римлянам гедонизм, недоверчивость, суеверие, показывает их следствием потерю внутренней социальной интеграции.

Мир христианской общины (именуемый Царством Божиим) представлен в порядке перечисления, одностороннего восхваления и поэтизации его добродетелей. Христианский социум, альтернатива несправедливому обществу римлян, обладал порядком, единством, демократизмом управления и т. д. Христиане составили высоконравственную, свободную и просвещенную массу, приверженную порядку, провозгласившую полное равенство между своими членами [15]. Христианский социум, в противоположность римскому, достиг предельной интеграции — неперенными атрибутами его стали осознание общности судеб, терпимость, готовность к самопожертвованию.

Таким образом, Э. ф. Витерсхайм и И. Я. Мюллер как исследователи по-разному разрешали историческую дилемму в границах рокового треугольника «Римская империя — варвары — христианство». Эта ситуация может быть вполне объяснена региональной идентичностью, отчасти — хронологической дистанцией или разнохарактерностью изданий; в конце концов — пресловутым социальным и профессиональным бэкграундом. Но наличие существенных расхождений в постановке тех или иных акцентов, однако, не исключают и общих точек — в том, что касается исторических преимуществ варварских народов, прогрессивности результатов от реализации ими программы всемирно-исторического масштаба.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крушение Западной Римской империи в трудах немецких исследователей (до начала XX века): автор-составитель Д.А. Волошин / под ред. И. И. Басова. Армавир: РИО АГПУ, 2021. С. 4.
2. Wietersheim E.v. Zur Vorgeschichte deutscher Nation. Leipzig: Weigel, 1852. vi, 128 s. S. III.
3. Wietersheim E.v. Zur Vorgeschichte deutscher Nation... S. IV.
4. Wietersheim E.v. Zur Vorgeschichte deutscher Nation... S. 1.
5. Wietersheim E.v. Zur Vorgeschichte deutscher Nation... S. 95.
6. Wietersheim E.v. Zur Vorgeschichte deutscher Nation... S. 7.
7. Wietersheim E.v. Zur Vorgeschichte deutscher Nation... S. 4.
8. Wietersheim E.v. Zur Vorgeschichte deutscher Nation... S. 96.
9. Hermann P. Studien zur Geschichte der römischen Kaiserzeit. Zwei Vorträge von Dr. J.J. Müller. Zürich: Friedrich Schulthess, 1874. 54 [2] s. // Jenaer Literaturzeitung. 1874. №7. S. 101.
10. Studien zur Geschichte der römischen Kaiserzeit. Zwei Vorträge von Dr. J. J. Müller. — Zürich: Friedrich Schulthess, 1874. S. 54.
11. Studien zur Geschichte der römischen Kaiserzeit... S. 55.
12. Studien zur Geschichte der römischen Kaiserzeit... S. 52.
13. Studien zur Geschichte der römischen Kaiserzeit... S. 49.
14. Studien zur Geschichte der römischen Kaiserzeit... S. 51.
15. Studien zur Geschichte der römischen Kaiserzeit... S. 52.

С. С. КАЗАРОВ

(Ростов-на-Дону, РФ)

Влияние пирровой войны на экономическое, политическое и культурное развитие Рима в республиканский период

Вопрос о месте и роли Пирровой войны в развитии римской истории до сих пор волнует современных исследователей. Прежде всего, необходимо отметить, что в основе всех построений, как античных, так и современных авторов, лежит концепция Полибия с его склонностью к строгой последовательности событий и выделению причинно-следственных связей. Если сама война с Пирром находилась за пределами его научного интереса, то как раз последующий за ней период и стал предметом его рассмотрения. В упрощенном виде его схема такова: успешные войны римлян с соседними племенами вызвали их экспансию на юг, которая привела к столкновениям с самнитами, а затем и с полисами Великой Греции, которые призвали на помощь эпирского царя Пирра. Победа над ними позволила римлянам не только осознать себя хозяевами всей Италии, но и более пристально взглянуть на противоположный берег Мессенского пролива, результатом чего стала борьба с Карфагеном, окончившаяся установлением римского господства в Средиземноморье (Polyb. I. 3. 2–6).

Как справедливо отметил английский ученый Р. Митчелл, многие события периода Пирровой войны для римлян с точки зрения Полибия можно характеризовать наречием «впервые», и список этих «впервые» поистине безграничен: впервые римляне увидели в Италии свою вотчину, впервые римляне обратили внимание на Сицилию, впервые стали использоваться серебряные монеты, впервые в Риме был устроен столь пышный триумф, впервые вскоре после войны были устроены гладиаторские сражения, ставшие затем неотъемлемой частью римской повседневности [1].

Как отмечают некоторые исследователи, до войны с Пирром Рим представлял из себя консервативное и относительно отсталое государство, за исключением разве что его относительно активной внешней политики [2]. Но при этом опять же все их войны с соседними племенами носили местный локальный характер. С другой стороны «консерватизму» и «отсталости» раннеримской республики противопоставлялись честность, чистота и суровость нравов римлян. Хрестоматийный

пример тому — солидарный отказ знатных римлян от подарков, которые им пытался преподнести во время своего визита в Рим посланец Пирра Киней (Plut. Pyrrh. XVIII).

Другими словами, прямым последствием конфликта с Пирром было римское доминирование на полуострове — логическое и неизбежное следствие событий, в результате которых Рим обосновался на берегу Мессенского пролива (Flor. I. 18.2). Рим добивался полного доминирования на полуострове потому что, выражаясь словами Т. Франка, Пиррова война преподнесла Риму хороший урок: полное подчинение самнитов и луканов было возможно только при условии решения проблемы греческих городов, которые невозможно было контролировать до тех пор, пока их гавани были открыты для доступа наёмников из Греции» [3]. По словам Г. Скалларда, как только Пирр покинул Италию, Рим начал умиротворение всего полуострова, в том числе, и итальянских греков, хотя и до этого Пиррова война продемонстрировала прочность римской конфедерации [4].

Необходимо отметить, что война с Пирром отразилась в массовом сознании римлян. О ней писали, как греки (Тимей из Тавромения), так и римские авторы (Квинт Энний), формируя как образ самого Пирра, так и воспитывая на событиях Пирровой войны подрастающие поколения римлян. Но именно они рассмотрели эту войну, как некое связующее звено в Средиземноморской истории. Римское простодушие, отсталость и недостаток предприимчивости были риторическими темами, которые потом стали широко распространёнными в значительной мере из-за того, что являлись частью древнейшей традиции. Однако, несмотря на распространённость подобного мнения, «ранний» не всегда означает надёжный. Как справедливо писал В.Е. Хейтланд, «... ни один период истории Рима не был настолько преднамеренно превращён в нравственный урок для читателей, чем период войны Пирра» [5]. Пирр был прототипом полководца из знати, сражающегося с такой же знатью. Сложно утверждать наверняка, кто относился к нему с большей симпатией — латинские или греческие авторы, но сообщалось, что благородные и неиспорченные римляне продолжали восхищаться и поражаться им, а вся война впоследствии виделась, как период, в котором римские граждане и сенаторы, пока еще незнакомые с греческими хитростями и пуническим коварством, вели себя, как нация царей, а сам Пирр, ознакомившись с менталитетом римлян, начал не только ими восхищаться, но и стремиться к союзу с ними (Plut. Pyrrh. XX).

К концу II в. до н.э. отношение к Пирру со стороны римлян резко изменилось. Римская элита не любила вспоминать войну с Пирром, ибо она отныне противоречила новой государственной идеологии: если ранее благородные римлян предупреждали Пирра о том, что его собственный доктор хотел его отравить, то позднее сенат, по сути, советовал вифинскому царю Пруссию убить своего противника Ганниба-

ла. Благородный герой, по своей доблести некогда чуть ли не равный римлянам, превратился в злодея и непримиримого врага типа Ганнибала или Антиоха.

Парадокс заключался в том, что, хотя Пиррова война и являлась одним из самых славных эпизодов истории Рима, она одновременно принесла Риму невиданные ранее богатства. Весьма красноречив в этом плане Луций Анний Флор, который с удовольствием перечисляет захваченные римлянами ценности, которые были выставлены на всеобщее обозрение во время триумфа (Flor. I. 13. 28).

Некоторые западные исследователи справедливо указывают на экономические факторы, которые оказывали влияние на общую направленность внешней политики Рима. Некоторые авторы выделяют две политически значимые группы в римском обществе, одна из которых была представлена крупными и средними аграриями; вторую же представляли коммерсанты, ориентированные на широкое развитие торговли. И те, и другие мечтали о расширении государства, но если первая группировка ратовала за северное направление, то вторая была заинтересована в коммерчески богатых общинах Великой Греции. Торговая группировка, опираясь на местную аристократию, стремилась не столько к территориальным захватам, сколько к расширению торговых связей как в Южной Италии, так и за её пределами [6].

Размышляя над тем же вопросом, Э. Стюарт Стейвели утверждает, что ключевым вопросом развития республики было «...либо сохранение любой ценой сугубо аграрного характера экономики, либо внесение изменений в социальную структуру, экономику и конституцию, что позволило бы занять значимое место в мире италийской торговли» [7]. По его мнению, интересы римской морской торговли были утеряны ради аграрных интересов на суше, а воззвание Аппия Клавдия Цека против заключения мира с Пирром он рассматривает, как попытку защитить римские торговые интересы на юге, в то время, как противоположная сторона «очевидно, была готова покинуть юг ради территориального расширения на севере. Однако римское завоевание Италии имело и другую сторону: для римских граждан появилась возможность для миграций и создания новых поселений внутри самой Италии [8].

Таким образом, общая интерпретация истории Рима, предложенная нашими источниками, подтверждает значимость периода Пирровой войны. Римская колонизация, дорожное строительство и вовлечение римлян в местные дела также стали последствием перемен, произошедших после 269 г. до н. э.

В заключении необходимо указать ещё на одно последствие войны с Пирром, которое считаем немаловажным: она послужила поворотным пунктом, приведшим Рим к тесным и продолжительным контактам с Грецией, и только тогда Рим начал приобщаться к достижениям греческой культуры.

И ещё на одно важное обстоятельство хотелось бы указать. Во время войны с Пирром римляне не могли не ощутить свою уязвимость по причине отсутствия военного флота. Иначе появление карфагенской эскадры во главе с флотоводцем Магоном в римской гавани Остии, завершившееся подписанием римско-карфагенского союзного договора было бы, по сути, невозможным. И хотя программа создания военного флота была развернута только во время первой Пунической войны, осознание этой необходимости должно было прийти именно во время Пирровой войны. Весьма показательна в этом отношении одна из статей римско-карфагенского договора, согласно которой карфагеняне брали на себя обязательство обеспечивать своих союзников транспортными кораблями [9].

Некоторые исследователи, основываясь на пассаже Плиния (Plin. Nat. XXIII, 44), связывают начало чеканки римских серебряных монет также с окончанием Пирровой войны. Однако несмотря на доводы некоторых исследователей [10], такая связь нам кажется весьма сомнительной.

Но, как бы не объясняли современные исследователи природу различных нововведений, Пиррова война во многом послужила их поворотным пунктом. Те перемены, что были ею вызваны, как и те, что явились её следствием, носили глобальный характер и во многом определили дальнейший ход римской истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Mitchell R.E. The Historical and Historiographical Prominence of the Pyrrhic War // *The Craft of the ancient historian: Essays in honor of Chester G. Starr* / ed. J.W. Eache. Lanham: New York: London University Press of America. 1985. P. 307.
2. Mattingly H. Aes and Pecunia // *Numismatic Chronicle*. 1943. №3. P. 28.
3. Frank T. Roman imperialism. New York: The Macmillian Co, 1914. P. 64.
4. Scullard H. A History of the Roman World. London: Routledge, 1980. P. 144.
5. Heitland W.E. The Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 1909. P. 154
6. Cassola F. I gruppi politici romani nel III secolo a.C. Trieste: Istituto di Storia antica, 1962. P. 89, 146.
7. Staveley E.S. The political career of Appius Claudius Caecus // *Historia*, 1959, №8. P. 433.
8. Forsythe G. A critical History of Early Rome. Berkeley: University of California Press, 2005. P. 362.
9. Büttner-Wobst T. Zur Geschichte des Pyrrhischen Krieges // *Klio*. 1903. Bd. 3. S. 164–167.
10. Thomsen R. Early Roman Coinage. V. I. Copenhagen: Nationalmuseet, 1957. 251 p.

А. А. ШАРУДА

(г. Армавир, РФ)

Из истории Римской Британии

В Античные времена Британские острова были изолированы от континентальной Европы, однако и в данной местности расселились племена кельтов, которых позднее римляне разделят на три группы: бритты (романизированные кельты, населяющие юг Англии), пикты (племена, расселившиеся на севере Британии, на территории современной Шотландии) и пикты (племена, заселившие Ирландию) [1].

Данный регион попал в поле зрения римской республики в I в. до н. э., когда римская экспансия начала принимать глобальные масштабы. Римский военачальник — Гай Юлий Цезарь, покоривший Галлию, предпринял первые экспедиционные вылазки на Британские острова в 55 и 54 гг. до н. э., однако оба этих похода практически ничего не принесли, в ходе первого римляне просто заняли плацдарм в Кенте, а во время второго заключили ряд договоров с вождями британских племен [2].

В дальнейшем Британия останется вне поля зрения практически на 100 лет, когда к власти, в результате переворота 41 г., придет император Клавдий. Новый правитель не пользовался популярностью и практически не имел поддержки при дворе, вследствие чего он решил это получить путем военного похода. Целью стали Британские острова, ввиду экономической привлекательности (данный регион был богат металлами, зерном, охотничьими собаками и, конечно, рабами). Кроме того, острова привлекали Клавдия и с точки зрения престижа, ведь даже прославленный Гай Юлий Цезарь не смог овладеть ими.

В 43 г. четыре легиона под командованием консула Авла Плавтия высадились в Британии в Кенте в районе Ричборо, после чего в короткий срок овладели юго-востоком острова. Завоевание шло успешно, причем настолько, что сам император Клавдий прибыл на остров, чтобы принять капитуляцию 12 поверженных племен.

В дальнейшем экспансия римлян продолжалась, затянувшись на 40 лет. Подобные действия не могли не вызвать ответной реакции у местного населения, что выливалось в различные восстания, крупнейшим из которых было выступление Боудикки в 61 г. [3].

Она была женой вождя племени иценов — Прасутага, после смерти которого римские войска отняли племенные земли, высекли Боудикку и обесчестили ее дочерей. Подобные действия привели к крупнейшему народному выступлению во главе с самой королевой. Восставшие разгромили римские гарнизоны и помогавших им кельтов,

после чего овладели Камулодуном, Лондиниумом и Веруламиумом, однако долго противостоять римской армии ицены не могли, вследствие чего уже в этом же году были разбиты, а королева Боудикка окончила жизнь самоубийством.

Восстание было подавлено, однако на некоторое время римская экспансия приостановилась.

В 78 г. в Британию был назначен новый консульский легат — Гней Юлий Агрикола, который для поднятия своего статуса и престижа начал новые завоевания британских земель. В 79 г. он совершил поход к Ферт-оф-Тей, в 81 г. в Кинтайр, а после на север, где спустя 6 лет практически овладел всей территорией современной Шотландии, которую римляне называли Каледонией.

Говоря о завоеваниях Агриколы, стоит отметить, что у кельтов было численное превосходство, благодаря которому они смогли разбить часть римских войск в 82 г. После этого легат отступил в укрепленные районы, вернувшись только в 83 г. и нанеся окончательное поражение кельтам в сражении у Граупийских гор.

После уверенных побед началось возведение укреплений от непокорных племен, а также повсеместное строительство дорог на острове.

В дальнейшем, продвижение на север Британии практически прекратится. В 117 г. к власти придет Адриан, который был сторонником укрепления уже существующих рубежей. В 122 г. вспыхнуло восстание, в ходе которого римлян оттеснили немного на юг, что подтолкнуло императора, прибывшего на остров в 123 г., начать возведение оборонительного укрепления от северных племен кельтов — «Адрианов вал». После завершения строительства «вала» римляне смогли продвинуться немного на север, после чего с 143 по 164 гг. начали строить новую систему укреплений — «Вал Антонина», однако на новых рубежах удержаться не получится, вследствие чего римляне вернуться к обороне старых рубежей Адриана [4].

После 164 г. Британия, а точнее южная часть острова, окажутся на более чем 2 века в составе Римской империи. После раздела империи на Западную и Восточную в 395 г. остров отойдет в управление императора Флавия Гонория Августа, и к 407 г. будет покинут римлянами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. Т. III. Москва: Терра, 1997. С. 111.
2. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / пер. М.М. Покровского. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 534 с.
3. Речкин А. В. Королева железного века против Рима. Москва: Вече, 2021. 288.
4. Woolliscroft, D. Signalling and the design of Hadrian's Wall // *Archaeologia Aeliana* 5th Series, Vol. XVII. P. 5–20. 1989.

С. Л. ДУДАРЕВ,
К. В. ПОДЫМОВА

(г. Армавир, РФ)

О судьбах женщин-воительниц Восточной Азии в средние века

Отношение женщин эпохи средневековья к воинской профессии уже рассматривалось в ряде более ранних работ одного из авторов [1]. В настоящей статье мы обратимся к занятиям военным делом женщинами Восточной Азии — региона, который знаменит своими воинскими культурами. Такова, например, феодальная Япония. Здесь служение в армии было преимущественно мужским занятием. Но даже в таком традиционном маскулинном обществе существовали женщины-воины «онна-бугэйся», которые проходили специальное обучение владению оружием.

Из оружия женщин учили пользоваться главным образом копьём яри, цепями и верёвками. В день достижения девушкой-самураем совершеннолетия (в 12 лет) ей, согласно ритуалу, вручался женский нож «кайкен», который, исходя из ситуации, мог направляться ею в тело противника или в себя [2]. Помимо кинжала, женщине надлежало владеть нагинатой — клинком на длинном древке. Длина древка, позволявшая держать противника на безопасном расстоянии, делала это оружие наиболее привлекательным для женщин. В женский арсенал также входил нож танто (буквально — короткий меч). Известен «феминизированный» вариант танто, замаскированного под веер [3].

В японском эпическом романе «Повесть о доме Тайра», созданном в XIII в., появляется имя прославленной воительницы Томоэ-годзэн, которой посвящены восторженные описания ее женской красоты и выдающихся воинских качеств [4].

Томоэ-годзэн была женой (либо, в другом варианте, вассалом) Кисо (Минамото) Ёсинака, который восстал против Тайра и в 1184 захватил Киото после победы в битве при Курикава. После того, как Тайра были вытеснены в западные провинции, Ёсинака стал настойчиво добиваться лидерства в клане Минамото. Это послужило причиной для Минамото Ёритомо атаковать Ёсинака [5].

21-го февраля 1184 г. состоялась решающая битва при Авадзу, о которой говорится, что Томоэ-годзэн добыла, по меньшей мере, одну

голову врага. Хотя войска Ёсинака храбро сражались, они были разбиты превосходящими силами противника. Ёсинака, проиграв, остался всего с четырьмя вассалами. Он приказал Томоэ-годзэн спастись бегством, поскольку хотел встретить смерть вместе со своим сводным братом Имаи-но Сира Канэхира, и заявил, что ему будет стыдно умереть вместе с женщиной [6].

Томоэ, однако, не хотела оставлять сюзерена и осталась поджидать врагов. В это время внезапно появился прославленный силач Моросигэ Онда со своей дружиной. Томоэ направила коня к Ондэ, стащила его из седла и отрубила врагу голову. Потом, сбросив доспехи, героиня романа умчалась на своем коне на восток [7]. В других источниках утверждалось, что либо Годзэн погибла на поле боя вместе с мужем, либо что она спаслась, уехав в Западные провинции, где стала монахиней [8].

Особая тема, связанная с японскими воительницами — это куноити («смертоносные цветы»), или женщины-ниндзя. Эти легендарные личности, как и упомянутые выше женщины-самураи и др. также могли владеть разнообразными видами обычного оружия (например, той же нагинатой, или кайкеном), но арсенал их средств был гораздо богаче и изощреннее, чем у «обычных» воительниц, и главной его спецификой было использование не грубой силы, а хитрости и самого невероятного женского коварства в его разнообразных проявлениях, перед которым не мог устоять практически ни один мужчина, обреченный быть жертвой куноити. Средства, применяемые ими, были продолжением образа «слабой» женщины, от которой нелогично было ожидать какой-либо опасности. Это могли быть остро отточенные заколки, иглы, отравленные веера и пр., т. е. естественные женские аксессуары, которые были вне подозрений. Но и любой предмет в руках опытной куноити был смертельно опасным, даже простой лист бумаги. Оружием женщин-ниндзя могли быть разнообразные яды, которыми они умели пользоваться в совершенстве. Чисто женским средством борьбы с врагом были искусство совращения, и секс, возбуждавшие воображение даже потенциальных жертв, которые готовы были рискнуть ради невероятных наслаждений, о которых ходили легенды. Но финал таких любовных игр мог быть самым печальным для не в меру возбужденного мужчины. Во время эротического сеанса куноити могла убить не только перечисленными выше способами, но и поцелуем, когда она попросту...откусывала язык врагу. Нечего и говорить о том, что когда куноити попадала в плен, то ее убивали самыми зверскими способами. Зная об этом, женщины-ниндзя стремились покончить с собой [9].

Воинственные устремления китаянок издревле находились под влиянием противоположных тенденций. С одной стороны, китайская традиция отказывала представительницам прекрасного пола в женс-

твенности. «Женщина сильнее мужчины», — говорит пословица китайских крестьян. На рисунках эпохи Тан (VII–X вв.) можно часто видеть светских дам, которые, облачившись в мужские костюмы, участвуют в скачках или выезжают на охоту [10].

Однако, начиная с X в., после прихода к власти династии Сун, в Поднебесной империи получает распространение мода на бинтование ног у девочек. Изуверская, по нашим понятиям, операция приводила к деформации стоп, на которых невозможно было передвигаться. Знатная китайская женщина имела весьма ограниченное передвижение и то с помощью слуг. По улицам такую особу носили в паланкине [11]. Причиной подобных манипуляций было то, что в представлениях китайцев беспомощность придает даме особое очарование в глазах мужчины.

Девушек из простых семей подвергали бинтованию с учетом того, что те должны были выполнять домашнюю и полевую работу. Однако бег или воинские упражнения им были недоступны. Поэтому несмотря на силу китайских женщин «амазонки» среди них встречались лишь в далекой древности [12].

В литературе имена воинственных женщин встречались чаще, чем в жизни. Одной из самых известных историй о китайских женщинах-воительницах, включенных в школьные учебники [13], является «Баллада о Мулань», созданная в VI в. В ней повествуется о девушке, выдавшей себя за мужчину и пошедшей вместо старого отца, призванного в армию.

Мулань, подобно многим другим героиням-воительницам, известным в мировой истории, переделалась в мужскую одежду и сражалась на поле боя, наравне с воинами. На протяжении многих лет ей удачно удавалось выдавать себя за мужчину, не раскрывая своё настоящее происхождение. Мулань блестяще проявила себя на поле сражениях в многочисленных битвах и удостоилась многих боевых наград. По окончании ее службы в армии, император хотел пожаловать Мулань высокую должность при дворе. Однако она отказалась от всех наград и испросила разрешения вернуться в родной город к своей семье [14]. Ее боевые товарищи, судя по содержанию баллады, были поражены тем, что не могли в течение 12 лет распознать в ней девушку, и узнали правду только тогда, когда она появилась перед ними с соответствующим макияжем [15].

История Мулань весьма репрезентативна с точки зрения доминирования традиционных китайских ценностей, в центре которых находится семья. Она вступила в армию, чтобы заместить в ней отца, и в конечном счете, исполнить долг перед государством (в конфуцианстве оно является олицетворением большой семьи), дочерний долг и позаботиться о младшем брате. Из поколения в поколение много веков Му-

лань является для своих соотечественников образцом доброты, дочерней почтительности, мужества, выносливости и бескорыстия.

Другой китайкой, которая прославилась своим участием в борьбе против иноземных захватчиков — чжурчженей, создавших империю Цинь — была Лян Хунъюй. Обладавшая большим мужеством и организаторскими способностями полководца, она была способна на нестандартные действия. Благодаря ним, например, были разгромлены мятежники, напавшие на столицу, и Лян Хунъюй удостоилась почетного звания «Благородная госпожа — защитник государства» (хуго фужень). Известны и другие знаменитые эпизоды борьбы с цинскими войсками с участием Лян Хунъюй. При этом выдающаяся женщина была чужда семейственности и стремления покрывать неудачные действия своего супруга — известного военачальника, о которых она лично сообщала императору. Последний оценил действия Лян Хунъюй и дал возможность ее мужу искупить свою вину. Современные исследователи-востоковеды, изучавшие судьбу этой незаурядной женщины, отмечают, что ее действия как профессионального воина нарушали традиционный гендерный порядок, характерный для китайского общества [16]. Однако в глазах китайцев она была также добродетельной супругой и хорошей матерью. Бескорыстное служение государству и совершенные подвиги, в конечно счете, способствовали сложения образа героической женщины, который востребован и в современном Китае.

Во Вьетнаме также известно немало легенд о женщинах, являвшихся образцами мужественности и выносливости. В Полном собрании исторических записок Дайвьета, созданном в правление династии Ле рассказывается о Чьеу Тхи Чинь [17]. Информация о ней звучит в контексте восстания в провинции Кытян. Правитель У Лю Шань отправил сюда наместником некоего Лук Зана. Его вес и авторитет были настолько высоки, что восставшие были вынуждены сложить оружие. Однако незамужняя женщина по имени Чьеу выступила против местных территориальных подразделений.

Ее внешность описывается в указанном собрании в эпическом духе. Чьеу, де, имела груди длиной три тхьюка (1,2 метра), которые эта героиня завязывала на спине. Этим она напоминает персонажи из мифологии некоторых народов мира, например, Северного Кавказа. Так, в одной ингушской сказке («Как сын нашел отца») речь идет о гáрбаш — колдунье, людоедке, кровожадном существе, живущем вдали от людей, у которой были такие же заброшенные за спину груди [18]. Подобный персонаж — это, фактически, антипод женщины, а указанная деталь его анатомии — это указание на необычную, нерядовую, внеповседневную субъектность, черта, несвойственная обычным людям.

Чьеу часто воевала верхом на боевом слоне и в желтом одеянии, в туфлях с загнутыми носками. После смерти эта женщина обрела бес-

смертие [19]. Связь ее имиджа с сакральной сферой подчеркивается наличием слона, как средства передвижения (слон — один из символов Будды, олицетворяет удачу, силу, мудрость), а также желтого цвета одеяния, который многозначен, но в данном конкретном случае может означать интуицию, а также скорбь, печаль, идею аскезы (в смысле отказа указанной героини от обычных женских обязанностей, привязанностей и радостей).

Иная версия истории Чьеу Тхи Чинь дается в «Краткой истории Вьетнама». Чьеу выглядит в ней уже не в роли экстравагантной дамы с мифологическими и лидерскими качествами одновременно. Личность Чьеу Тхи Чинь предстает перед нами, как очень волевая, жесткая, способная на убийство. Чьеу без колебаний променяла перспективу судьбы обычной матери семейства на стезю предводительницы, сплотившей вокруг себя многих людей. Ее ответ брату, предлагавшему сестре выйти замуж, звучит как своеобразная манифестация права на гендерную свободу. В этом ответе энергия Чьеу находит в фантазии героини эпически сильные образы, которые символизируют ее огромную решительность в борьбе за свое право решать собственную судьбу самостоятельно (готовность девушки оседлать ураган, усмирить шторм, победить морское чудовище). Она готова на многое, лишь бы не стать служанкой или наложницей. Чьеу пять месяцев билась с войсками китайского наместника, и потерпев поражение бежала, позднее совершив самоубийство [20]. Последнее выглядит как крайний шаг в ее протестном вызове против традиционной женской доли. Так или иначе, но обе приведенные выше версии связаны с идеей отказа рассматриваемого персонажа от привычной женской гендерно-ролевой специфики, а политические причины этого могут быть ситуативным оправданием отклонения от следования традиции.

Позднее император династии Ли, Ли Нам Де, вероятно для того, чтобы повысить свой престиж за счет тиражирования культа популярной героини, стал превозносить Чьеу Тхи Чинь. В ее честь построили храм, а сама Чьеу была награждена титулом «Благороднейшая героиня-девственница» [21]. Последнее качество было, как, по существу, и в Европе (например, история Жанны д'Арк), залогом чистоты и высоких достоинств воительницы, являясь важным условием сакрализации.

Весьма примечательно и то, что историческими героинями, сумевшими завоевать независимость Вьетнама, веками упорно боровшегося против китайского господства, были сестры Чынг. На заре н. э. произошло восстание этих двух легендарных сестер, Чынг Чак и Чынг Ньи. Они были дочерьми лак тыонга (военачальника) в уезде Мелинь (на северо-западе от Ханоя). Одна из сестер, Чынг Чак была человеком выдающегося ума и мужества. Она была замужем за Тхи Шатем, являвшимся также сыном лак тыонга, но из уезда Тюзиен. Это был смелый и патриотически настроенный человек [22].

Немаловажно то, что, согласно историческим памятникам и легендам, матерью сестер Чынг была Ма Тхиен. Она принадлежала к роду Хунг-выонгов, т.е. династии правителей Вьетнама. Этой женщине принадлежит исключительно важная роль в контексте дальнейших событий с участием сестер Чынг. Ма-Тхиен, рано овдовев, воспитывала своих дочерей в воинственно-патриотическом духе. Именно она, как носитель высшей легитимности, показала серьёзные организаторские способности, оказав значительную помощь дочерям и зятю в консолидации сил повстанцев. Ма-Тхиен, что весьма характерно, сумела привлечь в ряды борцов за независимость страны многих племенных вождей, а также воинов из соседних районов [23].

Итак, обе семьи лак тыонгов задумали план восстания и готовились его осуществить, пользуясь поддержкой населения. Но их приготовления, по-видимому, не остались без внимания правителя Су Дина. Он решил нанести упреждающий удар, и Тхи Шать был убит. Но это не только не остановило его супругу Чынг Чак, а, напротив, укрепило её решимость поднять восстание и восстановить независимость страны [24].

Чынг Чак сумела поставить выше мести за смерть мужа свой долг перед родиной. По легенде, она в бою всегда снимала траурный убор, чтобы не снижать боевой дух повстанцев. Чынг Чак, взявшая на себя роль руководителя восстания, выделила четыре главные его цели. В «Сборнике изречений Небесного юга» они переданы так: «Первое — отомстить врагу за поруганную родину, второе — отвоевать всё, что принадлежало Хунг-выонгам, третье — отомстить за смерть супруга, четвертое — до конца выполнить свой долг» [25].

В марте 40 г. Чынг Чак вместе со своей младшей сестрой Чынг Ньи подняли восстание. К ним в центр восстания Мелинь отовсюду стекались их сторонники [26]. Вначале восставшим сопутствовал успех. Они взяли более шестидесяти пяти городов земли Линь-нам, Су-Дин был изгнан, а те округа, которые вначале выжидали, чем кончится дело, примкнули к победителям. Сестры же (чего, собственно, и следовало ожидать) «объявили себя государынями страны Виет, обосновались со своим двором в Тю-зиене и приняли имя Чынг» [27].

Однако дальнейшая история была печальной. Китайский император Гуангу-ди в гневе сначала разжаловал неудачника Су Дина и сослал его, а против сестер послал войска. Силы были неравными. Формирования вьетнамцев были малочисленными и не могли долго сопротивляться китайским завоевателям. Сестры отступили в т.н. Красивое ущелье — Кэм-кхе, рассчитывая, вероятно, воспользоваться его относительной труднодоступностью, но их войско день ото дня редело. Восстание завершилось поражением и гибелью сестёр в бою [28].

Подводя итоги, можно отметить, что в средневековых странах Восточной Азии известен тип женщины-воина, которая могла просла-

виться благодаря своим деяниям, совершаемым, прежде всего, в патриотическом контексте. Однако он присутствует в местных обществах (как, впрочем, и в других социумах средневековой Азии, а также Европы) в качестве исключения. В целом, у женщины было совсем немного социальных ролей. Например, в «Повести о доме Тайра» мы находим образы женщин для продолжения рода, монахинь и женщин для увеселения (певицы, танцовщицы). Героини средневековых восточных сказаний, откуда мы во многом черпаем сведения об их социальном положении, не могли претендовать на равное положение с мужчинами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Голованева К.В. Женщины в рыцарских и монашеских орденах // История и обществознание. Научный и учебно-методический ежегодник. Вып. XII. 2015. С. 74–76; Голованева К.В. Дамы в тяжелых доспехах или феномен женщин-воительниц средневековой Европы // Виноградские чтения // Материалы международной научно-практической конференции (Армавир, АГПА, 11 апреля 2015 г.). Армавир: Дизайн-студия Б. С. 210–211; Подымова К.В. Женщины-воительницы в сказаниях и преданиях Северного Кавказа // Российский Северный Кавказ: социокультурные, политические и экономические аспекты истории. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. С. 18–19; Она же. Женщины-воительницы в арабской средневековой литературе (на примере «жизнеописания о доблестной Фатиме Зат-аль-Химме») // Виноградские чтения // Материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПУ, 7 апреля 2018 г.). Армавир: Дизайн студия Б, 2018. С. 130–133.
2. Inazo Nitobe. Chapter XIV. The Training and Position of Woman // Bushido, The Soul of Japan: An Exposition of Japanese Thought. New York: G.P. Putnam's Sons, 1905. С. 140.
3. Ивик О. Женщины-воины: от амазонок до куноити. Москва, 2011. С. 167–168.
4. Повесть о доме Тайра: эпос (XIII в.) / пер. со старояп. И. Львовой; предисл. и коммент. И. Львовой; стихи в пер. А. Долина. Москва: Худож. лит., 1982. С. 393.
5. Миннакири Дзёю. Томоз Годзэн. URL: <http://www.sengoku.ru/archive/library/history/personality/214012.htm> (Дата обращения: 7.03.19).
6. Кальчева А. Томоз-годзэн: женщина-воин. URL: <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1407> (Дата обращения: 9.03.19).
7. Кальчева А. Томоз-годзэн: женщина-воин. URL: <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1407> (Дата обращения: 10.03.19).
8. Миннакири Дзёю. Томоз Годзэн. URL: <http://www.sengoku.ru/archive/library/history/personality/214012.htm> (Дата обращения: 10.03.19).
9. Куноити — женщины-ниндзя. URL: <http://science.ru-land.com/stati/kunoitizhenshchiny-nindzya> (Дата обращения: 10.03.19).
10. Малявин В. В. Китайская цивилизация. Москва, 2003.
11. Там же.
12. Ивик О. Указ. соч. С. 157–158.
13. Shen T., Sommer G. The Legend of Mulan. August 31, 2011.
14. Дэвид У. Хуа Мулань — храбрая женщина-воин // ВеликаяЭпоха. [Электронный ресурс]: URL: <http://m.epochtimes.ru/content/view/full/65963/86/> (Дата обращения: 10.03.19).

15. Попова Т. Мулань: китайская Жанна д' Арк. [Электронный ресурс]: URL: <http://atimemag.ru/history/mulan/> (Дата обращения: 10.03.19).
16. Смертин Ю.Г. Лян Хунъюй: судьба барабанщицы // II Виноградовские чтения // Материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПУ, 7 апреля 2018 г.). Армавир: Дизайн студия Б, 2018. С. 133–136.
17. Мхитарян С. А. История Вьетнама. Москва: Наука, 1983. С. 123–126.
18. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / сост. И.А. Дахкильгов, А.О. Мальсагов. Грозный, 1986. С. 12, 474, 481.
19. Нгуен Кхак Вьен. Очерки истории Вьетнама. The Gioi Publishers. 2002. С. 22.
20. Tran Trong Kim. Việt Nam sử lược. Ho Chi Minh City General Publishing House, 2005. P. 44–45.
21. Деопик Д.В. Некоторые вопросы древней истории Вьетнама в современной вьетнамской исторической литературе // Вестник древней истории, 1956, №2. С. 96–107.
22. Мхитарян С. А. Указ. соч. С. 201–203.
23. В деревне Намнгуен уезда Бави сохранилась её могила, которую в народе называют «гробницей За», что на древнем вьетнамском языке означало «уважаемая престарелая женщина».
24. Нгуен Кхак Вьен. Очерки истории Вьетнама. Ханой: Тхезьой, 1998. С. 25–26.
25. Там же. С. 26.
26. Мхитарян С. А. Указ. соч. С. 201–203.
27. Собрание чудес и таинств земли Виет. Высокородные и победоносные воительницы Чынг // Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 18. Классическая проза Дальнего Востока. Москва: Художественная литература, 1975. С. 355–357.
28. Собрание чудес и таинств земли Виет. С. 355–357.

Я. А. КАПЛЕНКО

(г. Армавир, РФ)

Семиотико-культурологический анализ репрезентаций власти в источниках эпохи средневековья, на примере сочинения Эйнхарда «Жизнь Карла Великого»

Анализ символических форм оказывается более продуктивным способом получения представления о власти в средние века. Люди средневековья осознанно пользовались символами и производили новые [1].

Обратимся сначала к вербальным источникам репрезентации власти. Итак, одним из главных источников эпохи можно считать труд Эйнхарда «Жизнь Карла Великого». Перейдем к тем репрезентациям власти, которые обнаруживаются в самом тексте. Это, прежде всего, система символических знаков. Большой частью они направлены на идеализацию того образа. Карл в тексте представлен непобедимым воителем. Ради укрепления этого образа Эйнхард любую стычку или поход именует войной [2]. О поражениях Карла умалчивается, а знаменитой трагедии в Ронсенвальском ущелье, названной «вероломным нападением басков», уделено всего несколько строк. В том числе, Эйнхард преувеличивает завоевания Карла, приписывая ему достижения его же предшественников или даже говорит о, на самом деле, незавоеванных областях. Жестокость и несправедливость, которым нет места в идеальном образе правителя, легко нивелируются Эйнхардом. К примеру, ответственность за верденскую резню, где было казнено свыше 4500 саксов, автор перекладывает на вероломную жену Карла Фастрату, на которой тот ещё даже не был женат. Как говорит Эйнхард, Карл, «поддавшись жестокости жены, кажется, слишком отклонился от природной доброты и присущей ему мягкости» [3].

В том, что касается взаимоотношений Карла со своей семьей, Эйнхард продолжает следовать идеализации образа и с этой целью любые положительные качества своего героя выставляет на первый план. Он много говорит о любви Карла к своим детям, о желании дать им хорошее образование. Известно, что дочери Карла во всех путешествиях сопровождали своего отца. Эйнхард объясняет это тем, что Карл «удерживал [дочерей] дома до самой своей смерти, говоря, что не может обойтись без их близости» [4]. Однако, как считает М.С. Петрова, Карл мог руководствоваться нежеланием отпускать дочерей из-за боязни появления законнорожденных внуков, с которыми пришлось бы делиться владениями. В том числе, умалчивается и о бурной личной

жизни дочерей, о которой Карл, несомненно, знал [5]. Разумеется, упоминание об этом разрушило бы тот идеальный образ.

Целых две главы уделены рассказу о том, что Карл «свято и преданно почитал христианскую религию» и «все свои силы отдавал поддержке бедных и бескорыстному милосердию» [6]. Однако ни его благочестие, ни упоминаемый Эйнхардом добродушный нрав не уберегли изгнанного из Рима за профранкскую политику Папу Льва III от унижительного принесения королю торжественной клятвы по германскому обычаю, что сопровождалось очищением грехов.

Ещё одним важным моментом в формировании образа Карла является противопоставление его другим правителям, на фоне которых он предстает в более выгодном свете. О византийских императорах, не желавших признать Карла равным, говорится, что их зависть и негодование он победил своим великодушием [7]. В самой первой главе Эйнхард рисует откровенно негативный образ последнего меровингского короля Хильдерика. Возможно, что подобная дискредитация образа Меровингов, память о которых была ещё свежа, была направлена на легитимацию и укрепление образа Каролингов, фактически свергнувших предыдущую династию. Интересно, что в самом конце прославляющего Карла произведения Эйнхард упоминает о недобрых знаменьях, которыми Карл пренебрег. Возможно, что таким образом автор стремился продемонстрировать утерю Карлом божественной благодати, чтобы тем самым укрепить образ его преемника Людовика [8].

Итак, подведём итог репрезентации выбранного нами источника. Во-первых, образа Карла наделяется именно теми свойствами, которые соответствовали представлениям средневековой эпохи о идеальной власти. А значит, это репрезентации символического характера.

Во-вторых, происходит увеличение «степени идеализации» образа Карла. Положительные качества выставляются на первый план в преувеличенном виде, негативные же преуменьшаются, либо вообще замалчиваются. Поэтому это не просто биография реального правителя, а конструирование фигуры-символа эпохи.

В тексте Эйнхарда исследователи находят целую группу репрезентаций индексального типа, непосредственно указывающих на власть Карла Великого. Это титулы, которые не единожды повторяются в тексте, номинации вещей как атрибутов его королевской власти — например, «корона» или «трон».

Примечания: 1. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 15–16. 2. Сидоров А.И. Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006. С. 92. 3. Эйнхард. Жизнь Карла Великого / вступ. статья, перевод, примечания, указатели М.С. Петровой. Москва, 2005. С. 101. 4. Там же. С. 95. 5. Петрова М.С. Эйнхард: историк в истории / Эйнхард. Жизнь Карла Великого // Вступ. статья, перевод, примечания, указатели М.С. Петровой. М., 2005. С. 37. 6. Эйнхард. Жизнь Карла Великого / вступ. статья, перевод, примечания, указатели М.С. Петровой. М., 2005. С. 109. 7. Там же. С. 115. 8. Эйнхард. Жизнь Карла Великого // Вступ. статья, перевод, примечания, указатели М.С. Петровой. М., 2005. С. 121–123.

А. А. ЛАЩЕНКО

(г. Санкт-Петербург, РФ)

Рауль V, граф Валуа и Вермандуа:
закат династии

История графского рода Валуа-Вермандуа (X–XIII вв.) знала взлеты и падения (говоря здесь о титуле Вермандуа, мы, разумеется, имеем в виду младшую ветвь рода Валуа-Крепи). Многие графы, представители этой семьи, были выдающимися личностями. Они были отважными воинами, собирателями земель, созидателями — строителями монастырей и замков. Дважды род переживал упадок. Первый раз в 1077 году, при Симоне, сыне Рауля III, который удалился от мира, умер бездетным, и таким образом, пресеклась старшая ветвь рода Валуа по мужской линии. Вторично упадок случился после смерти Рауля IV Доблестного, графа Валуа и Вермандуа, когда управление землями перешло к его малолетнему сыну Раулю V.

Рауль V Юный, граф Валуа и Вермандуа, был внуком выдающихся людей своего времени: по отцовской линии его дедом был Гуго I Великий, граф де Вермандуа (1057–1102), предводитель крестоносцев Севера Франции в Первом крестовом походе 1095–1099 гг., родоначальник графов Вермандуа, младшей ветви рода Валуа-Крепи, родной брат короля Филиппа I Капета. Дед по материнской линии — Гийом X Святой, герцог Аквитанский (1099 – 9 апреля 1137). Король Людовик VI Толстый приходился Раулю двоюродным дядей, Людовик VII Молодой — троюродным братом.

Также в роду юного графа были Рауль III Великий, граф Валуа и Крепи (~1010 – 8 сентября 1074), один из самых влиятельных вельмож королевства, который возглавлял оборону короля Генриха I и был первым советником Филиппа I; королева Анна Ярославна (или Анна Русская) (~1025–1075–79); Симон, граф Валуа и Крепи (1048–1082), он отстоял в военном столкновении с королем земли отца, Рауля III, отошел от мира и стал монахом в Юра, показал себя успешным дипломатом в переговорах с Робером Гвискардом по вопросу о ненападении последнего на папский престол и был причислен к лику святых. Рождению Рауля V в такой блестящей семье предшествовала непростая история его родителей.

Рауль IV, граф Валуа и Вермандуа был одним из самых ярких представителей фамилии в XII веке, помимо этого он был представи-

телем младшей ветви Капетингов. Рауль родился в замке Крепи предположительно в 1185 году в семье Гуго I, графа Вермандуа (1157–1102) и Адели, графини Вермандуа, Валуа и Крепи (~1062–1122).

При посещении аббатства Лонгпон вам расскажут, что одним из основателей этого религиозного учреждения был Рауль IV, граф Вермандуа и Крепи, в аббатстве Льё-Ресторе вы узнаете, что оно было основано тем же графом. «Если поехать в Крепи, в аббатство Сент-Арнуль, в аббатство Урскам, либо в другие многочисленные бывшие религиозные центры Валуа или Вермандуа, вам везде расскажут о графе Рауле как о благотворителе, полном набожности» [1]. Однако читая труды его современников, в частности «Жизнь Людовика VI Толстого» аббата Сугерия [2], Рауль предстает перед нами как сеньор, известный своим мужеством и отвагой, о чем свидетельствуют и прозвища, данные ему при жизни — «Доблестный» и «Одноглазый» (оба они были получены после осады замка Ливри в 1128 году, когда Рауль получил тяжелое ранение арбалетной стрелой в голову и потерял глаз).

«Королевская власть больше не была обязана поручать высокие посты короны шателенам, враждебным ее интересам. Она больше не собиралась бороться с ними за сохранение собственности...» [3]. Это значит, что Людовик Толстый ввел новые монархические традиции, появились новые влияния, обновился руководящий состав. Действия короля стали более продуманными и логичными, «он уже не так часто поддавался порывам гнева или жажде наживы...» [4]. Несомненно, это была и работа советников, которых Людовик VI привлек к управлению государством после кризиса, связанного с дапифератом Этьена де Гарланда. Начиная с 1128 года, верховное руководство королевской политикой перешло в руки тех, кто до этого занимал лишь второстепенную позицию — Раулю Вермандуа и Сугерию, аббату Сен-Дени. Влияние первого ощущалось в вопросах, связанных с военным делом, политический гений второго наиболее ярко проявился при Людовике VII, однако Сугерий сыграл значительную роль в событиях последних лет жизни Людовика VI.

Начиная с 1129 года, имя Рауля де Вермандуа появляется на большинстве королевских дипломов вместе с именами других четырех высших чинов. Если верить хартиям, «задолго до того, как закончилась вакансия дапифера, имя Рауля де Вермандуа появляется в дипломах на месте, обычно занимаемом упоминанием сенешаля (№417)» [5]. Между тем, вероятнее всего, Рауль занял эту должность только в 1132 году, после 23 октября, то есть после коронации Людовика VII. С этого момента граф Вермандуа, официальный глава армии и дворца, находился в авангарде всех событий государства и подписывал все королевские хартии до последнего дня Людовика VI. После его смерти (1137 г.) Рауль IV и аббат Сугерий были оставлены новым королем Людовиком VII при прежних должностях.

Между тем в самом начале правления у молодого короля случился конфликт с сенешалем из-за все возрастающего влияния Сугерия при дворе, и в результате этого в течение 1138–1139 гг. дапиферат оставался вакантным, а исполняющим обязанности стал граф Тибо Шампанский. Впрочем, последний вскоре изменил свое поведение, и в 1140 году граф де Вермандуа вернулся ко двору. О возвращении к должности говорит тот факт, что, начиная с 1140 г., Рауль снова подписывает королевские грамоты в качестве сенешаля [6]. В связи с Крестовым походом (1147–1149 гг.), Людовик VII доверил именно Сугерию управление государством, однако необходим был человек, который был бы в состоянии умирять волнения в королевстве, и таким человеком был сенешаль Рауль, который не стеснялся действовать агрессивно, если это было нужно. Качества двух регентов дополняли друг друга, и все время отсутствия короля они сохраняли добрый мир между собой, и даже упоминали друг друга в письмах [7].

Неустанная преданность королю не мешала Раулю в обычной жизни оставаться человеком достаточно импульсивным. Об этом свидетельствует его брак с Аликс Аквитанской — родной сестрой королевы Алиеноры, на тот момент королевы Франции. Граф де Вермандуа расторг брак с Элеонорой де Блуа, чтобы жениться (предположительно в 1141 или 1142 году) на Аликс, также известной как Петронилла. Развод и повторный брак вызвали большой скандал, привели к войнам и отлучениям от Церкви, однако ничто не помешало супругам Вермандуа заниматься делами духовными и строить церкви и монастыри. Так были построены премонстранские аббатства в Лонгпоне и Льё-Ресторе, были осыпаны милостями монахи аббатства Сен-Жан-ле-Винь в Суассоне. В конце концов, папа Эжен III узаконил этот союз на Реймском соборе в 1148 году. Иоанн Солсберийский, повествуя об этом событии, отмечает присутствие на синодальном собрании святого Бернара и рассказывает, как тот пригрозил супругам проклятием: «Ничего хорошего не выйдет из их постели!» [8]. Тем не менее, в этом браке родилось трое детей: Элизабет (ок. 1143 г.), Рауль (вероятно, в 1147 г.) и Элеонора (1148 / 49 г.).

В 1152 году граф Рауль IV, «утомленный годами и заслугами, оставил брэнную жизнь» [9]. Клод Карлиер так резюмировал его жизненный путь: «Его рождение было блестящим, так как в предках у него был король. Его воинские и политические качества были известны деяниями, которые он осуществлял, как в мире, так и на войне, и особенно во время регентства, когда он всего себя отдавал на благо государства советами и управлением [...]. Все было бы еще более совершенно, если бы у него была сила отбросить бремя всепоглощающей страсти, которая сделала его объектом церковной цензуры» [10]. Рауль де Вермандуа значительно увеличил свою территориальную мощь. Его владения включали в себя города Сен-Кантен, Рибемон, Перонну, Ам (Нам),

Шони, Мондидье, Руа, Брей, Бретей; графства Амьен, Валуа, Шези, Вайи, Бокен, Бове, Марше, Пьерфон, Лё Понтё; замки Марль, Вервен, Нёйи, Шомон, Крепи, Мароль, Ла-Ферте-Милон, Виллер-Котре, Вивьер и Ретель. Все эти территории занимали большую часть современной Пикардии — огромное состояние, которое было вознаграждением за службу человеку, прослужившему королевству почти 30 лет.

Новым хозяином этих земель стал Рауль V, однако он был еще очень мал (отсюда его первое прозвище «Юный»). Его возраст и здоровье не позволяли ему самостоятельно управлять делами, но почивший граф, его отец, успел назначить опекуном детей своего племянника, Валерана, графа де Мёлан, а после его смерти опекунство взял на себя Ив де Нель, граф Суассонский.

Валеран де Мёлан был отважным воином и показал большое умение в управлении обширной территорией Валуа и Вермандуа. Граф Рауль IV оставил большие суммы денег, и менее щепетильный опекун мог бы использовать их в своих интересах, но Валеран пользовался этими средствами для увеличения и улучшения земель и имущества, находящихся под его контролем. Граф де Мёлан поделил домены на несколько округов, каждый из которых включал в себя совет баронов (*barones, consules*, или *homines consulari protestate*, следуя терминам, используемым историками того времени), чтобы регулировать текущие дела; также был особый совет для Вермандуа, который собирался в Сен-Кантен, и совет для Валуа с бальей, сенешалем и канцлером (*homines Consulari potestate* [11]). В исключительных случаях губернатор или Валеран, в качестве опекуна, возглавлял ассамблеи. На земли Валуа и Вермандуа, наконец, пришел мир. Также стоит отметить, что несмотря на то, что у юного Рауля V была старшая сестра, все акты, касающиеся управления наследством, составлялись на его имя.

После смерти Валерана опекунство перешло к Иву де Нелю, графу Суассонскому, который поддержал организацию доменов, внедренную его предшественником. Он также «отважно оборонял графства от посягательств сеньоров-соседей, особенно от Робера де Бова, достойного сына известного Тома де Марля» [12]. Репутация, которую граф Валеран так высоко заслужил в военном деле, поначалу отвергала притязания некоторых сеньоров, которые мечтали посягнуть на владения юного Рауля. Смерть графа де Мёлана изменила их намерения: «она внушила им честолюбивые чувства и заронила семя жадности... Они уважали Ива де Неля, но не боялись его» [13].

Граф Суассонский также заключил браки всех троих детей в соответствии с их рангом и состоянием: в 1156 году старшая, Элизабет, вышла замуж за Филиппа Эльзасского, графа Фландрского. Элеонора была выдана за Годфруа, графа Остревана. Что касается Рауля, то он получил в супруги Маргариту, сестру Филиппа Эльзасского. Однако этот брак так и не был окончательно оформлен — в год свадьбы (1163) Рауль

был поражен проказой. Впрочем, историки так и не сошлись во мнении по данному вопросу. Карлиер, к примеру, выдвигал следующее предположение: «Нужно думать, что молодой граф почти с рождения был болен слоновьей проказой, и что на какое-то время он излечился от нее; что он воспользовался своим состоянием здоровья, чтобы жениться, и что в разгар подготовки к свадьбе его поразили новые приступы проказы, которые свели его в могилу» [14].

Люди с подобным заболеванием обычно оказывались на задворках общества, то есть прокаженный должен был жить в изоляции, однако из-за возложенных на него обязанностей юный граф не мог быть полностью отстранен от управления своими обширными владениями. Известно лишь несколько документов, подписанных им, и мы видим, что Рауль во время болезни привлекал к управлению графствами своего шурина — Филиппа Эльзасского. Известно, что 1 января 1164 года Филипп вдруг добавляет к титулу графа Фландрии титул графа Вермандуа, еще при жизни юного графа. Не было ли это узурпацией власти, как считают некоторые историки? Дюваль-Арнуль, отвечая на этот вопрос в своем исследовании, приводит тексты двух хроник [15], ранее нигде не издававшихся, и доказывает, что Рауль прожил, по крайней мере, до 1167 года, и что оба шурина носили титул графа Вермандуа одновременно, и это было всего лишь разделение полномочий, а не узурпация.

Рауль V, прозванный Юным и Прокаженным, умер в замке Крепи после 1167 года, не оставив наследников. Его тело обрело покой в аббатстве Лонгпон, основателями которого были родители юного графа. К сожалению, аббатство сильно пострадало после Революции 1789 года, и могила Рауля V была утрачена. Мюльдрак, автор книги *Valois Royal*, изданной в 1662 году, видел аббатство еще в первоизданном виде и дает следующее описание: «[Рауль] был похоронен в великолепной мраморной гробнице, которую и сейчас можно увидеть в той части клуатра, которая известна под названием Читальня, или Коллегия, рядом с дверью церкви» [16]. Так род Валуа-Вермандуа пресекся по мужской линии.

Владения Рауля V после его смерти перешли к старшей сестре — Элизабет, супруге Филиппа Эльзасского, однако она умерла бездетной. После ее смерти наследницей стала младшая сестра — Элеонора (1148 / 49–1213), которая тоже умерла, не оставив потомства. Резонно, но, конечно, не совсем исторично задаться вопросом, не виной ли тому было проклятие святого Бернара?

В 1214 году домен стал собственностью короны, и на этом графский род Валуа-Вермандуа окончательно пресекся. В семейных историях сильных мира сего часто прослеживается некая закономерность, когда после сильного правителя приходит слабый наследник, и род Валуа-Вермандуа, к сожалению, не стал исключением. С уходом со сцены

сильного игрока — большой и влиятельной фамилии — нельзя не отметить некоторые наметившиеся тенденции: конечно, во французском королевстве еще были сильны большие феодальные сеньории, но мы видим, как постепенно начинался процесс централизации земель и укрепления королевской власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Moreau-Neret A. Le Comte de Vermandois Raoul IV de Crépy et Péronelle d'Aquitaine sœur de la Reine Aliénor // Mémoires de la Fédération des Sociétés d'histoire et d'archéologie de l'Aisne, vol. 18, 1972. P. 82.
2. Suger. Vie de Louis VI le Gros, éditée et traduite par Waquet (Henri). Paris, Champion, 1929, petit in – 8°, XXVII. 322 p.
3. Luchaire A., Louis VI le Gros. Annales de sa vie et de son règne (1081–1137) avec une Introduction historique. Paris, Alphonse Picard, 1890. P. LIII–LIV.
4. Ibid., p. LIV.
5. Ibid., p. 304.
6. Luchaire A., Études sur les Actes de Louis VII. Paris, Alphonse Picard, 1885. P. 46.
7. Oeuvres complètes de Suger / recueillies, annotées et publiées d'après les manuscrits pour la Société de l'Histoire de France par A. Lecoy de La Marche. Paris, J. Renouard, 1867. P. 258.
8. Jean de Salisbury, Historia pontificalis, éd. Reginald Lane Poole, Oxford, 1927. P. 15–16.
9. Muldrac F. A. Le Valois royal. Bonne-Fontaine, 1662. P. 112.
10. Carlier Claude, Histoire Du Duché De Valois: Ornée De Cartes Et De Gravures, Contenant Ce Qui Est Arrivé Dans Ce Pays Depuis le temps des Gaulois, & depuis l'origine de la Monarchie Française, jusqu'en l'année 1703. Paris, 1764. T. I, liv. III. P. 443.
11. Ibid., p. 497.
12. L'Art de vérifier les dates, des faits historiques, des chartes, des chroniques, et autres anciens monuments, depuis la naissance de Jésus-Christ. Paris, 1818. T. XII. P. 198.
13. Carlier Claude, Histoire Du Duché De Valois: Ornée De Cartes Et De Gravures, Contenant Ce Qui Est Arrivé Dans Ce Pays Depuis le temps des Gaulois, & depuis l'origine de la Monarchie Française, jusqu'en l'année 1703, Paris, 1764. T. I, liv. III. P. 499.
14. Ibid., p. 500.
15. Duval-Arnoul L. Les dernières années du comte lépreux Raoul de Vermandois (v. 1147–1167...) et la dévolution de ses provinces à Philippe d'Alsace. Bibliothèque de l'école des chartes. 1984, tome 142, livraison 1. P. 91–92.
16. Muldrac F. A. Le Valois royal. Bonne-Fontaine, 1662. P. 114.

И. А. КРАСНОВА

(г. Ставрополь, РФ)

Противоречия в действии демократических институтов
республики Флоренции
в XIV – первой половине XV века

Флорентийская республика традиционно считается своего рода эталоном «демократической республики» в эпоху позднего средневековья. Ни в одном городе-государстве Италии не сложилось столь широкой системы народовластия, включавшей большинство городского населения, в том числе членов младших цехов, основанной на принципах выборности и быстрой сменяемости всех должностных лиц, что обеспечивало доступ к управлению государством почти всем лицам, имеющим статус граждан Флоренции.

Демократические устои организации управления поддерживались системой «запретов» (*divieti*), ограничивающих права повторного избрания на все коммунальные должности

Недовольство и критика граждан в середине – третьей четверти XIV в. концентрировались вокруг проблемы, в которых выражалась демократическая тенденция политического строя Флоренции. Первые запреты на переизбрание возникли еще до принятия главной конституции Флоренции — «Установлений справедливости» 1293 г., еще с 1290 г. для Приоров устанавливался трехлетний срок после завершения им полномочий, в течение которого он не мог быть повторно избран на эту должность. «Установления справедливости» 1293 г. вводили для приоров, членов коллегий «16 гонфалоньеров компаний» и «12 добрых мужей», 2-летний срок запрета на переизбрание на ту же должность, но распространяли этот мораторий также на всех членов его семьи-консортерии, ни один из которых не мог быть избран приором в течение двух лет. Эти принципы оставались неизменными и подтверждались статутами 1415 г. Эти законы ограничивали возможности участия в управлении для старых, знатных и многочисленных родов, обеспечивая широкую систему выборности [1].

В этой связи встает вопрос о том, как сами граждане оценивали такого рода порядок. проблема запретов на старшие должности, которые были установлены еще с 1290 г., не поднималась вплоть до середины XIV в., но стала особенно актуальной в 50–70-е гг. XIV в., когда после чумы 1348 г. возник и вопрос о новых людях, переселявшихся в

город из контадо и дистретто и получавших возможность чаще переизбираться на должности, не неся ответственности за многочисленные консортерии.

Одним из первых, кто характеризовал запреты на высшие должности в коммуне, стал хронист Маттео Виллани, высказывая решительно негативное мнение и по этому вопросу. Он утверждал, что «именитые и влиятельные граждане — члены старших цехов редко возвращались в состав правительства, а «недостойные и бесчестные люди» численно превосходили «виртуозных и целомудренных» на высших должностях. Он заявлял: «Город внутри подчинялся порядку запретов, установленных пополанскими фамилиями,.. правление коммуны состояло из многих людей разного достоинства, по большей части младших ремесленников и новых граждан [2], которых почти не касались запреты, потому что они не состояли в консортериях, поэтому часто возвращались на должности, а гранды и могущественные граждане из больших фамилий возвращались на них редко... однако новые и мелкие граждане, пребывая на должностях, не так уж стремились творить зло в своих магистратах» [3]. Этот сюжет тревожил и его сына Филиппо Виллани. В пассаже под названием «О состоянии города Флоренции в эти дни» Филиппо Виллани близко к тексту повторяет подобные вставки из хроники своего отца: «Крупные дома пополанов имели запреты, многие уважаемые граждане древнего рода, мудрые и опытные, отторгались от должностей, в результате ухудшалось правление...» [4].

Проблема запретов очень занимала сознание флорентийца Донато Веллутти, современника Маттео и Филиппо Виллани, который видел в ней одну из предпосылок политических неурядиц в городе. В 1366 г., когда остро встал вопрос о противостоянии засилью гвельфской партии в связи с последствиями закона 1358 г., предоставившими чрезвычайные права Капитанам партии гвельфов [5]. Донато, будучи одним из коллегии «12 Добрых мужей» в составе Приората ноября-декабря 1366 г., сообщал, что на этом встал вопрос о запретах, по которому выступил Угуччоне де Риччи, представитель знатного и многочисленного клана, заявивший, что он, его консорты и братья были из тех, кого факт запретов касается, как никаких других персон, ибо крупные пополанские фамилии из-за него находятся в раздражении на ремесленников и весь народ Флоренции, и что по этому поводу следует звонить к Парламенту (народное собрание), ибо общее благо не соблюдается». Донато Веллутти поддержал это предложение [6]. Вопрос о реформировании системы «запретов» обсуждался несколько дней, не набирая большинства голосов на Коллегиях: но затем все-таки прошел, обсуждался на Совете Народа, но его снова вернули на Коллегии». Борьба за то, чтобы ограничить запреты продолжалась и в 1367 г.: «Вопрос об уменьшении срока запретов ставили на голосование много раз, но он не смог пройти» [7].

В хронике Донато Веллутти проскальзывает понимание того, что уменьшение срока запретов могло бы стать заслоном и для усиления влияния партии гвельфов: «Поднялся я и сказал искренне и с целью удовлетворить как можно лучше сограждан, что, если будем делать оба дела вместе [8], то одно будет способствовать другому; и что я и другие из моего дома не стремятся подорвать ни в малейшей степени блага Коммуны, но усовершенствовать его...» [9]. Видимо, здесь имелось в виду, что увеличение в Синьории числа именитых, авторитетных и влиятельных граждан могло бы помочь обуздать чрезмерные диктаторские притязания Капитанов гвельфской партии. Флорентийцы резонно полагали, что большинство известных и уважаемых выходцев из почтенных семей в Приорате и высших коллегиях могли бы в большей степени противостоять давлению со стороны партийных функционеров.

В ограничении запретов граждане республики видели средство пополнения высших магистратов представителями старых и знатных фамилий, поколения которых принимали участие в управлении государством. Более интенсивное участие в структурах власти опытных и компетентных администраторов могло бы улучшить систему управления в целом.

Проблема вышеизложенного заключалась в том, что ограничения сроков запретов требовали граждане, которых нельзя отнести к элитарным слоям коммунального сообщества. Маттео Виллани и его сын Филиппо, как и Донато Веллутти принадлежали скорее к среднему слою, более того, Маттео Виллани был аммонирован в 1362 г., то есть лишен права занимать государственные должности по подозрению в гибеллинизме [10], и есть основания полагать, что обвинение было выдвинуто представителями узких слоев доминирующей олигархии, которых Маттео часто обвинял в своей «Хронике» [11]. Обвинение, как полагал Дж. Брукер, «вытекало из антитиранического характера его гвельфизма», поскольку ибо он позволял себе жесткую и постоянную критику действий власти, начиная с конца 50-х гг. XIV в. [12]. Сходные позиции занимал и Донато Веллутти, который боролся против засилья диктата гвельфской партии, отстаивая широкую систему народовластия, но вместе с тем был убежден в сокращении сроков запрета на должности. Таким образом, обитающие во Флоренции граждане понимали преимущества граждан, поколениями издавна обитающими во Флоренции и опирающимися на опыт традиций республиканского правления предков, вопреки «новым гражданам», недавним переселенцам в город. Свою роль играла и убежденность в том, что представители простонародья и новые переселенцы для подкрепления своего авторитета и властных амбиций часто готовы были следовать за партийной олигархией, которая неслучайно стала набирать силу после 1348 г., когда начался наплыв «новых людей».

Итак, можно согласиться с мнением современного американского историка Дж. Нейджми, что критика системы запретов на участие в правлении была обычно направлена на злоупотребление определенными аспектами республиканского правления, и вовсе не на всю систему в целом. Попытки назначения на должности детей, коррупция в рядах членов избирательных комиссий и взяточничество при самом голосовании — являлись только примерами такого злоупотребления, а не показателями осуждения самих сомнительных институтов [13].

После 1378 г. острота проблемы запретов значительно снижается: сообщество граждан нашло другие решения, позволяющие ограничить участие членов средних и младших цехов, а также ослабить партию гвельфов как политический институт.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Guidi G. Il governo della città-repubblica di Firenze del primo quattrocento. T. II — Gli istituti «Di Dentro» che componevano il governo di Firenze nel 1415. Firenze, P. 6–7, 11, 51, 57.
2. «Новые граждане» — переселенцы из дистретто и контадо Флоренции после 1348 г. — чумной эпидемии, когда более трети населения города вымерло.
3. Villani M. Cronica // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior'lezione, ridotte e corredate del professore Michelli Sartorio. Milano, 1848. Libro VIII. XXIV. P. 33–34. Глава называлась: «Начала новых скандалов в городе Флоренции». См.: также: Najemy J. M. Corporatism and Consensus. P. 213.
4. Villani F. Cronica di Filippo Villani // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Trieste. 1357–1358. Libro XI. Cap. LXV. P. 224–225.
5. Velluti D. La cronica domestica scritta tra il 1367 e 1370/ a cura di I. Del Lungo, C. Volpi. Firenze, 1914. P. 247.
6. Ibid. P. 250.
7. Ibid. P. 251–252.
8. То есть реформировать партию и сокращать сроки запретов. — И. К.
9. Velluti D. Cronica domestica. P. 250.
10. Stefani M. Cronaca fiorentina / A cura di N. Rodolico // Rerum italicarum scriptores. Citta di Castello. 1903–1913. Vol. XXX. Rubr. 688. P. 259.
11. Brucker G. The Chibelline Trial of Matteo Villani // Mediaevalia et Humanistica. 13. 1960. P. 54. Автор статьи опирался на документы 1362 г., содержащие выдвигаемые против М. Виллани обвинения.
12. Ragone F. Giovanni Villani e i suoi continuatori. La scritta delle cronache a Firenze nel Trecento. Roma, 1998. P. 193–195.
13. Najemy J. M. Corporatism and Consensus in Florentine Electoral Politics, 1280–1400. Chapel Hill, 1982. P. 205.

О. ЯКШИНА

(г. Ставрополь, РФ)

Ценности рыцарского сословия по роману
Кретьена де Труа
«Персеваль или повесть о Граале»

Кретьена де Труа по праву принято считать автором первых романов об Артуре и рыцарях круглого стола. В своих произведениях он первым начал объединять разрозненные поэмы, связанные с Артуровским циклом. Однако, о самом поэте сохранилось достаточно мало информации. Проанализировав его произведения, ученые пришли к выводу, что Кретьен де Труа овладел науками тривиума и квадривиума, а также был знаком с римскими классиками, особо выделяя при этом Овидия и Вергилия. Подобный набор знаний позволяет предположить, что поэт являлся клириком. Данную точку зрения подтверждает также то, что Вольфрам фон Эшенбах — один из крупнейших миннезингеров немецкого Средневековья — называет Кретьена де Труа «мэтром» (meister Cristien von Troys), а именно так официально именовали клириков [5, с. 338].

Приставка «де Труа», которую Кретьен использует в своем романе «Эрек и Энида», свидетельствует о том, что он являлся уроженцем коммуны Труа в французской провинции Шампань [7].

Свои произведения Кретьен де Труа писал в XII веке, в период расцвета рыцарской культуры Европы [4]. Об этом свидетельствует упоминание поэтом Филиппа Фландрского:

«...Кретьен старается не зря,
По воле графа претворя
В стихи сказанье о Граале.
И в королевстве всё едва ли
Вы лучше встретите роман.
Заказ ему на книгу дан
Филиппом Фландрским; поглядим,
Как сможет справиться он с ним!..» [6].

В произведениях Кретьена де Труа находят отражение многие ценности рыцарского сословия. Рассмотрим их на примере романа «Персеваль или Повесть о Граале»

Образы, представленные в романе, позволяют сформировать модель ценностных ориентиров представителей рыцарского сословия в XII веке. Исходя из этого, данное произведение иногда ещё называют романом «воспитания» [1]. Перед читателями предстаёт история становления Персевалья настоящим рыцарем: от неотесанного валлийца до героя, молва о подвигах которого столь обширна, что сам король Артур отправляется на поиски юноши, дабы представить его к своему двору.

Кретьен де Труа не зря делает своего героя валлийцем по происхождению. В рассматриваемый период так называли выходцев из Уэльса, население которого преимущественно было сельским, что для знатных рыцарей было практически синонимом дикаря и невежи [8]. Поэтому, пример преобразования Персевалья от простодушного провинциала до благородного рыцаря являлся крайне показательным для средневекового общества.

Согласно представлениям рыцарской культуры, постулировалось, что честь — это следствие воинской доблести рыцаря, которая не зависит от титула, должности или богатства. В связи с этим, даже наделив материальными благами, невозможно сделать человека по-настоящему благородным, если у него отсутствует понятие чести [9]. Так, на момент начала романа, Персевалья сложно назвать примером истинного рыцаря. Он является представителем знатного, но обедневшего рода и воспитывался матерью, которая из страха, что младший сын погибнет так же, как его отец и старшие братья, старается оградить его от общества. В связи с этим, когда юноша случайно встречается в лесу с странствующими рыцарями, он нарушает многие правила общения. Исходя из этой сцены, мы можем выделить одну из основных ценностей настоящего рыцаря: он не должен задавать лишних вопросов, а также учтиво и с уважением обращаться к старшим по возрасту либо положению в обществе. Несоблюдение данных норм приводит к тому, что встреченные рыцари видят в юноше только лишь дикаря и невежу, подобного животному:

«...Сеньор, валлийцы — знайте то —
Похожи на животных боле,
Чем скот, пасущийся на поле...» [10].

В дальнейшем, когда Персеваль окончательно принимает решение отправиться на встречу приключениям, мать все-таки дает ему наставления, как себя должен вести настоящий рыцарь. В перечень данных норм входит оказание помощи попавшим в беду дамам и девицам, пристойное ухаживание за избранной дамой сердца, уважение к старшим и достойным, определенный порядок знакомства со встреченным рыцарем (узнать его имя и назвать свое), обязательное посещение церкви и молитва [11].

Не смотря на данные ему матерью наставления, при первой встрече с королём Артуром Персеваль нарушает многие из правил поведения. Так, он прямо на коне въезжает в обеденную залу и по началу даже не замечает короля, пока на него не указывает один из рыцарей:

«...Он въехал на коне в чертог,
Что столь же длинен, сколь широк,
В чертог просторный и прекрасный.
В конце стола Артур безгласный
Сидел, в раздумья погружён.
Не разговаривал лишь он,
А все беседовали дружно.
Кого приветствовать здесь нужно —
Неясно юноше, дотоль
Ведь он не знал, кто здесь король...» [12].

Персеваль не только не приветствует короля и собравшихся рыцарей должным образом, но и даже после прямой просьбы Артура, юноша отказывается спешиться и не столько просит, сколько требует, чтобы его посвятили в рыцари. Артур ему мягко отказывает, предлагая в начале одолеть Алого рыцаря, нанесшего обиду королю и его супруге. Данная сцена ярко показывает, что рыцарь — это не только звание, это определённая манера поведения и жизненный уклад, поэтому стать им возможно только лишь пройдя обучение и обряд инициации, а не в один момент из-за своей прихоти.

Важной частью куртуазной культуры, присущей рыцарям и отражённой в романе, является элегантность и роскошь облачения. Не зря одним из этапов инициации Персеваля становится его в том числе внешнее преобразование из неотесанного валлийца, одетого в практичную, но грубую и простую одежду, в элегантного рыцаря.

«...Велел подать он одеянье:
Слуга принёс из тонкой ткани
Рубашку; красные штаны
С туникой алою даны
Изысканной индийской ткани.
Велел нести он одеянье
Чтоб тот переодеться мог...» [13].

В ходе своих путешествий Персеваль прибывает к замку, хозяином которого является сеньор Горнеман де Гор. Юношу восхищает то, насколько хорошо встреченный рыцарь владеет оружием, да и его речи схожи с наставлениями матери. Персеваль охотно следует тем нормам рыцарского сословия, которым его обучает хозяин замка. Поменяв

одеяние по наставлению Горнемана де Гора, Персеваль не только повышает свой статус в глазах окружающих, но и ещё на одну ступеньку приближается к идеалу рыцаря. Не зря Ж. Ле Гоф отмечал, что в Средние века «красивым считалось разноцветное и блестящее, а чаще всего еще и богатое» [14].

Данный постулат подтверждается в романе образом ещё одного героя, который на момент встречи с ним Персеваля уже соответствует куртуазному идеалу и обладает всеми рыцарскими добродетелями. Этим героем является любимец короля Артура — Гавейн. Его образ в полной мере отражает образ идеального рыцаря, характерный для эпохи Кретьена де Труа. Таким образом, на его примере мы можем подтвердить ценности рыцарского сословия. Это отважность, благородство, разумность и умение в нужное время использовать дипломатию, чтобы затем вовремя нанести удар. Гавейн дорожит личной честью, легко покоряет женские сердца.

В общении с Горнеманом де Гором Персеваль постигает нормы поведения рыцарского сословия. Важными качествами, которыми должен был обладать мужчина средневековья, являлись храбрость, необходимая для защиты своей чести, что измерялось в соотношении количества побежденных врагов и преодоленных опасностей. Рыцарь обязательно должен был обладать щедростью и также постоянно обращаться к категориям стыда и чести. Понятие чести заключалось и в уважении к противнику: рыцарь обязан предоставить своему оппоненту равные условия:

«...Спросил он юношу: «Мой друг,
Что делать будете, коль вдруг
Вам рыцарь встретится в дороге
И нападёт на вас в итоге?
— Его в ответ ударю я.
— Вдруг пополам древко копья?
— Тогда на этот крайний случай
Мне кулаками биться лучше.
— Нет, не поступит рыцарь так.
— А как же надо? — На мечях
Сразитесь с ним, держитесь правил... » [15].

В случае победы рыцарю не следует рассказывать излишне много о своих достижениях. Он должен быть сдержан в разговоре. Народная молва, спасённые люди славят героя, а не сам герой [16].

Исходя из всего вышеизложенного, мы можем выделить главные ценности рыцарского сословия, представленные в романе Кретьена де Труа. Это соблюдение правил ведения боя, сила и храбрость, уважение к врагу и милосердие к поверженному противнику, благородство по-

ведения, дабы соответствовать своему благородному происхождению, справедливость и следование своему рыцарскому слову, уважение к дамам, оказание им помощи и соблюдение правил ухаживания, соблюдение своего религиозного долга.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. 445 с.
2. Коскинен М. О прекрасных дамах и благородных рыцарях. Москва, 2014. 272 с.
3. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Москва: Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
4. Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. Москва: Наука, 1976. С. 112.
5. Персеваль, или повесть о Граале / перевод со старофранцузского Н.В. Забуровой и А.Н. Триандафилиди. Москва: Common Place, 2014. С. 338.
6. Персеваль... С.7.
7. Bruce J.D. The evolution of Arthurian romance from the beginings down to the year 1300. Gloucester, MA: Peter Smith., 1958. P. 100.
- 7а. Бахтин М.М. Указ. соч. С. 81.
8. Персеваль... С. 356.
9. Коскинен М. Указ. соч. С. 79.
10. Персеваль... С. 13.
11. Там же. С. 24.
12. Там же. С. 37.
13. Там же. С. 61.
14. Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 316.
15. Персеваль... С. 59.
16. Там же. С. 64.

А. Е. КИХТЕНКО

(г. Армавир, РФ)

Методологические подходы изучения маскулинности на примере средневекового общества

В современной науке существует несколько методологий изучения маскулинности. Все в той или иной степени расходятся лишь по одному вопросу: природа, биологическая заданность или общественное конструирование различий между мужчинами и женщинами.

Биолого-эволюционный подход. Трактовка гендерных различий с позиции природных качеств не нова для истории. Насколько в догосударственный период факт рождения ребёнка способствовал возвеличению женщины и обожествлению женского начала; настолько же в средневековом патриархальном обществе этот факт стал определяющим для обоснования гендерного неравенства и одним из главных доводов того, что распределение ролей исторически сложилось верно и не требует изменений, другими словами, такое разделение угодно Богу.

Многие средневековые мыслители, размышляя о природе полов исходили из мысли, высказанной древнегреческим историком Ксенофонтом в произведении «Домострой»: «Природу обоих полов с самого рождения... бог приспособил: природу женщины для домашних трудов и забот, а природу мужчины для внешних. Поэтому женщине приличнее сидеть дома, чем находиться вне его, а мужчине более стыдно сидеть дома, чем заботиться о внешних делах» [1].

Конечно, средневековые мыслители не могли объяснить научно данные отличия, но фиксируя поведение девочек-девушек-женщин и мальчиков-юношей-мужчин, исходя из своих наблюдений они приходили к таким выводам. Конечно же, речь шла об «усреднённом» варианте поведения.

Психоаналитический подход. Данная теория постулирует универсальные мужские свойства, а также механизмы и стадии формирования мужского характера, при этом считается, что эти свойства не заданы биологически, а формируются в процессе индивидуального развития. Имеется в виду идентификация с матерью. Феминная идентификация по преимуществу родительская, тогда как маскулинная — гендерно-ролевая.

Средневековым мальчикам была нужна позиционная идентификация с разными аспектами обобщённой мужской роли. Они усваивали компоненты маскулинности, прежде всего своего отца. В процессе формирования личности мальчика у него появляются специфические мужские роли, страхи и коммуникативные тревоги. Для него было очень важно признание со стороны не только сверстников, но и в целом мужского сообщества. Пажи мечтали стать рыцарями. Простые мальчишки только во снах могли представить, как их посвящают в рыцари за их храбрость и верность. Нэнси Чодороу, исследуя общества прошлого, подчёркивал уродующее влияние на мужчин патриархата и его ценностей [2].

К такому же выводу приходит и В.М. Эйрд в своей работе «Несостоявшаяся маскулинность». Автор рассматривает сложные отношения между Вильгельмом Завоевателем и его старшим сыном — Робертом. Исследователь показывает, что сильный и властный авторитет Вильгельма Завоевателя у его мужского окружения во многом зависел от того, как у него получалось контролировать поведение своего старшего сына. У Роберта, в свою очередь, исключалась возможность добиться общественного признания своей самостоятельности в мужском сообществе. На основании разнообразных источников Эйрд делает вывод, что в среде англо-нормандской аристократии XI–XII вв. бытовал определённый жёсткий кодекс мужского поведения, в соответствии с которым, аристократические отпрыски не допускались долгое время к «атрибутам мужской зрелости», то есть до того периода пока старший в семье не сочтёт их готовыми к этому или не умрёт [3]. Неслучайно история средневекового общества знает множество примеров, когда сыновья желали смерти отца и даже пытались ускорить процесс её наступления. Таким образом, мы видим, что жертвами патриархальной системы становились не только женщины, но и все неполноценные маскулинности, а иногда и сами носители этих ценностей.

Конструктивистская теория (социально-психологическая и постмодернистская парадигмы). Считает маскулинность производной главным образом, а то и исключительно, от существующей в обществе системы гендерных ролей. Место имманентного «мужского характера» занимают исторически изменчивые «мужские роли».

Например, в средневековом обществе мужские (маскулинные) и женские (феминные) черты считались строго дихотомическими, взаимоисключающими, всякое отступление от них воспринималось как патология или девиация, которая наказывалась со стороны общества.

Проанализировав исторически сложившиеся в западноевропейской культуре образы маскулинности у молодых рыцарей, учёных и ремесленников, Рут Каррас [4] пришла к выводу, что во всех изученных группах конституирующим признаком мужской идентичности бы-

ли не отношения с женщинами, а именно ассоциации и связи с другими мужчинами из своей группы. Необходимым условием притязаний на мужской статус были превосходство и доминирование над другими мужчинами.

Таким образом, стоит отметить, что понимание гендерной иерархии общества или конкретной социальной группы (например, рыцарства), связано с изучением не отдельного типа маскулинности, а всей системы как целого, с учётом различных методологических подходов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ксенофонт Домострой [Электронный ресурс] Режим доступа: [http:// ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1348108000](http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1348108000) (Дата обращения: 12.05.2022).
2. Чодороу Н. Патриархальное наследие // Антология гендерной мысли. Санкт-Петербург, 2016. С. 45.
3. Masculinity in medieval Europe / Ed. By Hadley D.M. L.; N.Y., 1999. P. 132.
4. См.: Каррас Р. Образы маскулинности средневековья. Санкт-Петербург, 2018.

В. Н. ЕРОХИН

(г. Магадан, РФ)

Споры об отношении к протестантской власти
в английском католическом сообществе
в конце XVI – начале XVII века

После Реформации в Англии, в отличие протестантских стран на континенте, сохранилось католическое сообщество, ставшее основой для возрождения английского католицизма в середине XIX века. В английской католической традиции как спаситель постреформационной церкви Англии рассматривается католик-эмигрант Уильям Аллен (1532–1594), ставший архиепископом Малинским (Мехеленским), кардиналом, официальным главой английской католической церкви. В 1568 году по инициативе Уильяма Аллена в Лувене в Южных Нидерландах была открыта английская католическая семинария, которая должна была стать образовательным центром английского католицизма, готовившим кадры для служения в Англии. В 1573 году её первые выпускники были возведены в сан священника и в 1574 году отправлены в Англию. Английские эмигрантские католические семинарии впоследствии действовали в Дуэ (Реймсе), Риме, Вальядолиде, Мадриде, Сан-Лукаре в Испании. Подготовку католических духовных лиц вела также школа, готовившая к поступлению в семинарию в О (Eu) в Нормандии, а затем в Сент-Омере во Фландрии [1].

В 1587 году накануне вторжения в Англию «Непобедимой Армады» под давлением Испании папа Сикст V возвел Аллена в кардиналы [2], до конца жизни Аллен мрачно смотревшего на перспективы католицизма в Англии. Подпольное существование католиков на родине ему не нравилось, так что он считал необходимостью организацию вторжения в Англию и религиозного переворота в стране с опорой на помощь испанцев. Но в своих памфлетах Аллен писал, что долг католиков в Англии — терпеливо переносить правление королевы Елизаветы I Тюдор (1558–1603), воздерживаться от восстания и ожидать Божьего суда. В склонности к восстанию и убийству монарха Аллен обвинял протестантов, хотя сам он, как считают британские историки, отличался двойственностью в мышлении, которую не признавал, что побуждало английских протестантов считать католиков вероломными и нечестными.

В середине 1570-х годов среди англичан появились первые иезуиты, самыми известными из которых были Эдмунд Кэмптон (1540–1581), впоследствии арестованный и казненный властями, и Роберт Парсонс (1546–1610).

С начала 1580-х гг. со стороны английских католиков из среды землевладельческого джентри были случаи обращения к королеве с петицией о предоставлении им религиозных свобод с условием их политической верности короне и с уплатой ежегодной субсидии. Подобная петиция впоследствии появлялась также в 1604 году, но неизвестно, дошла ли она до Якова I. Податели петиций при этом даже не считали необходимым, чтобы с заявлением подобного рода выступили сами католические священники: по их мнению, было вполне достаточно, если от имени священников такое заявление сделают представители католического джентри, в чём историки видят свидетельства того, что католики-землевладельцы были вполне удовлетворены тем, что священники часто оказывались в материальной зависимости от них [3].

В английском католическом сообществе среди эмигрантов на континенте, а также и в Англии происходили внутренние конфликты. В 1594–1598 гг. из-за волнений в английском колледже в Риме ряд учащихся ушли в бенедиктинские монастыри Италии и Испании. В 1594 году в связи с тем, что находившийся в заключении английский иезуит Уильям Уэстон попытался ввести свод дисциплинарных норм для всех католиков из чёрного и белого духовенства, начался конфликт в тюрьме Уисбеч, в результате чего в 1598–1606 гг. в среде английских католиков развернулось дело апеллянтов — оппонентов иезуитов.

Возник спор о том, могут ли английские католики, в том числе и католики из числа светских лиц, находиться под властью иезуитов, поскольку в Англии было невозможно поддерживать обычную систему католической церковной дисциплины. Многие католики из числа джентри к концу XVI века вообще стали сопротивляться контролю со стороны священников, и порой считали их чуть ли не своими наёмными служащими, так как содержали духовных лиц на свои средства [4].

Иезуиты сознательно отвергали аскетическую традицию средневекового монашества и больше, чем представители белого духовенства, стали критиковать религиозную практику дореформационной католической церкви. К 1598 г. группа английских католических священников, которую стали называть апеллянтами, ставшими противниками иезуитов, составила воззвание (арреал) к папе с тем, чтобы он назначил английского епископа. Лидерами апеллянтов были Джон Маш и Джон Коллтон. Была составлена делегация в Рим, в которую власти разрешили включить несколько заключённых в тюрьмах католиков. Благодаря тому влиянию, которое имел в Риме Парсонс, эту делегацию послали во Францию, а для управления английской миссией папой был на-

значен Верховный священник (Archpriest), который должен был жить в Англии и управлять делами миссии с помощью двенадцати особых должностных лиц — старших священников. Верховным священником, который должен был действовать в согласии с иезуитами, был назначен Джордж Блэкуэлл.

Апеллянты считали Верховного священника орудием иезуитов, и добивались того, чтобы он в своих действиях чрезмерно не консультировался с иезуитами, так что к 1603 году авторитет и власть Верховного священника были минимальными.

Английские католики, которые должны были жить и выживать в Англии при протестантской власти, были против обращения эмигрантов и иезуитов за поддержкой к Испании, Габсбургам, против заговоров и интервенции в Англию, надеясь на определённую степень терпимости властей по отношению к ним. Политические позиции апеллянтов сводились в основном к отвержению вдохновляемых иезуитами экстремистских планов по выдвижению на английский престол после Елизаветы испанской инфанты, ненависти к власти Верховного священника, которого стремились контролировать иезуиты, и убеждению в том, что возможно частичное разделение между религиозными и политическими вопросами в жизни католического сообщества в Англии. Но большинство протестантских полемистов-современников думало, что этот спор в католической среде — тактическая уловка католиков с тем, чтобы добиться терпимости у властей хотя бы по отношению к одной группе католиков. Историки находят свидетельства того, что апеллянты были готовы на уступки протестантскому политическому режиму и были восприимчивы к протестантизму [5].

На появление апеллянтов оказали воздействие изменившиеся с начала 1590-х годов обстоятельства религиозной ситуации во Франции, когда французские католики были вынуждены подчиниться бывшему протестанту Генриху Наваррскому, ставшему французским королем Генрихом IV (1594–1610), охлаждение Испании в планах реставрации католицизма в Англии. Апеллянты восприняли новые идеи французских католиков: признание божественного права монарха на власть, непотворение светским властям, анти-иезуитизм, оппозиционность по отношению к папству, и даже, в определённой степени, носившее характер политического маневра согласие на мир с протестантами-еретиками. Апеллянтам разрешили выпускать в Лондоне свою печатную продукцию, в том числе на средства королевы Елизаветы, а их лидеры были выпущены из тюрьмы.

На стремление апеллянтов к веротерпимости повлиял также Нантский эдикт 1598 года. Апеллянты надеялись достичь с английским правительством соглашения примерно на таких условиях: белое католическое духовенство и его покровители в Англии получают воз-

возможность легально исповедовать свою веру в Англии (то есть им фактически будет предоставлена веротерпимость), английские же католики должны будут публично заявить о своей верности королеве и об отказе от политического сопротивления английским властям. Иезуиты же, как предполагалось, должны были быть удалены из Англии, поскольку они были неверны королеве и не отказывались от бунтов и заговоров, направленных против протестантского режима. Апеллянты считали, что иезуиты не хотят предоставления веротерпимости английским католикам, поскольку тогда иезуитам не удастся занять руководящее положение в английском католическом сообществе. Апеллянты также выступали против признания политической власти папы над английским католическим сообществом.

В дальнейшем большинство апеллянтов после Порохового заговора 1605 года отказались принять Клятву о королевском верховенстве, демонстрируя, что апеллянты не были просто политическими приспособленцами, в то время как враг апеллянтов Верховный священник Джордж Блэкуэлл не выдержал напряжения сложившейся ситуации и принёс эту клятву [6]. Апеллянты как духовные лица выступали, в сущности, за самостоятельную, но традиционалистски построенную католическую церковь, и политические цели не были для них проблемами первостепенной важности. Идеалом апеллянтов был стабильный, традиционный иерархический социальный порядок. Апеллянты были, в сущности, против вовлечения политических мотивов в религиозные дела и против того, чтобы иезуиты опирались на силы за рубежом [7].

Часть апеллянтов во главе с Уильямом Уотсоном пыталась воспользоваться ситуацией, чтобы достичь веротерпимости для английских католиков, путем выпуска памфлетов, пропагандировавших верность королеве, которая мягко обращалась с католиками. В 1602 году Уотсон предложил, чтобы апеллянты приносили клятву на верность английскому монарху. Но многие из них отвергли этот вариант, считая, что такая клятва поставит под сомнение их роль как священников, и только 13 человек из числа апеллянтов в 1603 году согласились дать такую клятву, в которой они сдержанно подтвердили свою политическую лояльность. Английские власти, к тому же, по-прежнему заявляли, что не потерпят легального существования в Англии двух вероисповеданий: протестантского и католического.

Современный британский историк А. Дюре придерживается мнения, что вопрос о верности государству в споре о Верховном священнике был второстепенным. В 1600 году, когда составлялся протест против решающей роли иезуитов в английской католической миссии, направленный в Рим, его подписали только 33 апелланта, заявление о лояльности английским властям 1603 года подписали только 13 человек, а

всего в Англии в это время было около 400 католических священников. Апеллянты оставались небольшой группой. Католическое джендри практически не было затронуто этим спором, а многие из числа английского белого духовенства были по-прежнему близки иезуитам, поскольку иезуиты были хорошо подготовленными, располагали финансовыми средствами, и контролировали значительную часть католической миссионерской организации в Англии.

Апеллянты после смерти королевы Елизаветы сблизились с той частью английского католического джендри, которая надеялась на достижение веротерпимости, и по-прежнему конфликтовали с иезуитами. За несколькими исключениями, апеллянты были не готовы стать до такой степени лояльными протестантскому режиму, чтобы признать возможность вмешательства властей во внутреннюю организацию английских католиков в стране — лояльность католиков сводилась к признанию политической власти английского монарха и обещанию не вести против королевской власти политическую борьбу [8].

Все апеллянты в более или менее ярко выраженной степени придерживались в своих взглядах четырех пунктов, которые, как они считали, выражали истинный идеал церкви Англии. Во-первых, они придерживались мнения о преемственности церкви Англии: для них по-прежнему существовала истинная церковь Англии, поэтому они подчеркивали, что Англию не следует рассматривать как «чистую доску» для миссионерской деятельности.

Вторым пунктом во взглядах апеллянтов было рьяное стремление к подчёркиванию иерархического характера организации церкви и церковной жизни, что граничило у них порой с одержимостью: апеллянты представляли себя своего рода церковной аристократией.

Третьим пунктом взглядов апеллянтов было последовательное отрицание одной из самых характерных черт контрреформационной католической церкви — использования ею, наряду с традиционными, новых организационных форм воздействия на общество. В соответствии с их мнением, самым подходящим местом для деятельности, которую называют религиозной, был монастырь, а все светские дела церкви должны были вести представители белого духовенства. Такой подход был заострённо направлен против иезуитов, но фактически подразумевал и нечто большее — стремление к традиционализму.

Четвёртый важнейший пункт во взглядах апеллянтов состоял в том, что они были убеждены, что порядок и беспорядок в жизни церкви — это единые понятия для всех христианских церквей, поэтому их в одинаковой мере должны придерживаться и католики, и протестанты, по крайней мере, в Англии. Среди англиканского духовенства апеллянтам были близки лица с антипуританскими взглядами. Апеллянты усматривали родство и общность в происхождении между нападками на церковные порядки со стороны пуритан и деятельностью иезуитов, ко-

торые тоже ставили под сомнение авторитет иерархии и традиционное устройство католической церкви. Целью апеллянтов в организационном отношении было установление епископальной иерархии с ординарной юрисдикцией с выборностью и преемственностью в её функционировании [9].

На рубеже XVI–XVII вв. наиболее глубоко мыслящие католики в Англии понимали, что их сообщество находится в беспорядочном состоянии, лишено центральной власти, резко расколото, и является объектом насмешек со стороны должностных лиц в Риме и со стороны протестантских властей в стране [10]. Католицизм в Англии в XVII–XVIII вв. сохранился, в значительной мере, благодаря тому, что приверженность католической вере сохраняла часть дворянства, оказывавшая материальную поддержку священникам и укрывавшая их от преследований властей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Aveling J. C. H. *The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation*. London, 1976. P. 57–58.
2. McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I*. London, 1967. P. 199.
3. Bossy J. *The English Catholic Community, 1570–1850*. London, 1975. P. 37–38.
4. Aveling J. C. H. *Op. cit.* P. 68.
5. Questier M. *Conversion, Politics and Religion in England, 1580–1625*. Cambridge, 1996. P. 52–54.
6. Holmes P. *Resistance and Compromise. The Political Thought of Elizabethan Catholics*. Cambridge University Press, 1982. P. 190–199, 204.
7. Pritchard A. *Catholic Loyalty in Elizabethan England*. Chapel Hill, 1979. P. 205.
8. Dures A. *English Catholicism, 1558–1642*. Harlow, Essex, 1983. P. 38.
9. Bossy J. *Op. cit.* P. 42, 46.
10. Aveling J. C. H. *Op. cit.* P. 71.

В. В. НАЗАРОВА,
С. В. НАЗАРОВ

(г. Армавир, РФ)

«Женомика» в современной Японии: проблемы и перспективы

Современная цивилизация сталкивается с многочисленными проблемами и вызовами. Демографическая яма в развитых странах и эмансипация женщин заставляют исследователей, политиков и общество в целом изменить своё отношение к женскому ресурсу.

Современная Япония — это динамичная страна с высоким уровнем жизни. Но при этом никто не отменяет тот факт, что это восточное государство со всей спецификой и глубинным традиционализмом. В связи с этим возникает вопрос о роли современной японской женщины. Как симбиоз традиционного и нового нашёл отражение в её положении и образе?

Многие современные исследователи считают, что в японском обществе женский ресурс до конца не оценён. Несмотря на рост экономической, политической и социальной активности японок, весь возможный потенциал этой группы населения так и не раскрыт [1].

Старение нации для Японии представляют большие риски. Численность населения старше 60 лет неуклонно растёт (стоит отметить, что в среднем пенсионный возраст японок 64–65 лет), в то время как население трудоспособного возраста сокращается. Статистика даёт довольно неутешительные прогнозы: сокращение рождаемости, рост малодетных и бездетных семей, увеличение смертности в условиях пандемии приводят к снижению ВВП и ВНП (с 2020 по 2050 г. национальный доход Японии может упасть почти на 1,5 %), темпов экономического развития и другим негативным последствиям [2].

Трагически погибший бывший премьер-министр Синдзо Абэ ещё в 2012 г. объявил программу модернизации экономики страны («абэномика»). В основе «перезапуска японской экономики» лежали три принципа: налогово-бюджетное стимулирование; стимулирующая денежно-кредитная политика; пакет структурных реформ с целью повышения производительности труда в Японии [3]. Этот пакет включал в том числе теорию «женомики», то есть мероприятия, направленные на повышение экономической активности женщин [4]. Предлагалось разработать систему поощрений работодателей, которые будут привле-

кать к работе женщин (субсидии, налоговые льготы, особенно тем, кто на руководящую должность поставит хотя бы одну женщину).

Включенность японок в экономическую сферу на новом уровне впервые была выдвинута в 1999 г. Кэти Мацуи, стратегом Goldman Sachs in Japan, которая ввела термин «женомика» [5]. Мацуи и её коллеги продолжили свои исследования о роли женщин в рабочей силе Японии. Они показывали потенциальные экономические выгоды от большей включенности японок в рабочую силу страны. Исследовательницы выработали политические рекомендации по привлечению женщин в экономическую сферу.

Суть «женомики» можно свести к стратегии убеждения японских женщин присоединиться к рабочей силе, остаться на работе после рождения детей и продвигаться выше по карьерной лестнице.

Гендерный разрыв в экономической сфере в Японии является одним из самых больших среди стран с высоким уровнем дохода, и некоторые экономисты в течение многих лет утверждали, что сокращение этого разрыва является потенциальным источником экономического роста Японии.

Что препятствует экономической активности современных японок? Среди этих факторов можно назвать:

- японскую культуру и отводящую женщине роль в ней;
- корпоративные обычаи, в соответствии с которыми понятие «верный» работник ассоциируются с мужчинами, и в свою очередь только непрерывная работа открывает возможность для карьерного роста;
- традиционные верования, легитимизирующие гендерные роли в японском обществе и т. д. [6].

Все отмеченные факторы создают серьёзные проблемы для успеха проведения политики «женомики». Чтобы включить женский ресурс в экономическую структуру страны, потребуется перестройка многих сторон общества.

Согласно отчёту Всемирного экономического форума о глобальном гендерном неравенстве за 2013 г., по участию женщин в рабочей силе страны Япония занимала 105-е место из 135 стран (только 63% женщин в Японии участвовали в рабочей силе, по сравнению с 85% мужчин, что является одним из самых низких показателей для женщин среди Организации экономического сотрудничества и Развития (ОЭСР)). Серьёзная диспропорция наблюдается и в оплате труда (как было уже отмечено, карьера и уровень заработной платы на прямую зависят от несменяемости работы и срока трудового стажа). В этом же отчёте отмечалось, что самый небольшой разрыв был в области здравоохранения и образования. Также была и остаётся слабая представленность женщин на должностях высокого уровня. Женщины занима-

ют 9% законодательных должностей, высокопоставленных чиновников и менеджеров. По этим показателям, Япония занимала 106-е место в мире [7]. С 2013 г. ситуация сильно не изменилась.

Характерной чертой женского труда в Японии можно назвать тенденцию японок уходить с работы после рождения ребёнка. Когда у женщин в Японии рождается первый ребенок, 70% из них прекращают работать на десять или более лет, в то время как в Соединенных Штатах подобная ситуация наблюдается в 30% случаев [8].

Японское общество традиционно ассоциирует воспитание ребёнка с матерью. Понятие «хорошая мать» подразумевает, что японка после рождения ребёнка должна всё своё время посвятить ему. Естественно, эта желаемая модель поведения вступает в противоречие с работой и карьерой. Даже если учитывать, что в среднем первый ребёнок появляется после 30 лет, перерыв работы в 10 лет приводит к тому, что вернуться в трудовую деятельность после 40 лет становится трудным шагом, в том числе и психологическим. За период ухода за ребёнком, японки теряют опыт работы, не могут быть конкурентноспособными на рынке труда, да и кардинальная смена образа жизни (от домохозяйки к работнику фирмы) пугает многих женщин. В результате страна теряет «человеческий капитал».

Одним из выходов японское общество видит развитие системы дистанционной работы, когда женщины могут совмещать работу и уход за ребёнком. В условиях ковида данный подход подтвердил свою эффективность.

Ещё одним путём по вовлечению женщин может стать развитие в Японии сети детских учреждений. Повышение доступности заведений дневного ухода за детьми, в том числе и для школьников, где они бы делали уроки и у них был бы организованный досуг. Таких частных заведений в Японии сильно не хватает. Многие семьи стоят в списках ожидания несмотря на то, что услуги чаще всего платные. Правительство пообещало к 2017 г. реализовать проект «нулевой очереди на уход за детьми». С 2014 г. по 2017 г. действительно увеличилось количество разнообразных детских центров. Государство выделяло землю под аренду таких заведений, выделяло субсидии небольшим заведениям, также упрощалась система регистрации центров по уходу за детьми, в том числе центров для детей начальной школы. В Японии есть выражение «се-ичи но кабе» или «стена первого класса», которое относится к нехватке мест, где дети школьного возраста могли бы проводить время после занятий в школе. Как мы видим, проблему на данный момент полностью решить не удалось. Да, ситуация существенно улучшилась, но нехватка и в 2020-х гг. центров ухода за детьми существенно тормозит процесс привлечения женского трудового ресурса. Следовательно проект по расширению сети детских заведений необходимо не только продлевать, но и расширять,

находя новые формы поддержки. К тому же в этих центрах, женщины могут найти своё применение.

Внутренние ограничения, накладываемые традиционной женской ролью, оказывают заметное влияние на поведение японок, решившихся проникнуть в сферу экономики. Большинство из них вовсе не хотят и не пытаются устраиваться на традиционные «мужские» работы. Женщины часто лучше чувствуют себя на «женской» работе, с которой они более знакомы и к которой они лучше подготовлены. Статистические исследования также показывают, что женщины ожидают негативных последствий для своих взаимоотношений с людьми в том случае, если они будут заниматься «неженским делом», кроме того, как мужчины, так и женщины считают, будто «мужская» профессия лишает женщину ореола романтичности и делает её менее привлекательной. Помимо этого, в качестве другой причины избегания «мужских работ» японки называют боязнь неприятия психологической обстановки, которая может возникнуть в мужском коллективе: их игнорируют, их профессиональные навыки недооценивают, их ошибки преувеличиваются и т. д.

В XXI в. сохраняется и гендерная дискриминация в системе оплаты труда. Согласно тому же отчёту за 2013 г., женщины в Японии зарабатывали в среднем 22 727 долларов, в то время как заработная плата мужчин составляла более чем 40 000 долларов. Частично этот разрыв можно объяснить концентрацией женщин в низкооплачиваемых профессиях. Однако исследователи провели межнациональный опрос, согласно которому, Япония занимала 87-е место по величине разрыва в оплате труда мужчин и женщин, в том числе и за аналогичную работу [9].

Таким образом, мы можем констатировать, что в современной Японии сохраняются многие проблемы, связанные с гендерной дискриминацией. Несмотря на объявленную политику «женомики», включение женского ресурса в японскую экономику проходит тяжёлый путь, сталкиваясь с многими стереотипами и пережитками. Японская женщина сама во многом поддерживает гендерное разделение профессий на мужские и женские. Это положение усугубляется тем, что работодатель также зачастую судит о способностях кандидата, основываясь на своих убеждениях в том, что мужчины и женщины обладают разными свойствами, а это в свою очередь ограничивает процесс феминизации «мужских профессий». Но, тем не менее, изменения в экономической структуре Японии неизбежны. В связи с этим предприниматели начинают менять систему занятости, стремясь сформировать так называемое общество наёмных работников «без возраста» и «без пола». Постепенно при найме приоритет начинает отдаваться индивидуальным достоинствам претендента, без различия возраста, пола и прочих характеристик. Однако процесс этот идёт достаточно медленно в

силу рассмотренных выше факторов, поэтому и в начале третьего тысячелетия японки, желающие делать карьеру в фирме, часто встречаются с явлением «стеклянного потолка». Эта метафора выражает тот факт, что во многих организациях (и не только в Японии, это характерно почти для всех стран) существует как бы невидимый потолок, выше которого женщины не могут продвигаться.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Polyák Eszter Womenomics — Women at the Japanese labour market. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.geopolitika.hu/en/2018/02/13/womenomics-women-at-the-japanese-labour-market/> (дата обращения: 05.12.2022).
2. О гендерных проблемах современной Японии см.: Women and Men in Japan 2017. Gender Equality Bureau Cabinet Office. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gender.go.jp/english_contents/pr_act/pub/pamphlet/women-and-men17/index.html (дата обращения: 02.12.2022); Japan Retirement Age — Women [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tradingeconomics.com/japan/retirement-age-women> (дата обращения: 08.12.2022).
3. About Abenomics. The Government of Japan. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.japan.go.jp/abenomics/> (дата обращения: 01.12.2022).
4. Address by Prime Minister Shinzo Abe, at The Sixty-Eighth Session of The General Assembly of The United Nations. Prime Minister of Japan and His Cabinet. 26.09.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201309/26generaldebate_e.html. (дата обращения: 01.12.2022).
5. Kathy Matsui et al., “Womenomics 4.0: Time to Walk the Talk,” Goldman Sachs, May 30, 2014, <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/investing-in-women/womenomics4-folder/womenomics4-time-to-talk-the-talk.pdf>
6. Chanlett-Avery Emma, Nelson Rebecca M. «Womenomics» in Japan: In Brief (August 1, 2014). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sgp.fas.org/crs/row/R43668.pdf> (дата обращения: 06.12.2022).
7. The Global Gender Gap Report 2013, World Economic Forum, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2013> (дата обращения: 07.12.2022); Closing the Gender Gap in Japan, World Economic Forum in collaboration with McKinsey & Company, June 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.weforum.org/reports/closing-gender-gap-japan> (дата обращения: 07.12.2022).
8. Japanese Women and Work: Holding Back Half the Nation, Economist, March 29, 2014, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economist.com/news/briefing/21599763-womens-lowly-status-japanese-workplace-has-barely-improved-decades-and-country>. (дата обращения: 10.12.2022).
9. Chanlett-Avery Emma, Nelson Rebecca M. «Womenomics» in Japan: In Brief (August 1, 2014). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sgp.fas.org/crs/row/R43668.pdf> (дата обращения: 06.12.2022).

ПО СТРАНИЦАМ СВЕРШЕННОГО

(о работе Школы В.Б. Виноградова в 2013–2023 гг.)

В помещаемых ниже материалах приводятся выдержки из отчетных выступлений и публикаций, освещавших деятельность Кавказоведческой Школы в период после ухода из жизни ее основателя В.Б. Виноградова.

Подводя некоторые итоги, определяя перспективы
(воспоминания о будущем) (2013–2018)

В 2013 г. научно-педагогическая Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова отметила свое 50-летие. Основные итоги её работы за полвека были подведены в специальном томе, в котором были освещены как основные научные проекты и идеи Школы, так и персоналии её состава, с обозначением основных личных достижений, в том числе, публикаций: Кавказоведческая Школа В. Б. Виноградова. 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и библиографических материалов / под ред. С.Л. Дударева. Армавир; Ставрополь: Дизайн-Студия Б, 2013. 720 с.

С тех пор прошло 5 лет. В этот отрезок времени были проведены очередные семинары Школы, с изданием их материалов [19–22].

Особо отметим, что 21 семинар был посвящен 100-летию двух русских революций и состоялся накануне 100-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

В 2015 и 2018 г. впервые были проведены две международные научно-практические конференции мемориального характера, посвященные памяти основателя Школы доктора исторических наук, профессора Виталия Борисовича Виноградова, материалы которых изданы (Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (11 апреля 2015 г.). Армавир: Дизайн студия Б, 2015. 308 с.; II Виноградовские чтения // Материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПУ, 7 апреля 2018 г.). Армавир: Дизайн студия Б, 2018. 224 с.; ил.).

В указанных семинарах и конференциях приняли участие академические и вузовские учёные, работники музеев, аспиранты, магист-

ранты, студенты представляющие Российскую Федерацию, в том числе, различные регионы Северного Кавказа — Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область, республики Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, РСО – Аланию и Дагестан: гг. Армавир, Москву, Санкт-Петербург, Казань, Самару, Белгород, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Краснодар, Горячий Ключ, Ставрополь, Майкоп, Пятигорск, Ессентуки, Нальчик, Кисловодск, Владикавказ, Махачкалу, Кизляр, Сочи и др., а также представители стран ближнего (Белоруссия, Армения, Абхазия, Украина) и дальнего (Франция, Италия, Венгрия, Словакия).

Кавказоведческой Школой, как и прежде, ведется активная издательская деятельность. Особо отметим, что как материалы семинаров Школы, так и ряд других изданий выходят в новом научном сериале коллектива — «Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова». С учетом сборника настоящего семинара их вышло в свет 10 выпусков. Среди них можно такие, как:

- Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 1. Пятигорск, 2016. 99 с.

На заседании 20 семинара Кавказоведческой Школы.

- Дударев С.Л. Статьи и заметки по истории // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 2. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. 140 с.
- Библиография научных, научно- и учебно-методических работ доктора исторических наук, профессора Сергея Леонидовича Дударева // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 3. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. 74 с.
- Библиография научных работ Владимира Александровича Захарова. К 70-летию со дня рождения и 50-летию научной и общественной деятельности // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 4. Москва: Издательство Русская панорама. 2016. 112 с.
- Дударев С.Л. Об одном примере западного взгляда на историю интеграции Северного Кавказа в состав России // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 5. Армавир, 2016. 31 с.
- Российский Северный Кавказ: проблемы формирования, ма-

- териалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 19 семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Армавир-Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. 124 с. [1].
- Российский Северный Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории XVIII-начала XXI в. Доклады и сообщения 20 межрегионального семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 6. Армавир, 2017. 92 с.
 - Хлудова Л.Н. Северный Кавказ: новая окраина глазами российских и зарубежных художников (конец XVIII – 60 годы XIX в.) // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 7. Монография. Армавир: РИО АГПУ, 2017. 220 с.
 - Российский Северный Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории XVIII – начала XXI века, материалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 21 межрегионального семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 8. Армавир, 2017. 88 с.
 - Клычников Ю.Ю. Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 9. Пятигорск: ПГУ, 2018. 108 с.
 - Российский Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории, материалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 22 международного семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 10. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2018. 184 с.

Членами Кавказоведческой Школы и тесно сотрудничающими с ней учёными выпускаются сериалы книг, монографий, ежегодных научных сборников. Среди них нужно особо выделить Ю.Ю. Клычкова [2], Н.Н. Великую, С.А. Голованову, Т.Н. Нераденко, В.А. Матвеева, В.А. Захарова, Б.В. Виноградова, С.Н. Савенко [3], С.Н. Ктиторова [4].

Под редакцией И.И. Басова, А.Л. Пелиха, Ю.В. Приймака был выпущен сборник «Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа // Материалы 21 межрегиональной научно-практической конференции». Армавир, 2016. 93 с.

Под редакцией А.А. Цыбулькиной опубликованы сборники (10 и 11) [5] материалов международной Кубанско-Терской научно-практической конференции, традиционной проводимой в г. Армавире администрацией г. Армавира, Краснодарским краевым общественным Фондом культуры кубанского казачества «Линеец», Лабинским отделом Кубанского казачьего войска и АГПУ по инициативе, начатой В.Б. Виноградовым и С.Н. Лукашом свыше 20-ти лет назад.

В 2014 и 2016 г. единогласно защитили кандидатские диссертации Е.В. Великая («Интеграция Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи в первой половине XIX в.») и Д.С. Дударев («Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины XIX века») под научным руководством профессоров С.А. Головановой и Н.Н. Великой в диссертационном совете по истории при ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Члены коллектива Кавказоведческой Школы активно участвуют в разработках по грантам, продолжая традиции, начатые ещё 12 лет назад. Особо выделим гранты Российского фонда фундаментальных исследований (ранее Российский гуманитарный научный фонд) совместно с Министерством образования, науки и молодежной политики Краснодарского края. За это время было поддержано 12 проектов под руководством 5-ти членов школы (Б.В. Виноградов, С.Л. Дударев, С.Н. Ктитор, А.Л. Пелих, Л.Н. Хлудова), при этом в качестве соисполнителей привлекались Н.Н. Великая, С.А. Голованова, С.Л. Дударев, Ю.В. Приймак, О.В. Ктитор, А.А. Цыбулькина.

Тематика поддержанных грантами исследований лежит в области археологии, этнополитических, социокультурных процессов на Северо-Западном Кавказе, истории локальных сообществ региона и проблем их интеграции в состав Российского государства [6].

Отдельно отметим госзадание, финансируемое Минобрнауки РФ (проект № 944 «Этнолокальные сообщества в поликультурном пространстве России: проблемы универсализма и идентичности»). В 2015 г. по нему состоялся выпуск монографии «Этно-конфессиональная ситуация на Северном Кавказе в контексте интеграции региона в состав России (конец XVIII – начало XXI в.)» (Армавир, 2015. 262 с.). Это госзадание, как и ранее проект по этнической толерантности были инициированы ректором АГПУ профессором А.Р. Галустовым*.

Серьезным достижением Школы является регистрация Базы данных научных работ коллектива 9 июня 2017 г. в Реестре баз данных с выдачей соответствующего сертификата [7].

Важным событием было создание в 2017 г. сайта «Российский Кавказ» (roskav.ru) (администратор А.А. Цыбулькина), совершившееся

* А.Р. Галустов являлся ректором нашего вуза в 2010–2022 гг.

при поддержке издательства «Кавказский край» (г. Пятигорск). Разнообразные размещаемые там материалы: кавказоведческие монографии, статьи, материалы по гендерной истории, объявления о важных событиях в научной, общественной и культурной жизни региона, имеющих причастие к изучению исторического прошлого и воспитанию подрастающих поколений, видеоматериалы просветительского характера и т.п. говорят о том, что сайт постепенно становится серьёзным органом популяризации, прежде всего, позитивного опыта взаимоотношений народов Северного Кавказа между собой и народами Большой России, истории непростой и нелегкой интеграции северокавказцев в российские структуры.

Члены коллектива Школы ведут успешную работу по привлечению на исторический факультет АГПУ новых студентов. Она умело и профессионально организована деканом факультета профессором Ю.В. Приймаком и завкафедрой всеобщей и отечественной историей доцентом И.И. Басовым*. Это залог будущего успешного развития как истфака АГПУ в целом, так и ядра Кавказоведческой школы, локализуемого в нашем вузе.

* И.И. Басов — завкафедрой ВиОИ АГПУ в 2016-2022 гг.

На заседании 21 семинара Кавказоведческой Школы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Этот выпуск еще не входил в сериал «Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова».
2. Ю.Ю. Клычников — один из организаторов региональной научной конференции «Российская государственность в судьбах народов Кавказа» и ответственный редактор её сборников. Конференция в апреле 2019 г. будет проводиться в 11-й раз.
3. С рядом новейших монографий этих учёных, увидевших свет в гг. Армавире, Москве, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Казани, можно ознакомиться на сайте goskav.ru.
4. Ктиоров С.Н. Объекты культурного наследия народов Кубани в исторической среде города Армавира. Армавир, 2016. 380 с.
5. На сегодняшний день — уже четыре сборника Кубанско-Терской научно-практической конференции выпущены под редакцией А.А. Цыбулькиной (Ред.).
6. Подробнее см.: Лоба В.Е., Маллакурбанов А.А., Хлудова Л.Н. Анализ грантовой активности Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова 2005–2017 гг. См. С. 138–140 настоящего сборника.
7. Инф. см.: База данных научных работ Кавказоведческой Школы // Российский Северный Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории XVIII – начала XXI века, материалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 21 межрегионального семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 8. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. С. 72–73.

См.: Подводя некоторые итоги, определяя перспективы (Воспоминания о будущем) // Российский Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории, материалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 22 международного семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 10. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2018. С. 158–161.

Анализ грантовой активности Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова в 2005–2017 гг.

В соответствии с 3 частью статьи 97 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» «мониторинг системы образования представляет собой систематическое стандартизированное наблюдение за состоянием образования и динамикой изменений его результатов, условиями осуществления образовательной деятельности, контингентом обучающихся, учебными и внеучебными достижениями обучающихся, профессиональными достижениями выпускников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, состоянием сети организаций, осуществляющих образовательную деятельность» [1]. Порядок осуществления мониторинга системы образования, а также перечень обязательной информации, подлежащей мониторингу, установлен Постановлением Правительства РФ от 5 августа 2013 г. № 662, в котором выделен перечень обязательной информации о системе образования, подлежащей мониторингу. Важным показателем в сведениях о развитии высшего образования является научная и творческая деятельность образовательных организаций [2]. В данный показатель входят следующие два значимых критерия: «Общий объем научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (далее — НИОКР)» и «Объем НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника».

Во исполнение законодательства об образовании, главным направлением реализации плана стратегического развития в Армавирском государственном педагогическом университете является привлечение внешнего финансирования.

Из года в год проекты членов Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова, преподавателей ФГБОУ ВО АГПУ, поддерживаются грантами Российского фонда фундаментальных исследований (ранее Российский гуманитарный научный фонд) совместно с Министерством образования, науки и молодежной политики Краснодарского края [3, 4].

Название проекта	Руководитель
2006	
Металлическое производство на Северо-Западном Кавказе в эпоху поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.)	Пелих Алексей Леонидович
2007	
Металлическое производство на Северо-Западном Кавказе в эпоху поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.)	Пелих Алексей Леонидович

Название проекта	Руководитель
2008	
Формирование городской инфраструктуры Предкавказья во второй половине XIX – начале XX века	Ктиторов Сергей Николаевич
Научное мероприятие «Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы».	Дударев Сергей Леонидович
В период с 2011 по 2013 гг. региональный конкурс не объявлялся, следствием этого является резкое сокращение проектов.	
2014	
Локальные этнические сообщества города как фактор формирования поликультурного пространства Российского государства: проблемы адаптации и идентичности (региональный контекст)	Ктиторов Сергей Николаевич
2015	
Формирование российской культурно-образовательной сферы в сообществе народов Северо-Западного Кавказа как фактор и результат интеграционного процесса XIX – начала XX в.	Ктиторов Сергей Николаевич
«Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.)»	Виноградов Борис Витальевич
«Содержательно-технологическое обеспечение изучения истории религий Кубани в средней и высшей школе»	Пелих Алексей Леонидович
2016	
Северо-Западный Кавказ: новая окраина глазами российских и зарубежных художников (конец XVII – 60-е гг. XIX в.)»	Хлудова Людмила Николаевна
Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.)»	Виноградов Борис Витальевич
Потенциал историко-культурного наследия народов Кубани как фактор укрепления и развития кросскультурной коммуникации в региональном социуме»	Ктиторов Сергей Николаевич
2017	
Политические и социокультурные процессы формирования северокавказской и причерноморской окраин России (конец XVII в. – 1783 г.)»	Виноградов Борис Витальевич
Субэтническое сообщество черкесо-гаев (черкесских армян): историко-культурное развитие в контексте интеграции в социальное пространство Российского государства (конец XVIII – начало XX в.)»	Ктиторов Сергей Николаевич
«Северо-Западный Кавказ: новая окраина глазами российских и зарубежных художников (конец XVII – 60-е гг. XIX в.)»	Хлудова Людмила Николаевна

Таким образом, за 12 лет было поддержано 12 проектов под руководством 5-ти членов школы, при этом в качестве соисполнителей привлекались Н.Н. Великая, С.А. Голованова, С.Л. Дударев, Ю.В. Приймак, О.В. Ктиторова, А.А. Цыбульникова т. е. все члены коллектива школы, преподаватели ФГБОУ ВО АГПУ. За последние три года выросло как число заявок в РГНФ от членов школы, так и количество поддержанных проектов. Тематика поддержанных грантами исследований лежит в области археологии, этнополитических, социокультурных процессов на Северо-Западном Кавказе, истории локальных сообществ региона и проблем их интеграции в состав Российского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об образовании в Российской Федерации».
2. Постановление Правительства РФ от 05.08.2013 N 662 «Об осуществлении мониторинга системы образования» (вместе с «Правилами осуществления мониторинга системы образования»).
3. Пелих А.Л. О финансируемых из внешних источников научно-исследовательских проектах кафедры всеобщей и региональной истории и ее предшественниц, кафедр РСИД и всеобщей истории, в 2005–2009 гг. Лики российскости. Материалы научно-педагогических семинаров Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. 2009–2010 гг. (семинары №14, 15). Армавир, 2010. С. 46–54.
4. Пелих А.Л. Научная работа в АГПИ-АГПУ на рубеже веков (1990–2000-е гг.). Социокультурные трансформации в России: исторический опыт, проблемы, перспективы: Материалы научно-практической конференции (г. Армавир, 3–4 октября 2008 г.). Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2009. С. 6.

См.: В.Е. Лоба, А.А. Маллакурбанов, Л.Н. Хлудова. Анализ грантовой активности Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова 2005–2017 гг. // Виноградовские чтения // Материалы II Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПУ, 7 апреля 2018 г.). Армавир: Дизайн студия Б, 2018. 224 с., ил.

Краткая информация о работе научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова за 2019 год (ко Дню российской науки)

Кавказоведческая Школа, которая в 2023 г. отметит свое 60-летие, состоит не только из преподавателей АГПУ. Это российская межрегиональная научно-педагогическая Школа с международным участием. В ее составе 18 человек из гг. Армавира, Москвы, Краснодара, Ростова-на-Дону, Губкина (Белгородская область), Владикавказа, Махачкалы, а также Черкасс (Украина), из которых двое являются почетными членами, поскольку находятся уже на пенсии — профессора Н.Н. Великая и С.А. Голованова. Из 16 активных членов — половина — преподавате-

На заседании 23 семинара Кавказоведческой Школы.

ли истфака АГПУ. В рамках Школы ежегодно проходит научный семинар (за армавирский период ее работы состоялось 23 семинара). В качестве печатного органа Кавказоведческой Школы с 2016 г. издаются ее «Известия», выдержавшие 13 выпусков. В составе редколлегии и рецензентов «Известий», а также приглашенных авторов — профессора и доктора наук из ведущих российских вузов и научных учреждений, участники из ближнего и дальнего зарубежья, в том числе, профессор из Оксфорда (Г.Р. *Цецхладзе*), а также два члена экспертного совета ВАК РФ по истории (д.и.н., профессора С.С. Казаров (ЮФУ) и М.Е. Колесникова (СКФУ) что указывает на уровень признания Школы в научном сообществе.

В 2019 г. членами Школы опубликованы 3 статьи Web of Science и Scopus, 18 ВАКовских статей, более 20 публикаций в РИНЦ, сделано около 50 выступлений на конференциях различного уровня, фестивалях, форумах и т.д. В 2018–2019 гг. издано 9 книг и монографий объемом более 100 п.л. (Б.В. Виноградов, С.Л. Дударев, Н.М. Еремин, Ю.Ю. Клычников, С.Н. Ктиоров, В.А. Матвеев, Ю.В. Приймак) [1].

На базе Школы издательством «Кавказский край» (г. Пятигорск) создан Интернет-сайт «Российский Кавказ» (администратор А. А. Цыбульникова). Этот ресурс становится все более заметным в плане научной, просветительской и воспитательной работы в регионе — за прошедший год его посетили 12 тыс. чел. Объем привлеченных средств представителями армавирской части Школы — 1 095 000 р. — нуждается в наращивании в соответствии с предъявляемыми требованиями. Наконец, следует сказать о поощрениях, которых были удостоены члены коллектива. Доценту С.Н. Ктиорову вручены Благодарности главы

администрации Краснодарского края В.И. Кондратьева и главы города Армавира А.Ю. Харченко. Сочинение-эссе преподавателя из г. Губкина Н.М. Еремина «Лермонтов в моей жизни» было представлено на Всероссийский творческий конкурс, посвящённый 205-летию со дня рождения поэта и удостоено Диплома за 1-ое место в номинации «Творческие и методические разработки». Учитель истории гимназии № 40 г. Краснодара Н.С. Степаненко, выпускник истфака АГПУ, вошел в городской суперфинал конкурса «Учитель года г. Краснодара 2020».

В 2022 году исполнится 30 лет работы Школы в Армавире. Готовясь к этой и другим знаковым датам, и, конечно же, 100-летию юбилею нашего вуза, Школа надеется отметить их хорошими результатами в своей работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов Б.В., Дударев С.Л., Приймак Ю.В. Очерки истории формирования северокавказской и причерноморской окраины России в конце XVII – 1783 г. Армавир: Дизайн-студия Б, 2019. 210 с.
2. Еремин Н.М. Кавказский фронтир. LAP Lambert Academic Publishing RU, 2018. 213 с.
3. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа / под редакцией В.П. Ермакова. Пятигорск: ПГУ, 2018. 84 с.
4. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев / под редакцией В.П. Ермакова. Пятигорск: ПГУ, 2019. 90 с.
5. Клычников Ю.Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов. Пятигорск: ПГУ, 2019. 277.
6. Матвеев В.А. Русская оседлость на Кавказе: особенности формирования во второй половине XVIII – начале XX в. Ростов-на-Дону; Таганрог: изд-во Южного федерального университета, 2018. 240 с.
7. Матвеев В.А. Русская оседлость на Кавказе: особенности формирования во второй половине XVIII – начале XX в.: монография. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2019. 340 с.
8. Боглачев С.В., Савенко С.Н., Кисловодск — город Солнца. Пятигорск: Снег, 2018. 329 с.
9. Ктиторов С.Н. Памятные даты истории Армавира: юбилейные даты 2019 года (к 180-летию со дня основания города). Армавир, 2019. 123 с.

*Руководитель Школы, доктор исторических наук,
профессор С.Л. Дударев
(Из справки для научного отдела АГПУ)*

О работе Кавказоведческой Школы в 2021 – первой половине 2022 года

Коллектив научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова (далее КШВ) на протяжении многих лет является межрегиональным и разрабатывает вопросы региональной истории и археологии Северного Кавказа. В его состав входят как представители северокавказского региона (гг. Армавир, Краснодар, Ростов-на-Дону, Пятигорск, Нальчик, Владикавказ, Махачкала), так и Центра (гг. Москва, Губкин), а также ближнего зарубежья (гг. Киев и Черкассы, Украи-

на), куда выходцы из Школы уехали трудиться еще в 1980-е гг., и с тех пор долгие годы не порывали связей со своей, по сути дела, Alma mater.

К числу главных направлений работы коллектива традиционно принадлежит публикационная деятельность. Она включает в себя издание монографий, книг и сборников семинара Школы, научно- и учебно-методических пособий, а также участие в сборниках научных конференций, проходящих в стране и за рубежом (как очно, в том числе On line, так и заочно). Вышли монографии С.Б. Буркова (один из соавторов — член Школы к.и.н. С.Н. Савенко), д.и.н., профессора Н.Н. Гаруновой (личная и в соавторстве), д.и.н., профессора Ю.Ю. Клычникова (в соавторстве), д.и.н., профессора В.А. Матвеева, и книга д.и.н., профессора Ю.В. Приймака (всего 6), увидевшие свет в Армавире, Москве, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Волгограде, Махачкале. В начале 2022 г. был напечатан сборник 24 семинара Школы, посвященный 30-летию ее работы в г. Армавире. который, как принято в последние 6 лет, был размещен в 14 выпуске «Известий научно-педагогической Школы В.Б. Виноградова» (учреждены в 2016 г.). Еще один жанр обобщающих публикаций — это юбилейные сборники статей. Оба они связаны со знаковыми датами в жизни д.и.н., профессора С.Л. Дударева — 70-летием со дня рождения (сборник работ коллег — археологов и историков России, ближнего и дальнего зарубежья) и 50-летием его профессиональной и научно-творческой деятельности (сборник работ самого юбиляра). Ряд членов КШВ являются редакторами и членами редколлегии научных и методических изданий (С.Л. Дударев, С.Н. Савенко, С.Н. Ктиторов).

Статьи и рецензии членов коллектива, вышедшие в научных журналах (в том числе, ВАК, Scopus, Web of Science), и сборниках (в том числе, научных конференций), имеют обширную географию. Они изданы в гг. Армавире, Краснодаре, Майкопе, Сочи, Ставрополе, Нальчике, Пятигорске, Кисловодске, Владикавказе, Ростове-на-Дону, Махачкале, Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбургe, Перми, Барнауле, Томске, и др. городах России (всего более 17), а также в ближнем (Харьков, Киев) и дальнем (Салоники) зарубежье. Число статей превышает 110. Из них в рецензируемых изданиях — 15.

Члены коллектива приняли участие в целом ряде научных конференций и семинаров различного уровня — от международных и зарубежных, до вузовских — всего 43 выступления (их география во многом совпадает с географией приведенных выше публикаций). Наиболее активными в этом отношении были профессора В.А. Матвеев (9 конференций и семинаров) и Н.Н. Гарунова (7) [1].

Профессора С.Л. Дударев и Ю.Ю. Клычников являются членами диссертационного докторского совета по истории в СКФУ (г. Ставрополь). Они руководят и подготовкой аспирантов. Так, выходит на защиту кандидатской диссертации в Куб.ГУ член Школы Н.С. Степаненко (н. рук. Ю.Ю. Клычников). Ученые коллектива приглашались в ка-

честве оппонентов на защитах диссертаций по присвоению ученых степеней (д.и.н., профессора Н.Н. Гарунова, Ю.Ю. Клычников, к.и.н., доцент С.Н. Ктиторов). Они выступают экспертами Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников РД и Федерального Агентства по делам национальностей (Н.Н. Гарунова), унитарной некоммерческой организации «Кубанский научный фонд» (С.Н. Ктиторов), работают членами редколлегий периодических научных изданий, в том числе, рецензируемых: журналов (Вестник АГПУ, Вестник ДГУ, «История, археология и этнография Кавказа», ежегодник истфака АГПУ) (Н.Н. Гарунова, С.Л. Дударев, Ю.Ю. Клычников), являются модераторами научных мероприятий (В.А. Матвеев). С.Л. Дударев является главным редактором электронного журнала: «Slavery: theory and practice».

КШВ ведутся разработки по грантам. В 2021 г. была поддержана заявка С.Н. Ктиторова по научному руководству проектом «Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края» № ППН–21.1/26, который финансируется Унитарной некоммерческой организацией «Кубанский научный фонд» (Приказ директора Кубанского научного фонда № ПРК–147 от 22 ноября 2021 г.). Объем полученных средств в рамках упомянутого проекта в 2021 г. составил 700 тыс. руб. В исполнении проекта также участвуют члены КШВ д.и.н., профессора С.Л. Дударев и А.Л. Пелих. Д.и.н., профессор Ю.В. Приймак и к.и.н., доцент И.И. Басов работают по линии Центра археологических исследований, весомо участвуя в привлечении внешнего финансирования (соответственно 240 и 190 тыс. р.).

Особо отметим то, что члены КШВ ведут активную и успешную работу по внедрению результатов своих исследований в научное и образовательное пространство своих субъектов, использованию их в деле просвещения наших современников, особенно, молодежи. И их деятельность не остается незамеченной. Она отмечена наградами. Н.Н. Гарунова удостоена звания «Заслуженный деятель науки Республики Дагестан», Благодарности Центра русской культуры Министерства по делам национальностей РД. И.И. Басов и С.Н. Ктиторов приняли участие в создании научно-образовательного фильма «Историко-культурное наследие восточной части Краснодарского края», который в номинации «Культура» стал лауреатом среди шести короткометражных фильмов на VIII Всероссийском фестивале-конкурсе туристских видеопрезентаций «Диво России–2021» (г. Нижний Новгород, 7–9 декабря 2021 г.). И.И. Басов получил Благодарность министра просвещения РФ С.С. Кравцова за активную работу в качестве члена жюри федерального этапа Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности».

Давний член КШВ Н.М. Еремин, казачий полковник, Председатель Совета Стариков и Суда Чести Белгородского отдельского казачьего общества «Центральное казачье войско» удостоен Благодарности Атамана Всероссийского казачьего общества Н.А. Долуды за личный вклад в развитие ЦКВ, становление российского казачества и пропаганду казачьего образа жизни.

В мае 2022 г. Н.М. Ереминым получена благодарность от казаков Терека, отметивших его как основоположника возрождения Терского казачества в Шелковском районе Чечни 80–90-х гг. XX века*. Наш коллега — активный блогер. На сайте ПРОЗА.РУ. им опубликовано 90 произведений. Участник заключительного конкурса «Наследие», который в мае 2022 г. пройдет в г. Москве в ЦДЛ.

Серьезные результаты в просветительской работе были достигнуты С.Н. Ктиторовым, принявшем участие в целом ряде стримов на канале «Армавиргород», в ходе которых он провел экскурсии по г. Армавиру (<https://www.youtube.com/watch?v=5YHQj5vXcig&t=633s>). Совместно с журналистами Кубани С.Н. Ктиторов подготовил ряд фильмов по истории Армавира и черкесо-гаев. Экскурсии проводились и непосредственно для учащейся молодежи и гостей города по г. Армавиру и его окрестностям, в том числе и для иностранцев, что повышает имиджевую привлекательность города и субрегиона Восточная зона Краснодарского края для туристов.

Подводя итоги, отметим результативность работы коллектива КШВ в указанный период и выражаем надежду на реализацию планов его членов в ближайшем будущем, в том числе, в отношении подготовки молодой смены, которая продолжит деятельность Школы по изучению прошлого нашего региона и привлечению данных научных исследований для формирования представлений о неразрывности связи Северного Кавказа и Большой России на путях истории, что крайне важно для воспитания современников и будущих поколений россиян и имеет большое значение в деле воспитания гражданственности, патриотизма и межэтнического добрососедства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хлудова Л.Н., Цыбулькинова А.А. Библиография работ членов Кавказоведческой Школы по археологии и региональной истории (2021–2022) // Восемнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (тезисы и доклады). Армавир: Дизайн-студия Б, 2022. С. 64–73.

И.И. Басов, С.Л. Дударев, С.Н. Ктиторов.

О работе Кавказоведческой Школы в 2021 – первой половине 2022 г. // Восемнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (тезисы и доклады). Армавир: Дизайн-студия Б, 2022. С. 57–59.

* В ноябре 2022 г. Н.М. Еремину казачеством станицы Шелковской присвоено звание Почетного казака Терско-Гребенского отдела.

О работе Центра археологических исследований

Деятельность Центра археологических исследований в 2020/21 гг. велась по следующим направлениям:

- привлечение финансирования в рамках договоров на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;
- получение открытых листов;
- сдача отчетов по ГОСТ 7.32–21 в рамках договоров НИОКР;
- публикация результатов полевых исследований;
- инновационная деятельность.

По инициативе Центра Департаментом государственной охраны культурного наследия Минкультуры РФ было выдано 5 открытых листов для организации и осуществления разведок в Краснодарском крае. Основным держателем является декан исторического факультета Ю.В. Приймак и доцент кафедры всеобщей и региональной истории И.В. Грицких*.

За этот период были подготовлены, представлены и приняты отделом полевых исследований министерства культуры РФ двенадцать отчетов.

Сотрудниками, участвующими в реализации археологических исследований, были опубликованы статьи в Вестнике Армавирского государственного педагогического университета.

Продолжается активная работа по определению инновационных форм работы с целью привлечению внешнего финансирования: сотрудничество с административными структурами и органами власти, расширение географии деятельности ЦАИ, расширение сферы предлагаемых услуг, привлечение внешних специалистов к деятельности ЦАИ, активизация кадрового потенциала вуза.

Был создан и зарегистрирован объект промышленной и интеллектуальной собственности в Федеральном государственном бюджетном учреждении «Федеральный институт промышленной собственности» (ФИПС) «Программное обеспечение учета объектов культурного наследия» свидетельство № 2021616242 авторы Е.А. Гурова, Ю.В. Приймак, О.Г. Карапкива, В.М. Хлопкова.

Особое место в центре археологических исследований занимает кружковая деятельность археологического отряда «Юный археолог» и поискового отряда «Авангард». Она способствует гражданскому и патриотическому воспитанию обучающихся исторического факультета, практической реализации их навыков и компетенции в условиях полевой работы. Руководители отрядов — Ю.В. Приймак, Е.А. Гурова, И.И. Басов.

* Ныне — завкафедрой ВиОИ АГПУ.

На базе ЦАИ студенты проходят практику. В этом году студентами-практикантами были оцифрованы и отреставрированы все имеющиеся архивные документы и экспонаты. Оцифровка проводилась для достижения двух основных целей — автоматизации учета и перехода на новый уровень представления фондов.

Ведется активная просветительская работа, направленная на популяризацию деятельности как центра, так и вуза в целом. Так, например, по результатам раскопок в октябре 2020г. в Гулькевичском районе были опубликованы материалы в газете «Армавирский собеседник» и размещены на сайте www.news-armavir.ru. Телеканал Кубань 24 подготовил и выпустил репортаж, посвященный раскопкам кургана бронзового века специалистами Центра и студентами АГПУ.

В 2021 году состоялось открытие музейной экспозиции «В зеркале предков» за счет средств Фонда Президентских грантов в направлении Сохранение исторической памяти. Экспозиции музея древности и средневековья представлены предметами вооружения и быта: бронзовыми и железными наконечниками копий, дротиков и стрел, мечами и кинжалами, посудой: мисками, кружками, кувшинами, женскими украшениями, в том числе, разнообразными браслетами, застежками из бронзы и железа и т.п. Постоянно пополняется экспозиция, посвященная истории казачества, включающая в себя старые фотографии, предметы быта, одежды. Отдельная часть экспозиции посвящена событиям Великой Отечественной войны. В ней размещены найденные членами КРОПАО «Авангард» и студентами «АГПУ» предметы военного снаряжения, гильзы, каски, саперные лопатки, стабилизаторы мин, осколки снарядов и др. Эти предметы были обнаружены на местах боев по линии обороны Армавира, которая велась с 3 по 9 августа 1942 г. Коллекция музея дополнена манекенами, историческими репродукциями, схемами и картами [1].

Дирекции Армавирского краеведческого музея был передан памятник сакрального искусства «Половецкая баба», ранее считавшийся утраченным.

Директор Центра археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета Е.А. Гурова стала участником одного из ключевых мероприятий Года науки и технологий России, проходившего в Великом Новгороде — проектно-образовательного интенсива для индивидуальных участников, стартапов, регионов и вузов, которые развивают проекты в сфере новых технологий, Архипелаг 2121. Более 1000 команд прошли обучение и акселерацию у ведущих экспертов и представив свои решения 100 крупным индустриальным участникам, инвестфондам и представителям госсектора. Проект «Виртуальный фонд культурного наследия», участником разработки которого была Е.А. Гурова, вошел в ТОП-100 лучших проектов Архипелага 2121 по результатам акселерации и экспертизы [2].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краснодарская региональная общественная поисково-археологическая организация «АВАНГАРД». https://29a26abb-275c-488c-bfd6-66c133dd6ec7.filesusr.com/ugd/f693e5_5a7a2c07d7da40379c75fe0b2b935279.pdf (Дата обращения: 12.05.22).
2. Большая перемена РФ <https://t.me/bpshkola/12227> (Дата обращения: 12.05.22).

См.: Е.А. Гурова, И.И. Басов

О работе центра археологических исследований // Восемнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (тезисы и доклады). Армавир: Дизайн-студия Б, 2022. С. 45–47.

О МИССИИ КАВКАЗОВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ И НЕ ТОЛЬКО

Уважаемые коллеги, переходя к следующему вопросу, необходимо сделать отступление. Появлению моего недавнего сборника [1] предшествовала предыстория, которая отражает и мою жизнь, и жизнь нашего коллектива, связанная, в том числе, с одним из уже достаточно давних семинаров Школы.

Думаю, что многие из вас помнят, как в середине 2000-х гг. наш Шеф и Учитель стал сдавать и наблюдать это было очень трудно. Одновременно неизбежно возникал вопрос о том, что наше общее дело нужно продолжать, несмотря на это грустное обстоятельство. В январе 2007 г. у нас состоялся очередной семинар, и уже после него, зайдя с коллегами в местечко, именуемое в те времена «Айсберг», мы, разумеется, обсуждали планы и перспективы. Над нами витал дух перемен, которые и свершились в ближайшее пятилетие. В 2008 г. кафедры всеобщей истории и регионоведения и специальных исторических дисциплин слились и заведующим стал ваш покорный слуга. А 2012 г. стал для нас едва ли не апокалиптическим — в январе сгорел первый корпус вуза, и наша кафедра, но при этом, хвала Всевышнему, уцелела библиотека, и в сентябре, к несчастью, ушел из жизни Шеф. При всех понесенных тяжелых потерях мы оказались готовы к испытаниям. И некоей опорной точкой для этого мне послужили те посиделки в «Айсберге». Дело в том, что тогда, сидя в этом неплохом заведении, один из старших ветеранов коллектива, С.Н. Савенко, говоря о грядущих неизбежных трансформациях, произнес главную мысль, которая является очень важной в отношении ко всему, что мы с вами делаем: то, чем мы заняты в нашей Кавказоведческой Школе — это наша МИССИЯ. С этой мыслью я с тех пор не расстаюсь, поскольку она совпала и с моими внутренними ощущениями.

Недаром у Экклезиаста сказано: «Время разбрасывать камни, и время собирать их». Одним из таких камней, краеугольных по своей сути, был сборник моих работ 2011 г., в котором оказались собраны репрезентативные, ключевые статьи и даже книги, отражавшие спектр ин-

тересов, складывавшихся годами: труды по археологии, всеобщей и региональной истории. К этому сборнику я пришел не случайно: еще в 1998 г. у меня возникла практика издавать отдельные сборники своих работ (всего их вышло на 2007 г. шесть), сначала, научно-методические, а затем и чисто научные. Археологический блок был в нем, несомненно, самым фундаментальным и представительным, что и понятно: археологии было отдано почти 40 лет жизни, в том числе, по ней были защищены обе диссертации. На втором месте уже был раздел по региональной истории, где стержнем была книга «Трудными дорогами совместничества» — этапная в понимании проблем российско-северокавказских отношений. И третье место принадлежало всеобщей истории, которая сыграла знаковую роль в моей научной биографии, имея в виду и периодизацию всемирной истории, и чтение курса истории средних веков и, конечно же, аспирантуру по этой специальности.

И вот минуло 11 лет. В новом обобщающем сборнике к 50-летию моей профессиональной и научно-творческой деятельности, изданном, так же, как и первый, практически *in folio*, и который имеется на руках у многих из находящихся сейчас на связи*, как вы видите сами, господствует региональная история. Причем не просто господствует, а присутствует монопольно. Это не значит, что я совершенно перестал что-либо писать по археологии и всеобщей истории. Говоря о работах по этим дисциплинам, можно сказать, как говорят в Одессе: «*их у меня есть*», причем среди них имеются такие, которые увидели свет и за рубежом, и в ВАКовских изданиях. Однако по степени значимости они, на мой взгляд, уступают в целом той подборке статей, которую вы видите в рассматриваемом сборнике 2022 г. В связи с этим я и не стал их помещать сюда. Впрочем, это не значит, что я предал их забвению. Планирую собирать недавние публикации в отдельную книжку, сборник по археологии, преимущественно, Кубани.

Переходя, наконец, после этих необходимых вводных разъяснений, или, как говорят телевизионщики, подводки, непосредственно к содержанию «виновника торжества», я не хотел бы подробно освещать те или его рубрики или содержание отдельных статей: у вас имеется отличная возможность сделать это самим и в удобное время. Вероятно, вы уже и сами обратили внимание на то, что в сборнике заметное место принадлежит рецензиям. Это, по традиции, идущей от Шефа, излюбленный и уважаемый в нашей Школе жанр научной литературы. Известно, что немало исследователей относятся к рецензиям, как к своего рода способу похвал. или, напротив, ругани. Наш Учитель прививал нам склонность к рецензиям, как роду исследования. Более того, он сам очень его любил, и вы, надеюсь, помните, что он издавал сборники своих рецензий. Именно с указанных позиций мы и подходим в настоящем сборнике к данно-

* 24 семинар КШВ проходил On line.

му виду научной работы. Рецензии весьма значимы для меня потому, что они дают возможность не только оценить сделанное тем или иным коллегой, но и выявить степень своего владения той или иной темой, а также снова и снова высказать свои принципиальные оценки и позиции по определённой проблеме. Причем высказать, преимущественно, не в виде погрома или похвал (как уже было сказано выше), а позитивного выявления сильных и слабых сторон работы. Моя позиция заключается в том, что даже если я и против того или иного положения, то стремлюсь донести это, нередко, не «в лоб», а с помощью постановки вопросов и доведения фактуры, или литературы, не известной или упущенной автором, до его сведения. С другой стороны, рецензия — это способ поставить в известность коллегу, например, о том, насколько наши позиции соответствуют или не соответствуют друг другу. Надеюсь, что помещенные рецензии (и не только они) адекватно отражают достигнутое мной в области региональной истории на сегодняшний день.

Содержание сборника, полагаю, демонстрирует степень овладения мной проблемами регионоведения, и то, насколько основательно я познакомился с ими в 2000–2010-е гг., и соответственно, в какой степени я имею право возглавлять наш коллектив не только по возрастному цензу, или стажу, но и на основании знания проблематики, которой занимается Школа. Словом — этот сборник — это, если хотите, моя квалификационная работа.

Впрочем, значение сборника не только в этом. В нем присутствуют статьи, в которых ставятся определенные проблемы регионоведения. Таковы, скажем, работы по вопросам хронологии конца средневековья и раннего нового времени на Северном Кавказе, или пониманию проблем мухаджирства (последняя, к слову, набирает все больше просмотров на одном зарубежном ресурсе: на сегодня их более 200)*, проблемам рабовладения или пленовладения, пониманию значения опыта восприятия горской действительности российскими пленниками, как одного из своеобразных мостиков, которые связывали две стороны (здесь мы тесно смыкаемся с исследованиями моего сына, защитившим кандидатскую диссертацию под руководством Н.Н. Великой, и который является составителем сборника, а также его спонсором). Целью наших работ и их дополнительной репрезентации в данном сборнике является доведение до коллег по Школе (но и не только), нашего понимания подходов к изучению тех или иных аспектов кавказоведения, в частности, отражения кавказской действительности в изобразительном искусстве. И, наконец, большой блок вопросов связан с т.н. Кавказской войной. Не буду сейчас останавливаться на этой сложной и неисчерпаемой теме. Скажу только, что в ее оценке ныне играют роль как

* Reserch Gate.

новые факты, которые выявлены членами Школы, так и современные события (спецоперация российских войск на Украине).

В заключении своего выступления скажу, что если мне удалось достигнуть хотя бы части поставленных задач (впрочем, узнать об этом будет трудно, поскольку нужно прожить еще NN-е количество лет, а это, учитывая мой возраст и состояние здоровья, почти невозможная задача), то сие будет для меня большим утешением.

И, наконец, если мои исследования, по вашему мнению, и мнению других коллег-историков, не входящих в Школу, хотя бы каким-то образом повлияли на дальнейшее развитие ее подходов и взглядов, и послужили отстаиванию позиций коллектива, то я буду считать свою работу, в том числе и этот сборник, не напрасной, и соответствующей МИССИИ КШВ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дударев С.Л. К истории Северного Кавказа XVIII – начала XXI века. Сборник научных статей и рецензий. Армавир: АГПУ; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. 382 с.

Из выступления С.Л. Дударева на заседании 24 семинара КШВ 22.05.22

Нашего полку прибыло

24 декабря 2022 года в Диссертационном совете 24.2.320.01 (исторические науки) при Кубанском государственном университете состоялась защита диссертации Н.С. Степаненко на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Локальные переселения на Северо-Западном Кавказе в условиях интеграции региона в состав Российской империи (1830–1860-е гг.)» (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Ю.Ю. Клычников). Члены Совета в составе 17 человек единогласно проголосовали за присуждение ученой степени выпускнику истфака АГПУ, начинавшему работать над своим исследованием с д.и.н., профессором Н.Н. Великой. Коллектив Кавказоведческой Школы сердечно поздравляет соискателя и его научного руководителя с успехом и желает новых научно-творческих достижений.

Н.С. Степаненко во время своего выступления на защите диссертации в Куб. ГУ.

ИТОГИ

Коснемся теперь основных черт Кавказоведческой Школы и ее основных подходов к изучению истории региона. Поскольку это аспект работы коллектива уже освещался в печати [1, 2], позволим себе лишь тезисное изложение сути вопроса.

Школа на протяжении всей своей истории последовательно решала вопрос о подготовке новых поколений исследователей [3]. Для коллектива на протяжении все его истории было характерно наличие четкой, «классической», возрастной и степенной лестницы — студенты — аспиранты — кандидаты наук (доценты) — доктора наук (профессора). В середине 2010-х гг.* возраст кандидатов наук колебался в пределах 34–45 лет, профессоров — 37–62 лет. Ядро коллектива многие годы было объединено на одной кафедре (всеобщей истории, регионоведения и специальных исторических дисциплин и др.). В 2013 г. в результате «оптимизации» возникает объединенная кафедра всеобщей и отечественной истории. Двигателем деятельности коллектива долгие годы был энтузиазм, когда те или иные научные мероприятия (включая археологические экспедиции) или публикации организовывались «вкладчину». Внутри коллектива существует единая идейная направленность, главным стержнем которой является отстаивание русско-северокавказского историко-государственного единства. Школа на протяжении многих лет своей истории была многонациональным коллективом, что проецировалось и на научные выводы, не связанные, в ракурсе региональной истории или истории единого Отечества, с какой-то конкретной национальной или этнической ангажированностью и основанные на идее «российскости». В этой связи, характерной чертой научного творчества нашего коллектива является утверждение *идеи динамичности, подвижности этнополитических границ в регионе с глубокой древности, переплетенности исторических судеб предков многих коренных народов Северного Кавказа, невозможности и несправедливости разведения (а подчас и просто разрывания!) их истоков и дальнейшей истории по тесным «национальным квартирам», бесперспективности решения территориальных и иных споров путем кровавых «разборок», ведущих народы в гибельный тупик. Кавказоведческая Школа против этномифов, цель которых — утверждение «престижных» версий происхождения тех или иных народов и придание им более высокого социального и политического статуса, чем тем, у которых нет такой «славной истории».*

Школа В.Б. Виноградова исходит из того, что невозможно утверждать чей-либо этнический (этно-национальный) приоритет в ареале

* Наивысшая точка остепененности членов КШВ.

особенно равнинного Предкавказья, навечно закрепляя территорию за той или иной группой населения с древнейших времен [4]. Единственный приоритет, который видится незыблемым на долгие века — это доминанта многонационального Российского государства, которое более двухсот лет обустроивает Северный Кавказ как часть Большой России во имя мира и процветания всех живущих здесь народов. Школа всегда настойчиво и всесторонне демонстрировала положительный потенциал русско-северокавказских отношений последних четырех столетий, разумеется, не закрывая глаза, особенно сегодня, на проблемы и сложности интеграционных процессов между Большой Россией и Северным Кавказом («северокавказский кризис» XIX в. и т. д.) [5].

Свое видение прошлого Северокавказского региона исследователи Школы раскрывают через судьбы и свершения представителей российской общественно-политической и культурной элиты, происхождение, жизненный путь которой в той или иной степени был связан с Кавказом. Персонифицируя историю, «виноградовцы» создают живую картину прошлого, в которой важную роль играет субъективный фактор — человеческие поступки и свершения, без которых понять причины тех или иных событий невозможно. И здесь речь идет не только о деятелях давно минувших дней, но и о наших современниках, судьбы которых (нередко весьма нелегкие) являются примером достойного служения науке и своему Отечеству (данные персоналии, изучаются, например, в таких сериалах Школы, как «Лики российской истории», «Российские исследователи Кавказа», «Северокавказские историки-краеведы» и др.) [6].

На уровне разработок по всемирной истории доминирующим является интеграционный принцип, определявший ход истории «от локальности к интеграции», объединению народов в региональном, государственном, планетарном масштабах [7]. В области изучения социальной истории Школы В.Б. Виноградова традиционно выступала за объективное позиционирование генезиса социальных отношений у горских народов, и выявления его реального уровня, возражая против искусственного, порой, завышения достижений общественного развития автохтонов [8]. В области духовной культуры Кавказоведческая Школа стремилась к выяснению сложного генезиса религиозных верований у народов региона, их глубокого синкретизма и своеобразия, далекого от «правоверия», отстаивала тезис о том, что любые попытки утверждать исконное и «чистое» наличие тех или иных мировых религиозных систем у народов региона с незапамятных времен являются далекими от истины, а попытки навязывания «чистой религии» обычно связаны с насилием [9].

Школа традиционно занималась пропагандой исторических знаний среди населения, откликалась на потребности образовательно-воспитательной сферы, используя исследовательские данные в вузовской

и школьной практике, чему служили как научно-популярные газетные и журнальные публикации, выступления на радио и телевидении, так и выпуски научных сериалов (Историческое регионоведение Северного Кавказа — вузу и школе; и др.) [10], в которых активно сотрудничали школьные и вузовские педагоги.

Таковы общие наброски основных итогов деятельности Кавказоведческой научно-педагогической Школы В.Б. Виноградова за 60 лет, прошедшие с момента ее возникновения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Феномен школы В.Б. Виноградова // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. Материалы научной конференции 20–22 сентября 2007 г. Москва, 2007. С. 144–147.
2. Кавказоведческая научно-педагогическая школа В.Б. Виноградова // Историки, научные школы и исторические сообщества юга Российской империи, СССР и постсоветского пространства. Материалы международной научной конференции. Сборник научных статей. Краснодар, 2012. С. 206–216.
3. Гиль Э.Л., Мирская З.Л. Морально-этические аспекты функционирования научных школ // Этические проблемы научного исследования. Издательство Ростовского университета, 1975. С. 30, 31, 36.
4. Великая Н.Н., Дударев С.Л., Савенко С.Н. Этногенез и этнополитическая история Северного Кавказа (древность, средневековье, новое время). Научно-методическое пособие // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 11. Армавир: Дизайн-студия Б, 2019. 218 с.
5. Виноградов В.Б. Северокавказский кризис XIX века (раздумья о генеральных перспективах познания и преодоления последствий) // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир, 2007. С. 49–53; Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Приймак Ю.В. Очерки истории формирования северокавказской и причерноморской окраины России в конце XVII – 1783 г. Армавир: Дизайн-студия Б, 2019. 210 с.
6. Кавказоведческая Школа В. Б. Виноградова. 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и библиографических материалов / под ред. С. Л. Дударева. Армавир; Ставрополь: Дизайн-Студия Б, 2013. С. 473–533.
7. Виноградов В. Б., Дударев С.Л., Нарожный Е. И. Основные этапы всемирной истории. Методический материал // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1995. №5. С. 126–135; Основные этапы всемирной истории: учебное пособие. Армавир, 2009. 260 с. (Под ред. В.Б. Виноградова); Виноградов В. Б., Дударев С.Л., Назаров С.В., Назарова В.В. О разработке и преподавании новой периодизации всемирной истории на кафедре всеобщей и региональной истории АГПУ // Научная мысль Кавказа. 2010. №4. С. 33–40.
8. Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. 159 с.; Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / под ред. В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2010. 318 с.
9. Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия... С. 223–315; Очерки истории мировых религий на Северном Кавказе. Армавир; Ставрополь, 2019. 232 с.
10. Кавказоведческая Школа В. Б. Виноградова. 50 лет в пути... С. 473–533.

В.Б. ВІНОГРАДОВ
И КАВКАЗОВЕДЧЕСКАЯ ШКОЛА
В ВОСПОМИНАНИЯХ
УЧЕНИКОВ И КОЛЛЕГ

С. Б. БУРКОВ

(г. Владикавказ, РФ)

*Навстречу юбилею
Предгорно-плоскостной
археологической экспедиции*

Научно-популярная и просветительская деятельность
В.Б. Виноградова,
ППАЭ и её развитие в авторских исследованиях

Созданная В.Б. Виноградовым в 1976 г. Предгорно-плоскостная археологическая экспедиция (ППАЭ) в своей деятельности всегда отличалась широтой охвата различных направлений. Помимо чисто полевых исследований, в ней всегда присутствовала теоретическая, а также научно-популярная и просветительская составляющие. Результаты раскопочных трудов, помимо научных публикаций, выступлений на многочисленных научных форумах по всей стране и за рубежом, диссертационных исследований, всегда находили отражение в лекториях, встречах с населением, выступлениями на телевидении, представлении основных итогов полевых изысканий на страницах периодической печати. При этом особую роль всегда играет личность лектора, его умение найти контакт с аудиторией, чей возраст и возможности восприятия новой для них информации были порой очень разными. В этом отношении особую важную роль играла передача «По тропам истории», придуманная, срежиссированная и озвученная Виталием Борисовичем. Великолепный язык, образные сравнения, научность, и вместе с тем — доступность изложения материала делали эти встречи со зрителями своеобразными мини-спектаклями. Не менее интересными были и радиопередачи на тему археологии и древней истории края. В эти беседы постоянно вводились и его ученики — соратники по жиз-

ни и делу, наиболее подготовленные для такой деятельности студенты — члены археологического кружка. Для них очень важным началом было участие в подготовке рукописной газеты «Акинак», которая выпускалась во многих отрядах нашей экспедиции*. Так, в нашем Ачхой-Мартановском 3-м отряде ППАЭ она выходила с 1988 по 1991 г. Умение просто и одновременно с этим ярко изложить на бумаге свои впечатления от участия в археологическом труде, наблюдения за происходящим вокруг, в том числе — и какие-то черты характера, особенности соотрядников — всё это становилось темами заметок, дружеских шаржей, зарисовок, юмористических рисунков, а порой — и стихов, являлось основой ежегодно выпускаемого номера. Его выход, по заведенной в нашей экспедиции традиции, приурочивали к празднованию Дня археолога — 13 августа. Этот опыт становился незаменимым подспорьем для написания уже более серьезных материалов, которые периодически выходили на страницах как местных, так и региональных печатных изданий. Эта традиция в СКАЭ была введена Е.И. Крупновым, в дальнейшем и В.Б. Виноградов всегда указывал нам на эту необходимость, подчеркивая важность обратной связи с широкими слоями населения, особенно — в сельской местности. Наиболее востребованными и интересными были обзоры, посвященные подведению итогов очередного полевого сезона. В таких обстоятельных и развернутых статьях приводилась информация, порой более подробная, чем в дальнейшем публиковалась на страницах научного издания «Археологические открытия». Особую роль играет и то, что в ряде случаев тексты сопровождались и профессионально выполненными рисунками найденных предметов, что делал В.А. Петренко — ученик и соратник В.Б. Виноградова. В этой связи их поиск и анализ этих сведений видится необходимым и важным делом для воссоздания той роли и значения нашей работы по изучению и представлению историко-культурного наследия Северного Кавказа на страницах периодической печати. Помимо статей в газетах, в ряде случаев информация о наиболее ярких находках передавалась и в журналы, причем не только в археологические и исторические, но и естественнонаучные. В качестве примера можно привести заметку, написанную В.Б. Виноградовым совместно с В.А. Петренко, и статью, посвященную начальному этапу работы по поиску курганов в зоне работ по реконструкции Ассиновской оросительной системы, опубликованную в 1983 г. [1].

Кроме того, следует отметить и работу членов ППАЭ в школьной среде. Многие из нас проходили педагогическую практику в качестве

* Первые выпуски газеты, рассчитанной на широкую аудиторию, прежде всего — студенческо-преподавательскую, были осуществлены по инициативе В.Б. Виноградова в ЧИГ-ПИ, а затем — в ЧИГУ уже как полноценное многотиражное университетское издание. В дальнейшем она выходила в Армавире, в стенах АГПУ.

преподавателей-стажеров, причем не только в городских школах. В это время мы оттачивали свои навыки в качестве лекторов, а основными темами наших выступлений становились те, которые были связаны с археологией и краеведением, историей и культурой народов, живущих в крае. Кто-то, как и автор настоящей статьи, после окончания ЧИГУ им. Л.Н. Толстого, шли работать в сельские школы. При этом создавались школьные археологические кружки, организовывались выходы на памятники, происходил сбор и первичная обработка подъемного материала, который в дальнейшем становился составной частью уже научных статей, был основой для подготовки докладов на научных конференциях. Подобный опыт автора был обобщен в ряде докладов на конференциях, а также методическом пособии по краеведению, написанного в соавторстве с другими коллегами [2]. В дальнейшем эта тематика присутствовала и в учебно-методической деятельности автора в период работы в ВУЗах Ингушетии [3]. Подведение итогов полевых исследований участников экспедиций СКАЭ и ППАЭ, помимо подготовки научных материалов, отражалась и в периодической печати. Тема, связанная с обобщением публикационных усилий сотрудников экспедиции, а дальнейшем — и археологической лаборатории (1986–1992) в газетах и журналах требует отдельного и тщательного изучения. На наш взгляд, было бы очень полезно собрать и опубликовать отдельным изданием все статьи и заметки, которые были опубликованы в различные годы членами ППАЭ в периодической печати. Пока оно было сделано лишь в отношении Е.И. Крупнова, и частично — В.Б. Виноградова [4]. Ранее тема, связанная с представлением археологических исследований на страницах периодической печати, исследовалась нами на материалах Ингушетии [5]. В дальнейшем она была частично затронута и применительно к эпистолярному наследию краеведов Северного Кавказа [6]. Традиция популяризации археологии, ежегодных результатов раскопок, заложенная в самого В.Б. Виноградова деятельным участием в его судьбе Е.И. Крупнова и возглавляемой им СКАЭ, всегда уделявшим пристальное внимание доверительным отношениям с местным населением, была развита и приумножена Виталием Борисовичем. Это направление на протяжении всей его жизни было важной составляющей нашего совместного труда, связанного с изучением многочисленных и разнообразных памятников археологии, причем — не только Чечено-Ингушетии, но и сопредельных территорий. Сотрудники ППАЭ вели как самостоятельные исследования, так и принимали участие в работах коллег по «цеху» на территориях Ставропольского края, Северной Осетии, Карачаево-Черкессии. Их результаты входили составной частью в информацию о проведенных нами исследованиях, отражались во встречах с населением тех регионов, где производились археологические раскопки. Это позволяло формировать общественное мнение относительно важности и необходимости их комплексно-

го проведения не только в границах Чечни или Ингушетии, но и обособывало общекультурную составляющую, когда истоки формирования и развития археологических культур представлялись не в границах узлокальных территорий, а распространялись на весь северокавказский регион, а также и Закавказье. В этом отношении доброжелательные контакты с археологами Грузии, Армении, Азербайджана, нарабатанные ещё в студенчестве В.Б. Виноградовым, а в дальнейшем — и его учениками, распространялись и далее, включая в ареал сотрудничества Поволжье и Украину. Это позволяло сформировать широкую номенклатуру не только научного участия в проводимых конференциях или формируемых сборниках, но распространялось и на другие сферы деятельности. Именно в этом ключе происходило становление и развитие такой своеобразной, но знаковой структуры, как «Кавказоведческий семинар», который с 1986 г. изначально объединил под своей эгидой очень разноплановые научные направления и интересы, собрал в одно целое многих очень интересных людей и перспективных исследователей, включая и студенческую аудиторию. При этом значительное место всегда уделялось контактам со школьными учителями, в своей основе — их сельских районов. В этом отношении очень значительную роль сыграла конференция «Археология и краеведение — вузу и школе», проводимая с 1980 по 1985 гг., из которой во-многом и вырос будущий общекавказский научный форум — Кавказоведческий семинар, существующий и поныне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В.Б., Петренко В.А. Барсо-волк на древней пряжке // Природа. 1975. №6. С. 102; Виноградов В.Б. Сквозь завесу веков. Поиски и находки // Грозненский рабочий. 1983 г., 4 сентября.
2. Бурков С.Б., Хашегульгов Б.М., Савенко И.В. Опыт археолого-краеведческой работы в ходе пед.практики студентов ист.фака ЧИГУ им. Л.Н.Толстого // Археология и краеведение — вузу и школе. Вып. 1. Грозный: ЧИГУ, 1981. С. 62–63; Бурков С.Б., Абдулвахабова Б.Б.-А., Арсемикова Р.А. Некоторые формы археолого-краеведческой работы в сельских школах Чечено-Ингушетии // Археология и краеведение — вузу и школе. Вып. 2. Грозный: ЧИГУ, 1985. С. 22–23. Бурков С.Б., Великая Н.Н., Умаров С.Ц., Хашегульгов Б.М. Методические рекомендации по использованию археолого-краеведческих материалов на уроках истории. Грозный: ЧИГУ, 1987. 16 с.
3. Бурков С.Б. Историко-культурное наследие как фактор межэтнической и культурной коммуникации // Вузовская наука — Северо-Кавказскому региону. V региональная научно-техническая конференция. Общественные науки, часть IV. Тезисы докладов. Ставрополь: СевКавГТУ, 2001. С. 85–86; Бурков С.Б. Некоторые аспекты историко-культурных связей в процессе формирования древнейших основ праингушского этноса (по археологическим материалам Малгобекского района) // Вестник научного общества учащихся школы-гимназии в г. Назрань. Материалы научной конференции, посвященной культуре и истории ингушского народа. Вып. 5. Назрань: 2002. С. 59–71; Бурков С.Б. Археологическое краеведение как фактор воспитания историй //

- Вестник научного общества учащихся школы-гимназии в г. Назрань. Вып. 6. Назрань: Издательство школы-гимназии, 2002. С. 118–125; Бурков С.Б. Курсы археологического краеведения как составной элемент в преподавании истории Отечества // Духовная щедрость народа. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вып. 1. Назрань: Назрановский полиграфический комбинат, 2003. С. 12–14; Бурков С.Б. Правовые нормы в области охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры — важная составная часть гуманитарного цикла вузовских дисциплин // Материалы VII региональной научно-технической конференции «Вузовская наука — Северокавказскому региону». Серия «Общественные науки», т. 2. Ставрополь: Сев Кав ГТУ, 2003. С. 129–130.
4. Бурков С.Б. Личность Е.И. Крупнова в научных, научно-популярных изданиях и СМИ (вопросы историографии) // Кавказоведение: традиции и современность. Сборник материалов межрегиональной конференции. Магас, Кисловодск: изд-во «МИЛ», 2014. С. 30–61; Бурков С.Б. В.Б. Виноградов — выпускник кафедры археологии исторического факультета МГУ. Становление профессионала // Вестник МГУ. Серия 8: «История». 2022 г. №2. С. 160.
 5. Бурков С.Б. Публикации историко-культурной направленности в периодической печати Ингушетии: основные направления и тенденции // XXXV научно-техническая конференция СевКавГТУ по итогам работы за 2005 г. «Общественные науки. Экономика». Т. 2. Ставрополь: СевКав ГТУ, 2006. С. 8; Бурков С.Б. Проблемы изучения сохранности и использования историко-культурного наследия в периодической печати Ингушетии: основные направления и тенденции // Периодическая печать как источник интеллектуальной истории. Материалы региональной конференции. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. С. 316–324; Бурков С.Б. Информативные возможности периодической печати Ингушетии в вопросах изучения и обеспечения сохранности историко-культурного наследия // Сборник научных статей Института социальных исследований Назрань: Пилигрим, 2009. С. 254–282; Бурков С.Б. Археологические памятники города Магаса в периодической печати Ингушетии // Материалы научно-практической конференции «Магас вчера, сегодня, завтра» (10 апреля 2012 г.) Магас: Пилигрим, 2012. С. 28–71; Бурков С.Б. История изучения и интерпретации археологических памятников г. Магаса по данным периодической печати // Архивный вестник Республики Ингушетия. Вып. 9. Магас: Пилигрим, 2013. С. 38–80.
 6. Бурков С.Б. Исследовательское и эпистолярное наследие археологов-краеведов Северного Кавказа в научной, музейной и туристской практиках // Первый Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов. Материалы заседаний 11–12 ноября 2014 г. Пятигорск; Ставрополь: Ставролит, 2015. С. 134–137.

С.Л. ДУДАРЕВ

(г. Армавир. РФ)

*Это фигура колоссального масштаба,
редкая, мощная, целеустремленная
и нам надо всеми силами
продолжать его Дело¹¹.*

Е.С. Тютюнина

«Нам очень повезло, что он был рядом с нами столько лет...»

(к портрету Виталия Борисовича Виноградова)

Говоря о личности В.Б. Виноградова, невозможно вначале не коснуться судеб его детища — Кавказоведческой Школы. Когда думаешь о том, что с момента ее создания прошло уже 60 лет, в это верится и не верится. И страшно жалко, что до юбилея не дожил основатель Школы, Виталий Борисович Виноградов. Долгие годы мы вели отсчет основания Школы с 1964 г. Но в 2003 г. Учитель углубил эту дату на год, в 1963 г. Почему он так сделал? На этот вопрос нам дают ответ слова из знаменитой песни: «Я часто время торопил, пускай я денег не скопил, мои года — мое богатство». Он хотел дожить до юбилея своего детища и все равно не успел... [2].

Говоря о становлении коллектива, невозможно не начать с грозненского периода его деятельности. Он заложил основы работы коллектива на долгие годы, определил его дух, атмосферу, настроение, отношение к жизни. Это был замечательный и во многом уникальный опыт рождения научной школы из студенческого кружка, где многое зиждилось на энтузиазме, на молодом задоре, на желании совершить что-то необычное, свернуть горы. Много лет приходилось пробиваться в науку, причем науку по редкой и экзотической специальности — археологии, которая мало востребована в обществе, а в советский период признавалась на местах даже идеологически вредной, без аспирантуры, без каких-то, как сейчас говорят, бонусов, опираясь только на моральную поддержку Учителя, самых близких людей — родителей и собственное желание достигнуть своей мечты. Разумеется, людей, которые смогли пройти такой путь, особенно среди тех, кто пришел в кружок в 1960-е гг., было очень немного. Прежде всего, это касалось парней, которые всегда стремятся быстрее устроиться в жизни и

35 лет назад... В.Б. Виноградов на одном из наиболее знаковых мест неформального общения членов Школы. Заводской район г. Грозного.

менее склонны к романтике. И не стоит удивляться, что первые кандидаты наук появились спустя долгие годы после возникновения кружка в 1963 г. Но что примечательно, их, все же, дала именно сильная половина коллектива. «Первенец» будущей Школы В.А. Петренко «оперился» только в 1980 г., а следом за ним — автор этих строк в 1983 г. Как видите, дистанция, согласно классику, была огромного размера. Но количество все же неуклонно переходило в качество. И вот наступила знаковая эпоха 1980-х гг., когда, несмотря на всевозможные трудности, препоны, а то и чье-то недоброжелательство, дипломированные специалисты стали появляться один за другим: Х.М. Мамаев, Т.С. Магомадова, Н.Н. Бараниченко (Великая), Д.Ю. Чахкиев, С.Н. Савенко, Т.Н. Нераденко (Власова) и другие. В 1986 г. В.Б. Виноградов со своими сподвижниками создали археологическую лабораторию, а спустя год — и уникальную кафедру истории народов Северного Кавказа, которая и сегодня не имеет прецедентов. Оставаться только в рамках археологии было уже невозможно, и те, кто мыслил себя первоначально исключительно в этой науке, должны были осваивать смежные и параллельные исторические дисциплины — в регионоведении, всеобщей истории. Такова судьба тех, кто преподает в высшей школе. Да и политическая обстановка обязывала (и обязывает ныне!) заниматься проблемами региональной истории, которая имеет такое огромное влияние на нашу жизнь.

Вскоре трагические события в Чечне прервали ощутимые и не легкие успехи динамично развивавшейся Кавказоведческой Школы. Вспоминать те времена очень трудно, хотя память все время возвращается к местам, близким и родным с детства. Поэтесса Верба (литератур-

ный псевдоним Ю.В. Артюхович) написала такие строки, которые болью созвучны многим бывшим грозненцам.

Сергею Дудареву

Я не выдержу долгой разлуки.
Я пройду переулком знакомым,
И согреет холодные руки
Теплый пепел сожженного дома
Подниму, как подкову на счастье,
Уцелевший кирпичный обломок:
Камень с траурной черной печатью —
Теплым пеплом сожженного дома.
С опаленного поля седого
Соберу урожай бесполезный —
Теплый пепел сожженного дома,
Горький вкус поцелуя над бездной.

При всех драматических коллизиях того времени, они открыли дорогу для нового этапа развития Школы. В 1992 г. ряд «виноградовцев» во главе с Учителем, уехав в Армавир, смогли продолжить свои начинания на новом месте. Именно с Армавирским госпединститутом, который преобразовывался впоследствии, то в педуниверситет, то в академию, то снова в педуниверситет, отражая сложные перипетии в российском высшем образовании, связано второе рождение Кавказоведческой Школы.

Именно в главном Армавирском Вузе она смогла добиться наибольших результатов. Достаточно посмотреть соответствующие разделы сборника, вышедшего к юбилею нашего коллектива, особенно библиографию основных научных сериалов, выпущенных Кавказоведческой Школой [3]. Такому многоцветию и плодотворной многогранности трудно найти аналогии в научной и вузовской практике России. Армавирский вуз, с доброжелательной помощью В.Т. Сосновского, а затем А.Р. Галустова, инициировавших и поддерживавших и создание кафедр и аспирантур по всеобщей истории, археологии и регионоведению, и благодаря живительным молодым силам студенчества, из среды которого впоследствии выросли новые коллеги, стал поистине судьбоносным для нашего коллектива.

Ряд теперешних преподавателей истфака — это выпускники и члены Кавказоведческой Школы: И.И. Басов, С.Н. Ктиторов, А.Л. Пелих, Ю.В. Приймак, Л.Н. Хлудова, А.А. Цыбулькинова. Есть среди них членов Школы научные и педагогические работники Краснодарского края — С.Д. Кайтмесова, М.Ф. Титаренко, и др. К старейшим членам коллектива принадлежат Н.Н. Великая и С.А. Голованова, пребывающие ныне, как и автор этих строк, на заслуженном отдыхе. Становились специ-

алистами высшей квалификации и ученики В.Б. Виноградова из Владикавказа, Махачкалы, Пятигорска, Ростова-на-Дону и других городов страны: Г.Н. Вольная, Н.Н. Гарунова, Ю.Ю. Клычников, З.Б. Кипкеева, В.А. Матвеев, С.Н. Савенко, и др. Трудится в Санкт-Петербурге один из сыновей В.Б. Виноградова — Б.В. Виноградов, все больше воплощая принципы и мировоззрение Школы в своих поэтических опытах. В рядах Школы находятся и такие достойные продолжатели дела В.Б. Виноградова, как видный деятель казачьего движения России Н.М. Еремин (г. Губкин Белгородской области). Хранит традиции нашего общества и С.Б. Бурков, пристально изучая его разнообразный опыт (г. Владикавказ). Долгие годы воплощала в жизнь наработки Школы как в науке, так и в воспитании молодой смены Т.Н. Нераденко (Власова) в г. Черкассах (Украина). Ныне Школа, широко известная не только на Северном Кавказе, но и далеко за его пределами, имеет статус межрегиональной. Впрочем, только Бог знает, как нелегко сохранять творческий потенциал коллективу, 10 лет работающему без своего неутомимого лидера. И дело не только в отсутствии в наших рядах этого выдающегося ученого — главного мотора и генератором идей коллектива. Бюрократизация и коммерциализация высшего образования, процветание формализма создают, нередко, труднопреодолимые препятствия для креативной научной деятельности, становясь некоей самоцелью. Невозможно не вспомнить строки автора, близкого к одному из членов нашего коллектива: «Господи, дай же силы мне агонию дней побороть».

В эти дни память все больше и больше возвращает нас к личности В.Б. Виноградова. Учитель обладал колоссальной работоспособностью. С молодых лет у В.Б. Виноградова распорядок дня был подчинен исключительно творчеству. Он привык ложиться очень рано, и вставать среди ночи, чтобы начать трудиться над очередным текстом на машинке, стук которой был, наверное, самым распространенным жизненным шумом в его быту. Шеф обладал потрясающей коммуникабельностью и умением расположить к себе многих людей, поддерживать в людях дух оптимизма и хорошего настроения, что особенно было важно в экспедициях и на археологических практиках. В экспедиции Виталий Борисович вставал раньше всех и будил лагерь своим бодрым, зычным, призывным голосом, отпуская шутки и стремясь создать приподнятый, позитивный настрой у людей на работу и быт. Для каждого он мог найти тему, никого не обходил вниманием, обладал способностью увидеть и предотвратить назревающий конфликт.

В.Б. Виноградов очень целенаправленно находил себе тех, с кем собирался заниматься наукой. Приходя на встречи со студентами в самом начале учебного года, или на лекции он опытным и верным взглядом выделял способных и лучших, увлекая их за собой. Как вер-

**В.Б. Виноградов в стенах кафедры
всеобщей истории
и регионоведения.**

но написали однажды коллеги из Краснодара, Учитель умел вызывать симпатию, а то и влюблять в себя. Вокруг него всегда было много молодежи, особенно притягиваемых его сильным человеческим и мужским обаянием студенток. Эта аудитория была для В.Б. Виноградова средством мощной энергетической подпитки. Как-то еще в середине 1970-х гг. Шеф в шутку процитировал мне выдержку из какого-то журнала, в которой некий «эксперт» рассуждал об особых типах темперамента.

Среди них был и так называемый «пикник» (с ударением на первой «и») — человек, для которого те или иные удовольствия жизни или приятные эмоции служат, прежде всего, стимулом для занятия любимой работой. Это было попадание в самую точку. В жизни В.Б. Виноградова все было подчинено именно работе. Он вовсе не был, на самом деле, как могло кому-то показаться, таким «массовиком-затейником», которого хлебом не корми, но дай рассказать на лекции очередной анекдот с «перчиком», или соленную шутку, или очаровать симпатичную студентку, да еще сопроводив свою «деятельность» поцелуем в упругую щечку. Как ни парадоксально, но такая «подзарядка» энергией своих воспитанников доставалась Шефу нелегко. Порой, он признавался мне в том, как трудно ему находиться «весь вечер на арене», или быть где-то на людях, поскольку приходится постоянно преодолевать свою

внутреннюю стеснительность (!!; многие, кто знал В.Б. Виноградова, могут в это не поверить). Виталий Борисович в таких случаях нуждался в присутствии рядом тех, кого он знал долгие годы. Со временем роль публичного человека давалась ему все труднее — сказывались перенесенные четыре операции, тяжкая автомобильная катастрофа, и колоссальное переутомление. Ведь он не только питался молодой энергией учеников, но и еще больше отдавал ее в беседах, консультациях, лекциях и просто в задушевных, доверительных разговорах. Учитель стойко преодолевал невзгоды, ибо обладал негибким мужским характером, благодаря которому он был настоящим Лидером и Защитником своих учеников и добился больших успехов в науке и организационной деятельности. Несомненно, Виталий Борисович, был харизматической личностью. Есть его фотография на кафедре в Армавире (на с. 164), где он устремляет на зрителя взгляд, под которым и годы спустя чувствуешь себя почти-что учеником-первачком.

Несмотря на, как кому-то казалось, имидж человека с большим чувством юмора, общительного весельчака, В.Б. Виноградов мог быть очень жестким и *решительным*, умея, например, быстро поставить на место и не в меру ретивого коллегу, и нарушившего правила общения ученика. Одновременно Учитель являлся человеком, обладавшим большим даром убеждения. Будучи ярким полемистом, не дававшим спуска оппонентам, он был одновременно, особенно с годами, также и тонким, осторожным дипломатом.

Вся его жизнь была подчинена Делу, которое было главным его призванием, и ради него он мог пожертвовать всем, прежде всего, своим здоровьем и материальным благополучием. Даже самые близкие люди были для В.Б. Виноградова на следующем месте после всего того, что связано с призванием. Однажды, во время совместной поездки, под стук вагонных колес, Наставник признался мне, что если на одну чашу весов поместить его жену и детей, а на другую дело, то он выберет именно его.

Виталий Борисович был человеком совершенно самодостаточным. Жил он очень скромно, а в последние лет 15–20 своей жизни вообще мало обращал внимания на внешний достаток и его аксессуары, в том числе домашние. На лекции Шеф обычно путешествовал со старой коричневой нейлоновой сумкой вместо респектабельного профессорского портфеля. Так же мало он думал и об одежде и соответствии моде. Виталий Борисович никогда не носил галстука, предпочитая совершенно свободный, максимально неофициальный и неторжественный стиль в одежде. Отношение Шефа к техническим новинкам было консервативным, он не принимал современных веяний, не умел и не хотел пользоваться гаджетами, что однажды едва не кончилось для него очень печально.

Календарь Кавказоведческой Школы на 2003 г.,
подготовленный супругами Шаульскими².

Разумеется, Учитель не был каким-то принципиальным аскетом, он вообще был человеком очень земным, поскольку любил посидеть в компаниях с учениками за рюмкой водки или коньяка (или вообще того, что было в данный момент в магазине, особенно в скудные для нас, потерявших свой кров, 1990-е гг.) и пирожками из соседней столовой. На этот счет В.Б. Виноградов был весьма демократичен. И вот тут-то и надо сказать о том, что именно ученики были его главными и, зачастую, единственными Друзьями. Даже уходя в далекую от науки жизнь, они не забывали о нем, и годах проведенным рядом с Учителем и Шефом. Они помнили знаковые эпизоды их совместной работы и его деятельности под руководством ближайших сподвижников Виталия Борисовича.

Конечно, у Шефа были и личные давние еще студенческие друзья, и приятели, но жили они далеко, и общение с ними становилось со временем эпизодическим и виртуальным, тем более что постепен-

* В. Шаульская (Авдиенко) – член коллектива в 1976–1980 гг.

В.Б. Виноградов в стенах кафедры всеобщей истории и регионоведения.

но друзья один за другим уходили из жизни. Большим Другом В.Б. Виноградова был его старший брат Павел Борисович, которому Учительверял все, что происходило в его жизни. Но и с ним встречи были нечастыми, по причине проживания П.Б. Виноградова в Твери, а после 1998 г. В.Б. Виноградов за пределы Северного Кавказа уже не выезжал. Братья обменивались между собой письмами и звонками по телефону. Кстати говоря, после В.Б. Виноградова осталось богатое эпистолярное наследие (несколько тысяч писем от коллег), которое все еще ждет своего исследователя как интереснейший источник [4]. Ученики же были самыми желанными собеседниками и партнерами по общению, потому, что за шутками и прибаутками, дружеским «чаем», неизменной сигаретой (при том поразительно, что курить Учитель стал с 29 лет), хоровым пением под гитару в экспедиции, просто на лоне природы, в кафе, и пр. стояло в своей основе всегда все то же Дело, на которое были нацелены все помыслы Шефа. Ему-то он сознательно и принес себя в жертву, работая из последних сил на износ. На полноценный же отдых не оставалось ни времени, ни желания... О таких людях, как Учитель, Б. Окуджава однажды написал: *«Главное — это сгорать,*

и, сгорая, / не сокрушаться о том. / Может быть, кто-то осудит сначала, / но не забудет потом!». Его могучая, колоритная личность по-прежнему не оставляет многих равнодушными. И, к сожалению, не только в положительном аспекте. До сих пор в сети Интернет и печати немало инвектив, связанных с деятельностью В.Б. Виноградова и созданного им коллектива. Правда, среди хора этих «неравнодушных» появились и нотки позитива — созданный Учителем пласт науки таков, что к нему иные даже критически, а то и вовсе недоброжелательно настроенные, люди не могут отнестись лишь негативно [5]².

После ухода Учителя из жизни Школа не прекратила сразу своего существования, как это бывает чаще всего. В этом сборнике можно ознакомиться с информацией о деятельности коллектива, основанного В.Б. Виноградовым в те 10 лет, которые прошли после его кончины. К большому сожалению, есть потери, и они ощутимы. Некоторые коллеги безвременно ушли из жизни в результате тяжелой болезни, не выдержав травли и преследований, которым они подверглись, как ученики Виноградова, других многолетний неприятельский «троллинг» толкнул на путь отступничества. Они дрогнули и предались «покаянию», отойдя от сообщества учеников, хотя некоторые из них еще совсем недавно, в сборнике I-х Чтений, с гордостью, проникновенно писали об уроках, преподанных Шефом, которые они пронесли через годы. Что же, они не стали исключением в исторически трудной судьбе «мирных». Всем тем, кто продолжает стоять в наших рядах, несмотря на жизненные и иные бури, хочется снова и снова сказать словами поэта и барда: «Возьмёмся за руки друзья, чтоб не пропасть по одиночке».

2 Современными критиками, которые трудятся соответственно в Комплексном научно-исследовательском институте им. Х.И. Ибрагимова РАН и Чеченском государственном университете им. А.А. Кадырова, соискатель ученой степени и магистр, представители новых научных поколений Чечни, прямо указывают: «Между тем в трудах Виноградова В.Б., в значительной части, всё-таки отражается и правда о прошлом, в полной мере отвечающая подлинности и научной объективности. И эта «часть», по моим убеждениям (непонятно, правда, почему «по моим», а не по «нашим», ведь авторов двое. — Авт.) определённо перевешивает научно несостоятельную «часть» в его трудах». В финале же статьи сделаны следующие показательные выводы: «Профессор Виноградов В.Б., безусловно, оставил после себя значительное творческое наследие. Он внес немалый вклад в советскую и российскую историческую науку и, в частности, заметный вклад в кавказоведение. Его труды востребованы исследователями, студентами и читателями. В них представ-

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эпиграф к статье, так же как и ее название взяты автором из письма Е.С. Тютюниной к нему от 14.07.2012.
2. Первая такая попытка была предпринята еще в 1988 г. На фотографии В.Б. Виноградова, которая была опубликована в сборнике предыдущих «Виноградовских чтений» Учитель и Шеф стоит на фоне искусственного водопада в окрестностях Грозного, на стене которого кто-то из членов Школы написал: Виноградовский водопад, 1963–1988. Это было, конечно же, шутовское название места, у которого представители Школы не раз собирались на весёлые пикники. Что могло тогда послужить импульсом для «переосмысления» времени старта коллектива? Возможно, трудная весна того года, когда над руководителем и его подопечными стали сгущаться первые тучи. Впрочем, потом, после тяжких перипетий конца 1980-х-начала 1990-х данный факт первой «передатировки» старта коллектива был, судя по всему, забыт.
3. Кавказоведческая Школа В. Б. Виноградова. 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и биобиблиографических материалов / под ред. С. Л. Дударева. Армавир; Ставрополь: Дизайн-Студия Б, 2013. 720 с.
4. Письма хранятся в архивном отделе Администрации г. Армавира.
5. Нанаева Б.Б. Чечено-Ингушский научно-исследовательский... (История Чечено-Ингушского Ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института истории, языка и литературы при Совете Министров ЧИАССР. Документальный очерк). — Грозный, 2015. — 404 с.; Дахо А.А., Дахо Д.А. Виноградов В.Б.: о научной деятельности; о чеченском тайповом обществе Тумсой // Научный журнал «Архивариус». Т. 7, №1 (64). 2022.
6. Дахо А.А., Дахо Д.А. Указ. соч. С. 14, 19.
7. Там же. С. 14.
8. Дударев С.Л., Виноградов Б.В. Трудный путь к правде // Российский Северный Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории XVIII – начала XXI века, материалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 21 межрегионального семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова / Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 8. Армавир, 2017. С. 68–71; Великая Н.Н., Виноградов Б.В., Голованова С.А., Дударев С.Л., Емельянов О.Б., Емельянова Л.А., Керцева (Вольная) Г.Н., Нераденко Т.Н., Савенко С.А. Караван судьбы (навстречу юбилею ППАЭ) // XVII Чтения по археологии Средней Кубани. Тезисы и доклады. Армавир, 2020. С. 88–93.

лен огромный информативный и фактический материал, основывающийся на документах, свидетельствах и выводах, сделанных автором на результатах своего многолетнего исследовательского труда. Однако его сочинения не лишены многих недостатков, упущений, а порой и научной несостоятельности. Ввиду чего, на ряду со всем отмеченным выше, требуют к себе и критического отношения» [6]. Это большой, если не сказать, огромный прогресс по сравнению с предыдущими почти тремя десятилетиями крайне необъективных выступлений чеченских ученых. Впрочем, и здесь есть пресловутая «ложка дегтя». Эти авторы пишут: «Есть у нас также немало свидетельств и о сомнительной «судьбе» множества ценнейших артефактов, обнаруженных в ходе археологических раскопок под руководством Виноградова В.Б., в т.ч. и находок из драгоценного металла, на различных культурно-исторических объектах ЧИАССР» [7]. Этим и другим подобным лживым наветам представителями Школы недавно был дан отпор в печати [8].

Н.Н. ВЕЛИКАЯ

(г. Армавир, РФ)

По волнам моей памяти

Если отвечать на вопрос о том, какую роль сыграл Виталий Борисович Виноградов и Кавказоведческая школа в моей судьбе, то смело можно сказать — определяющую. На истфак Чечено-Ингушского государственного университета я поступила потому, что в старших классах с удовольствием смотрела телевизионные программы Грозненской студии телевидения, которые вел тогда еще молодой кандидат наук В.Б. Виноградов. Он увлекательно рассказывал об археологических раскопках, которые велись в крае. Так захотелось в них поучаствовать!

И вот 1973 год. Я студентка ЧИГУ. Виталий Борисович читает нам курс археологии. Лектором он был прекрасным и рассказывал не только о древних артефактах, но и о людях, с которыми ему довелось работать в экспедициях, с особой теплотой он говорил о своих учителях — преподавателях из МГУ им. М.В. Ломоносова. В его кружок записалась половина курса. Но одного желания было мало. Предстоял отбор, который заключался в том, что В.Б. Виноградову надо было задать один вопрос, после чего следовал встречный вопрос (что можно было узнать из этой экспресс-беседы, одному шефу было известно). Затем каждый выбирал тему и освещал ее на 10 страницах. Счастливчиков осталось немного. Началась интереснейшая работа над темами. Шеф (так наши старшие товарищи называли Виталия Борисовича, так стали говорить о нем и мы) сам всегда был в работе, его интересовало все, что касалось дореволюционной истории Кавказа, он дружил и активно обменивался литературой с историками автономных и союзных республик, краев и областей. У него была прекрасная библиотека, на которой выросло не одно поколение археологов, этнографов, историков. Беседы всегда проходили в его кабинете, он умел зажечь интерес к теме и поддерживал его. Я всегда уходила от Шефа с книгами, которые он давал на время или дарил, и с желанием работать дальше.

Какую радость вызвали публикация первых тезисов, поездки в Москву, Краснодар, Махачкалу (где я до этого никогда не была) на первые студенческие конференции! Шеф передал мне навыки научной работы, умение письменно и устно отстаивать свою позицию.

С 1974 года я стала принимать участие в археологических раскопках. Их вели и старшие ученики Шефа. Так я познакомилась и подру-

жила с В.А. Петренко, С.Л. Дударевым, Х.М. Мамаевым, Р.А. Даутовой и др. Трудности полевых исследований сочетались с песнями, шутками, розыгрышами. Здесь в достаточно суровых условиях в отрыве от «цивилизации» (все необходимое несли в рюкзаках, связи с «большой землей» не было, пищу готовили на костре и т. п.) каждый был как на ладони. Те, кто проходил такие испытания, становились не просто кружковцами, но и друзьями по жизни. Для меня было счастьем встретить в коллективе С.А. Голованову, К.З. Махмудову, Б.Б.-А. Абдулвахабову, Т.Н. Нераденко, С.Д. Шаову... А сколько трудностей было преодолено вместе с Я.Б. Березиным, Д.Ю. Чахкиевым, С.В. Бурковым, С.В. Махортыхом, С.Н. Савенко... Все они для меня родные люди. Мы можем долго не видеться, но встречаться так, как будто расстались вчера.

Если для студентов общение в кружке Виноградова было достаточно частым, да и в вузе мы виделись постоянно, то для выпускников, которые работали, как правило, в школах, времени для коллективного общения практически не оставалось. И для работающих кружковцев Шеф придумал новый формат общения — Кавказоведческий семинар. На его ежемесячные заседания приезжали и молодые специалисты из соседних республик. У Шефа было удивительное чутье на людей. Если он говорил, что из этого юноши или девушки получится специалист в области истории, археологии, этнографии, можно было не сомневаться, что так оно и будет. На семинаре наши гипотезы и выводы проходили проверку. Обсуждения тем были очень интересными и полезными. Сам Шеф генерировал новые, порой парадоксальные идеи. В этом плане для меня он стал ярким примером поколения шестидесятников, которые были внутренне свободными, не боялись в спорах с друзьями и недругами отстаивать собственную точку зрения.

Моя первая лекция в вузе также произошла благодаря Шефу. Он сильно простудился, потерял голос и попросил меня провести лекцию, посвященную аборигенам Австралии (он читал и этнографию). Я в тот момент готовилась к сдаче кандидатского минимума по этой специальности. Было страшно выступать перед большой аудиторией, но Шеф был рядом, он в меня верил, и я просто не могла его подвести.

Шеф определял, в каких Советах нам лучше защищаться, причем их география была весьма обширна (Тбилиси, Ленинград, Киев, Москва...). Мне был предложен Совет по этнографии в МГУ им. М.В. Ломоносова. Но для начала надо было сдать соответствующий экзамен. С этим оказался связан эпизод, который Шеф потом рассказывал на своих лекциях. Дело в том, что третьим вопросом на экзамене по специальности был реферат на тему, которую давали в самом Совете. Мне досталось африканское государство Мономотапа. Поиск литературы в библиотеках ничего не дал. Но Шеф нашел вы-

ход из этой, казалось бы, безнадежной ситуации. Он написал письма своим знакомым с просьбой поискать в своих библиотеках и прислать хоть что-нибудь по этому государству. И бандероли с книгами и оттисками пришли! Все они были на английском языке. Меня выручила подруга — преподаватель английского. В общем, реферат был вовремя написан, а книги по почте возвращены. Приводя этот пример, Шеф убеждал студентов в том, что нет безвыходных положений, что девушка из провинции может написать реферат по сложной теме, сдать экзамен, а затем и защититься в МГУ.

Получив диплом кандидата исторических наук, я, по совету Виталия Борисовича, перешла работать в Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт. Здесь был написан план будущей докторской диссертации, начался сбор материалов по теме. Мое общение и совместная работа с Шефом продолжились. Беседы с ним просто окрыляли. Я больше не встречала человека, который бы умел так мотивировать других, при этом бескорыстно помогая им в работе.

Конец 80-начало 90-х гг. были очень тяжелыми в моральном плане. Началось переписывание местной истории, травля Школы, которая всегда отстаивала идеи добрососедства, сотрудничества народов региона. По этому поводу Шеф говорил студентам, что если кому-то интересна только война, вражда и пр. — это не к нам, ищите себе другие коллективы и других научных руководителей. Отсутствие какой-либо помощи и поддержки со стороны местных и центральных властей, разгул бандитизма и др. вынудили большую часть населения г. Грозного покинуть свою малую родину.

Мой переезд в Армавир произошел благодаря Шефу, которому удалось найти вуз, где можно было трудоустроить часть коллектива. Все мы оказались без собственного жилья. Это была какая-то борьба за существование. Но и в этих условиях Шеф работал, показывая нам пример того, что и в весьма стесненных условиях студенческого общежития можно писать статьи и книги. Он начал воссоздавать Школу, занимался со студентами, из которых впоследствии выросли дипломированные специалисты.

Моя семья в 1992 г. решила строиться в селе близ Армавира (муж, работая в колхозе, бесплатно получил земельный участок). Все, кто строился, понимают, что в процесс строительства достаточно легко войти, но очень долго невозможно выйти. Но Шеф верил (и эта вера нам передавалась), что нельзя останавливаться, надо расти. И те, кто приехал в Армавир, успев или не успев защитить кандидатские диссертации, в начале XXI века стали докторами наук (С.Л. Дударев, С.А. Голованова, Е.И. Нарожный, Б.В. Виноградов). Что касается меня, то с середины 90-х гг. Шеф уговаривал меня продолжить работу над докторской. Но для этого, как я считала, не было ни времени, ни сил. Не знаю,

как бы развивались события дальше, но летом 1999 г. Виталий Борисович сказал, что в вузе открылась докторантура, и он берет меня своим первым докторантом. Что называется, поставил перед фактом. Теперь уже пришлось оставить все другие дела и погрузиться в тему. Как всегда, научные консультации Шефа придавали процессу написания работы серьезное ускорение. Защита прошла успешно и вскоре у меня появились ученики, которым я старалась передать все то, чему научилась у своего Учителя.

Сегодня мне его очень не хватает. Не хватает его мудрых советов, слов поддержки и участия. Ведь больше 40 лет мы были рядом, были вместе... И о каких бы главных вехах своей жизни я не вспоминала, обязательно встает образ наставника, Человека с большой буквы — Виталия Борисовича Виноградова.

С. Н. САВЕНКО

(г. Кисловодск, РФ)

«Десятый кандидат», или «круглые» годы,
дела и люди в судьбе Учителя

Это происходило не в «круглом», как я называю знаменательные (не всегда со знаком «плюс»), кратные 5-ти даты и события человеческих биографий и историй сообществ и организаций. Ни для меня, ни для моего профессионального научного наставника Виталия Борисовича Виноградова, ни для общей хронологии, нелегкий «взбудораженный» 1989 год «круглым» не был. В так называемой «Морковке» — общежитии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, в небольшой комнате за скромным праздничным, по крайней мере, для нас с научным руководителем, столом завершался летний вечер 5 июня. Это был День моей далеко непростой защиты кандидатской диссертации. Рядом были оппоненты, ученый секретарь специализированного диссертационного совета Л.Б. Заседателява (к большому сожалению, ушедшая из жизни на 88-ом году в январе завершившегося 2022 г.) и несколько других участников действия. Во главе стола, был, конечно, Шеф — исключительно талантливый, умелый и веселый тамада. И вот, в первом слове Виталий Борисович сказал запомнившуюся мне полушуточную и полусерьезную фразу о том, что я его «круглый» десятый кандидат и, что он мысленно был готов, что одна из десяти защит диссертаций могла быть и неудачной, и это можно было бы оправдать объективными и субъективными обстоятельствами. Но срыва не случилось, и он искренне этому рад! Веселье прошло тепло и приятно, и все присутствующие уверенно поздравляли «десятого кандидата». Но время начинавшегося кризиса перестройки действительно вносило свои коррективы. Несмотря на положительные и даже высокие оценки работы в отзывах научного руководителя, основного оппонента д.и.н. В.Б. Ковалевской и других маститых ученых и коллег, утверждение моей защиты в ВАКе СССР потом явно затянулось до рубежа 1989 – начала 1990, т.е. «круглого» календарного, и еще более трудного года... Но, все по порядку.

Свои, неоднократно уже публиковавшиеся, сюжеты воспоминаний о Виталии Борисовиче Виноградове (1938–2012) — высокообразованным крупном ученом-кавказоведе широкого спектра интересов, знаний и больших профессиональных способностей в области различных научных направлений [1], прекрасном вузовском преподавателе и

организаторе неординарной научно-педагогической Школы, увлеченном и всегда увлекающим слушателей лекторе и собеседнике с явными склонностями и талантами в области литературы, поэзии и музыкально-песенного искусства, ярком светлом человеке и моем Учителе, я обычно начинаю с августа 1970 года. Тогда мне не еще приходилось видеть его воочию, но я слышал добрые высказывания о нем буквально с первых заседаний Кисловодской археологической секции (КАС) с моим участием. Эти слова принадлежали моему самому первому проводнику в археологию — краеведу и любителю древностей Николаю Николаевичу Михайлову (1902–1971). 120-летие этого моего Учителя было отмечено в ушедшем году в Пятигорском краеведческом музее, где я работаю на разных должностях последние 13 с половиной лет. Николай Николаевич сравнивал отношение к себе и его подопечным ребятам из созданной им в 1957 г. археологической секции (всегда гордился и горжусь тем, что я ее ровесник по возрасту и один из последних по времени вступления действующих членов) со стороны ученых, с которыми ему довелось сотрудничать. На этом фоне, далеко не самом благожелательном для других, Виталий Борисович выглядел особенно положительно. Речь шла о его открытости, контактности, доброте и порядочности, а также запоминающейся благодарности. Последняя выражалась не только в, казалось бы, простых ситуациях оплаты за проживание членов отряда экспедиции в беседке возле дома Николая Николаевича и Марты Кузьминичны Михайловых. Более важным являлось то, что из десятков остепененных ученых, которым Н.Н. Михайлов бескорыстно предоставлял данные о памятниках и археологические материалы, только В.Б. Виноградов, кроме ученика Николая Николаевича Г.Е. Афанасьева, взял его в соавторы научных отчетов и опубликованных статей [2,3]. А «круглым» обстоятельством для В.Б. Виноградова было то, что он впервые приехал с возглавляемым им собственным археологическим экспедиционным отрядом в Кисловодск и лично познакомился с Н.Н. Михайловым и пятигорским краеведом — любителем археологии Андреем Петровичем Руничем (1911–1986) в год своего 30-летия.

За 5 лет до этого в более раннем «круглом» 1963 году вышла в свет диссертационная монография 25-летнего перспективного исследователя [4], вторая коллективная библиографическая книга [5] и стал постепенно зарождаться коллектив его будущих Кружка и Школы. Когда я в «круглом» календарном 1975 году все же поступил на исторический факультет Чечено-Ингушского государственного университета (ЧИГУ) со второй попытки и сразу влился в археологический кружок профессора В.Б. Виноградова, то первым его ценным подарком мне стала, хранящаяся в моей библиотеке основательно зачитанная книга о сарматах Северо-Восточного Кавказа с доброй дарственной надписью: «Дорогому Сереже Савенко с пожеланиями успехов в изучении «скифского»

Пятигорья. 22. XI. 1975». Именно такая тема была сначала определена мне научным наставником.

Если продолжить «открывать» подобные даты и дальше, то и там тенденция знаменательности также работает. Так, в 1958 год своего 20-летия студент истфака и кафедры археологии МГУ В. Виноградов опубликовал первые две научные работы, стал заместителем, а вскоре и председателем оргкомитета начавшей систематически проводится в 1955 г. Всесоюзной археологической студенческой конференции (ВАСК) [6].

На моих глазах и с моим участием прошло еще несколько «круглых» пятюрок и десятков лет в исключительно насыщенной и очень нелегкой личной, научной и общественной биографии Виталия Борисовича. Это были его 40-летие в 1978 г., 45-летие в 1983 г., 50-летие в 1988 г., почти совпадающие с подобными датами его милого и верного спутника жизни с 1958 г. — Людмилы Алексеевны. Почти без исключения все эти даты отмечались в Грозном в различном по числу и составу окружении близких людей, в котором всегда присутствовали его ученики различных поколений. Нередко поздравления осуществлялись в несколько этапов и доходили до времени экспедиций и полевых практик. При этом, абсолютно все из этих лет знаменовалось, не только многочисленными малыми, но и существенными важными делами (обобщающие и ключевые статьи, личные и коллективные книги, научные сборники, конференции, экспедиции, защиты диссертаций учеников и т. п.). Только простое перечисление всего этого займет много места в ограниченной по объему статье [см.: 7, 8 и др.]. Скажу лишь о некоторых из них.

В 1978 г. году все кружковцы были искренне рады тому, что Шеф был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Чечено-Ингушской АССР» и искренне думали, что он самый заслуженный из «Заслуженных». В тот же год в республике впервые организуется аспирантура «под профессора Виноградова». До этого она действовала на базе Северо-Осетинского госуниверситета им. К.Л. Хетагурова*. 21–22 сентября в Грозном на базе республиканского НИИ и Университета прошла 2-я крупная Всероссийская конференция по истории исторической науки Северного Кавказа и Дона [9], в процессе подготовки и проведения которой стало более глубоким сотрудничество В.Б. Виноградова и авторитетного академика АН СССР А.Л. Нарочницкого, активно продолжавшееся фактически до смерти академика летом 1989 г. С 1978 г. был связан и еще один отрадный для меня факт — шеф впервые взял меня в соавторы научной информации по итогам полевых работ 1977 г. в районе с. Мартан-Чу в ЧИАССР в столичный сборник «Археологические открытия» [10].

* К сказанному добавим, что первым учеником В.Б. Виноградова, поступившим к нему в 1975 г. в аспирантуру по археологии при СОГУ им. К.Л. Хетагурова, был В.А. Петренко, вторым в 1977 г. — автор данного примечания (Ред.).

На 1983 год пришлось очередное ухудшение здоровья Виталия Борисовича и серьезная операция в Москве. Это, конечно, сказалось на активности работы Шефа, но несколько не ослабило процесс публикации многочисленных работ (статей, брошюр, сборников под редакцией и т. п.), общее количество которых превысило уже 300 позиций. Среди них наиболее значимым было написание разделов нового варианта первого тома «Истории Чечено-Ингушской АССР», в котором я также участвовал, но скрыто — без указания фамилии. В кружке появлялись все новые неординарные члены, среди которых была и Аэлига Мирзоянц (Буркова) — разносторонне способная студентка, позднее — московский журналист и радиоведущий, написавшая именно в 1983 г. неплохое стихотворение о В.Б. Виноградова как нетипичном любимом преподавателе (см. ниже). В 1983 г. несколько отрядов Предгорно-плоскостной археологической экспедиции вели напряженные полевые исследования в различных районах республики, о чем свидетельствует, в частности, обширная публикация в газете «Грозненский рабочий» [11]. Тогда проводились разведки, легшие в основу создания в 1986 г. хозрасчетной археологической лаборатории Университета.

1988 год ознаменовался небывалым количеством опубликованных разнообразных научных работ В.Б. Виноградова за год — 48! В их числе были: юбилейная научно-популярная книга «Памяти вечная нить» (Грозный, 136 с.), разделы в монументальный академический труд «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века» (М., 544 с.), заслуженно считающийся итоговым трудом советской науки по данной тематике, серия подготовленных, отрецензированных и отрецензированных сборников и многое другое. В научной проблематике этого года оставалась ключевой, определившаяся с начала 1980-х гг. тема русско-северокавказских связей и добровольного вхождения местных народов Чечено-Ингушетии и всего региона в состав России. Она особенно превалировала по числу тематических сборников, методических разработок, программ и брошюр 1988 г., хотя полемика на ее поле уже явно нарастала. Год был связан и с масштабными полевыми работами на курганных могильниках Ачхой-Мартановского района и средневековых памятниках в Горной Ингушетии, которые велись с лета до конца ноября действующей третий год археологической лабораторией под руководством профессора Виноградова и при моем ответственном исполнении. Все чаще приходилось выходить к публике и общаться с не всегда уже доброжелательными представителями коренных народов Республики. Опасающиеся еще возможных неприятностей, лидеры общества «Кавказ» и другие наши оппоненты, примеру — противники строительства Траскавказской перевальной железной дороги через насыщенные археологическими памятниками горы Ингушетии, уже начинали проникать в студенческие аудитории истфака и других факультетов и все более смелели, становясь дерзкими.

Если же еще пройти по «круглым» календарным датам Шефа, то широкое полотно знаменательных событий станет еще более трудно измеримым.

1965 г. — написание разделов и общая рецензия Проспекта Т. 1 «Очерков истории Чечено-Ингушетии»; 1970 г. защита первого ученика С.Ц. Умарова, выход научно-популярной книги «Через хребты веков».

1975 г. — появление первых научно-методических разработок для студентов по археологии.

1980 г. — защита долгожданного второго ученика В.А. Петренко, впервые количество изданных научных работ достигло 25 наименований, вышла книга очерков и краеведческих репортажей «Время, горы, люди», завершение вуза одним из самых многочисленных «выводков» дипломников из числа учеников-кружковцев с опытом научной работы и публикаций — В.Г. Авдиенко, Т.Н. Власовой (Нераденко), С.А. Головановой, С.Н. Савенко, Г.Р. Смирновой, трое из которых со временем остепенились и остались в составе Школы на долгие годы, но одновременно Шефа постигло несчастье — уход из жизни 28.08. еще совсем не старого отца — авторитетного литературоведа Б.С. Виноградова (1910–1980), которого мы все хоронили.

1985 г. — очень продуктивный в научном отношении год выхода 30 разноплановых научных публикаций шефа, проведение второй конференции «Археология и краеведение — вузу и школе», защита сразу двух питомцев — Н.Н. Бараниченко (Великой) и Х.М. Мамаева и другое.

Нужно, конечно, иметь в виду, что и все другие, проходившие между «круглыми» датами 1960-х – 1980-х годов в научно-творческой судьбе В.Б. Виноградова мало чем уступали по насыщенности делами и достижениями указанным, а то и заметно превосходили их.

Но вот наступил напряженный и тревожный 1990 год. Накануне, помимо моей защиты, все мы отработали очередной полевой сезон со студенческой практикой, продолжив хоздоговорные работы до поздней осени, активно были вовлечены в лекционную пропаганду и полемику внутри Университета, отстаивание своих социально-научных позиций в массовых аудиториях, нередко уже с «перекаленным градусом» негативно настроенных слушателей, применявших не только несдержанную обидную устную риторику, но и, порой, прямые угрозы и даже физические методы воздействия. Социально-политическая обстановка день ото дня сжималась в тугую спираль.

В моей судьбе ко всему названному добавилась серия серьезных личных проблем: резкое ухудшение отношений с первой женой, неудачные попытки все исправить, закончившиеся разводом; переживания, поиск и нахождение мною другой близкой души; обострение болезней моих престарелых родителей, которых еще и могли выселить из старого дома в связи с планами его сноса, с не устраивающими их перспективами заселения в более малую по площади квартиру и т. д. и т. п. К концу

года уговоры родителей и вся обстановка стали оказывать на меня воздействие, и я начал обдумывать планы возможного возвращения в Кисловодск, не обсуждая их с Шефом и старшими товарищами.

В самом конце 1989 г. появилось устное известие о том, что моя диссертация утверждена ВАКом и я на радостях оказался в центральном ресторане Грозного с одним из членов нашего виноградовского коллектива, к тому времени уже кандидатом наук — Д.Ю. Чахкиевым и увесистым своим рабочим дипломатом. Отмечая указанную новость и приближающийся Новый год, оказался в очередной исключительно неприятной ситуации, потеряв или оставив где-то все персональные документы и большую сумму экспедиционной зарплаты за выполненные работы. Выход из этой ситуации мне пришлось искать долго и мучительно. Частично выпутаться, как бы я сказал сейчас однозначно, мне помог только Бог. Примерно, через 10–12 дней по телефону (конечно, не сотовому) в университетском общежитии, где я тогда проживал, меня разыскал человек, который где-то «случайно» нашел мои документы, которые я уже начал восстанавливать, и вернул их мне за немалое денежное вознаграждение. О моих деньгах в дипломате он, конечно, ничего не знал.

1990 год мы уже не встречали по сложившейся ранее многолетней традиции вместе с кружковцами и членами, действовавшего еще в 1984 года «Кавказоведческого семинара». Я собирался вскоре отбыть, сначала в Кисловодск на время каникул студентов, а потом в МГУ им. М.В. Ломоносова на первую и единственную, до конца не пройденную мою стажировку в качестве молодого преподавателя Университета. Поздравляя и провожая меня в разговоре по телефону, Виталий Борисович старался быть по обыкновению добрым и дружественным ко мне, надеясь на то, что мы вместе в наступившем году продолжим стойкую борьбу, выстоим и все преодолеем. Но время неминуемо резко менялось, и Шеф, конечно, все понимал, а о моих размышлениях и колебаниях он, может быть, догадывался, но виду не подавал.

Виталий Борисович часто писал мне открытки в январе – феврале 1990 года, сначала в Кисловодск, а потом в Москву. В них, на первых порах (21.01), содержались деловые поручения, добрые слова и лестные высокие оценки подготовленной мной очередной развернутой программы спецкурса по элементам материальной и духовной культуры народов Северного Кавказа, в которую ему даже «захотелось попроситься (ко мне) в соавторы». В начале февраля под редакцией Шефа была опубликована наша с С.Л. Дударевым программа «История сельского населения и крестьянства Северного Кавказа (с древнейших времен по XV в.)» (Грозный, 23 с.), отредактирована и ставшая, между прочим, 500-й работой в списке научной продукции В.Б. Виноградова [12].

Но постепенно стиль содержания открыток менялся (11.02, 19.02). Я превращался из «дорогого Сережи» или «Сергея», просто в Сергея, ко мне направлялись упреки за задержки исполнения и невыполнен-

ные поручения, продолжительное молчание и т. п. Шеф сокрушался, что я не закончил и не передал ему еще одно методическое пособие по теме «Основные этапы истории мировой и отечественной художественной культуры древности и средневековья (изобразительное искусство и архитектура) на материалах Северного Кавказа», которое я написал в значительном объеме (ок. 60с.) от руки и на печатной машинке, но не в состоянии был закончить и оформить. Эта рукопись и сейчас в таком же виде, как и в 1990 г., лежит в моем рабочем столе. Шеф продолжал сообщать о том, что дела на кафедре быстро усложняются, что я нужен, что возможно меня будут вызывать с ФПК. Он даже опасался, что с ним может случиться «...полная отключка», о чем пока ему не хотелось думать. Накал содержания переписки нарастал.

Одновременно Виталий Борисович интересовался моими делами в ВАКе и надеялся, что все будет хорошо. Решение состоялось только 21 февраля, а дело с получением кандидатского диплома не удавалось и позже. Забрать я его смог только в апреле уже в качестве директора Кисловодской средней школы №4. Но во вновь очень добром письме от 23.02. мой руководитель выражал искреннюю радость, что ВАК утвердил мою защиту, говорил, что это «...полная и ясная победа!!!» и хорошо, что «перестройка» не дошла до этих дел и не напортила всего. Виталий Борисович сообщал, что на истфаке будет вывешено «Объявление — поздравление», что я «очень способный человек, и если некоторые черты (моего) характера не нанесут непоправимого вреда, должен стать фигурой крупной и сильной...». Потом шла откровенная характеристика тяжелой обстановки в Университете, городе, Республике. Уже шли бойкоты лекций по «Истории ЧИАССР», «Комсомольское племя» с новым редактором опубликовало «мерзейшие материалы», шла их интенсивная пропаганда деятелями «Фронта...» и «Мемориала» в школах и на других факультетах и т. д. Один сюжет письма я хочу процитировать дословно, по причине его важности для истории коллектива, ЧИАССР, да и всей страны: «...Стойко держатся наши «лабораторные» студенты, сама кафедра, ее лучший актив. Отступать некуда — мы решили стоять до конца, с истфаком не воссоединяться вплоть до увольнения, суда, чего угодно. А сегодня — 23 февраля (День Сов. Армии, День памяти трагедии выселения, День защиты в 1973 г. моей докторской диссертации). В городе и Республике страшное напряжение. Чем оно кончится, Бог весть, хотя я всегда верю в трезвость и мудрость людей. И оболванить всех нельзя! Мне весьма не хватает тебя, ибо в такую пору всегда нужен рядом надежный и готовый к борьбе. Но... м.б. чем-то ты и оттуда поможешь...».

Все это мне было одновременно и приятно, и очень тяжело читать. Я, конечно, сильно переживал, чувствовал себя вынужденным предателем, думал даже отказаться от готовящейся уже перемены места жительства. Но родители продолжали взывать ко мне, переживая и за меня, и за себя, и другие мои доброжелатели в Кисловодске в тоже время

сообщали, что вот-вот все решиться в горисполкоме вопрос с возможностью моей прописки у родителей и сразу придет вызов на должность директора СШ №4.

Шеф в начале марта уехал на оппонирование защиты в Киев. Я тогда же срочно выехал из Москвы в Кисловодск к находящейся при смерти моей бабушке Савенко (Котоминой) Александры Михайловны (1907–1990). Затем по телеграмме оформил увольнение из Университета, что прошло неожиданно легко, и уже 12 марта прописался и вышел на работу в школу.

По случайному (!?) совпадению именно 12 марта была подписана последняя моя научная работа в ЧИГУ — та самая развернутая программа спецкурса о «чертах культуры...», которая так понравилась Виталию Борисовичу, что он захотел стать и стал ее соавтором [13]. В опубликованной в конце февраля Программе работы научно-методического «Кавказоведческого семинара» на 1990 год еще значился мой доклад на заседание 29 декабря по теме «Раннесредневековая бронзовая пластика Северного Кавказа» как члена бюро Семинара и ассистента межвузовской кафедры истории народов Северного Кавказа.

18.03. мне была направлена еще одна открытка от Шефа. По тону и общему настрою, она была прежней. В ней чувствовалось понимание моего очень непростого положения. Только в коротких фразах было прямое сожаление: «Ты уехал, не попрощавшись? Или не смог соединиться по телефону?..». Затем дружеские вопросы о родителях, о работе... и даже надежда: «...М.б. быстренько соорудишь команду школьников для участия в нашей «Студенческой олимпиаде? Вот бы было ново! И поторапливай Ставрополь с тезисами. Наши уже подготовили... Звони, пиши, не исчезай! Привет всем. Твой шеф». Но, на деле, все было, конечно, было сложнее. Виталий Борисович говорил мне ранее о том, как он может становиться внешне особенно спокойным в исключительно непростых ситуациях, что становилось странным даже для него самого.

После этого, вполне объяснимо, переписка и контакты с Шефом были прерваны почти на год. Меня осуждали не только Шеф, но и все его близкое окружение. Я тяжело переживал эту ситуацию, понимая, что сам выбрал данный путь под действием различных факторов и обстоятельств, но периодически сомневался в правоте своего шага. Впадал в мистику и нумерологию, стал даже, как, когда-то в детстве, думать о возможной смерти в 33 года, о чем писал в своем личном дневнике. Но от всех таких тяжелых мыслей меня отвлекали загруженность делами по работе, новая женитьба, быстрая и глубокая втянутость в общественно-политическое движение населения города и курортного региона бурного 1990 года.

Но в начале 1991 г., а конкретно на Старый Новый год, Шеф вспомнил обо мне и отправил на мой адрес свою новую, совместную с А.Б. Депуевой, изданную в Нальчике в 1990 г. книгу о старинных монетах как

«свидетелях прошлого» [14]. На ней была обнадеживающая для меня дарственная надпись: «Дорогому Сергею Савенко со староновогодними поздравлениями и дружбой. 13.01.1991 г.». Эта книга была одной из 28 изданных Виталием Борисовичем работ столь трудного, но по-прежнему для него «урожайного» «круглого» года. После этого все снова начало налаживаться. В конце указанного 1991 г. я принимал Шефа у себя в городском краеведческом музее, заведующим которым стал 1 августа, и мы даже обсуждали тему возможного переезда его и части ребят-коллег на Кавминводы или в Ставрополь и устройства в штат краевого музейного объединения, о чем мне уже доводилось писать [15].

В Армавире прошел продолжительный и также насыщенный делами второй, более короткий, но не менее насыщенный и продуктивный, этап жизни В.Б. Виноградова. В нем тоже были многие «круглые» даты биографии, важных событий и достижений. Мне доводилось участвовать далеко не во всех. Но о некоторых я знал не понаслышке, а по личным письмам юбиляра, в которых содержались описания, объяснения или приглашения. В завершении данного очерка процитирую некоторые из десятков писем Шефа 1990–2000-х годов из Армавира.

«04.04. 1993 г. Сережа, милый! Сегодня на кухне нашего этажа в 14.00 по случаю завтрашнего — послезавтрашнего моего и Людиного 55-летия соберется все наше «тутошнее» землячество» — остатки нашей Школы = семьи... Напоемся и навоспоминаемся!!! И твоя посылка (с тезисами) — прямо в десятку: будет, что подарить людям... Вчера местная газета от лица своих журналистов очень тепло поздравила меня на своих страницах... А я все думаю: ведь вот дожили до 55-ти!? Теперь еще нужно, стиснув зубы, дожить до открытия кафедры, на которой должны собраться и я, и Сергей¹, и Женя², и Борис³, а в перспективе м.б. и Фарида⁴, и Света⁵! Вот какие планы... Обнимаю. Твой шеф».

«10.03. 1998 г. Дорогой Сергей! Спасибо за прекрасную книгу и доброе письмо. Вот ты уже приобретаешь к впечатлениям «текущего политика», а Алексей еще нет... Относительно идеи приезда «экипажа». Пожалуйста, не предпринимай ничего подобного в ближайшие месяцы. По ряду весьма серьезных обстоятельств я отказался от юбилейных чествований и собираюсь с Людой в последнюю неделю марта уехать в Тверь к моему единственному брату — Паше и, Бог Даст, побыть у него до середины апреля...».

И последняя записка: «13.03.08 г. Сережа, дорогой! Вызываю и жду тебя 6 апреля (в субботу) в 11-00 в аудиторию №18 главного корпуса

1 С.Л. Дударев.

2 Е.И. Нарожный.

3 Б.В. Виноградов.

4 Ф.Б. Рахимкулова, супруга Е.И. Нарожного.

5 С.А. Голованова (прим. 1–5. — Ред.).

АГПИ... и все мы тебя непременно ждем! На этот сбор я зову и Юру Клычникова. Может сговоритесь ехать вместе? Но обязательно... Боюсь, что это последний для меня юбилей, который мы не позволим нам... (испортить). Не должны! Всю твою семью целую и обнимаю. Твой шеф».

В 70-летию В.Б. Виноградова в 2008 году я участвовал со многими моими ровесниками, старшими и младшими «Школьниками». И этот юбилей действительно стал его последней «круглой» биографической датой. До 75-летия ему дожить уже не пришлось. Но наши конференции продолжают эту линию «круглых» дат и служат достойной данью памяти нашего Учителя, звание которого несомненно должно писаться с большой буквы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Историк — кавказовед Виталий Борисович Виноградов (штрихи к профессиональному портрету) Российские исследователи Кавказа. Серия истории археологии, этнографии. Вып. 23 / составители: Т.С. Вихренко, А.Н. Довгань, И.А. Дьяков, И.С. Шевченко; под ред. академика РАН В.Л. Янина. Москва; Армавир: АГПУ, 2006. 44 с.
2. Виноградов В.Б., Михайлов Н.Н. Новые памятники скифо-сарматского времени в районе г. Кисловодска // Археологические открытия – 1969 г. Москва: Наука, 1970. С. 97.
3. Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н. Новые данные о кобанской культуре Центрального Предкавказья // Археолого-этнографический сборник. Вып. IV. Грозный: ЧИНИ-ИИЯЛ, 1976. С. 29–63.
4. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Труды Чечено-Ингушского НИИ при Совете министров ЧИАССР. Т. VI / под ред. К.Ф. Смирнова. Грозный, 1963. 224 с.: ил.
5. Виноградов В.Б., Лосев И.К., Саламов А.А. Чечено-Ингушетия в советской исторической науке (критико-библиографический обзор). Труды Чечено-Ингушского НИИ при Совете министров ЧИАССР. Т. VIII / отв. ред. канд. ист. наук З. А.-Г. Гойгова. Грозный: [б. и.], 1963. 82 с.
6. Краткая летопись жизни и деятельности Виталия Борисовича Виноградова (р. 5.04. 1938 г.). Составители: Т.С. Вихренко, М.В. Осипцева, И.Г. Черноусова. Москва; Грозный; Армавир: Кавказоведческая школа академика В.Б. Виноградова, 2008. С. 3.
7. Краткая летопись жизни и деятельности Виталия Борисовича Виноградова... 2008. 20 с.
8. Виталий Борисович Виноградов. Биобиблиографические сведения. Российские исследователи Кавказа. Серия истории археологии, этнографии. Вып. 18 / сост.: С.Л. Дударев, Е.И. Нарожный, Ю.В. Приймак; под ред. академ. РАН В.Л. Янина. Армавир, 1998. 104 с.
9. Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2. Материалы всероссийской научной конференции, 21–22 сент. 1978 г., Грозный / редкол.: А. Л. Нарочницкий (отв. ред.) и др. Грозный: Чеч.-Инг. ин-т истории, социологии и филологии, 1980. 204 с.
10. Виноградов В.Б., Савенко С.Н. Исследования в низовьях р. Мартан // АО – 1977. Москва: Наука, 1978. С. 111–112.
11. Виноградов В. Сквозь завесу веков // Грозненский рабочий. 1983 г. 04.09.
12. Виталий Борисович Виноградов. Биобиблиографические сведения... С. 56.
13. Следы материальной и духовной культуры населения Северного Кавказа в трудах зарубежных и отечественных авторов Хначала XIX века. Программа спецкурса / составители В.Б. Виноградов, С.Н. Савенко; отв. ред. проф. А.И. Мусукаев. Грозный: ЧИГУ, 1990. 30 с.
14. Виноградов В.Б., Делпуева А.Б. Старинные монеты — свидетели прошлого. Нальчик: Эльбрус, 1990. 80 с.
15. Савенко С.Н. Размышления о юбилеях, общем деле, соратничестве, взаимоподдержке и дружбе: к 60-летию кавказоведа, доктора исторических наук Евгения Ивановича Нарожного // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Краснодар: Непубличное акционерное общество «Наследие Кубани», 2020. С. 368–369.

Н. М. ЕРЁМИН

(г. Губкин, РФ)

В.Б. Виноградов — друг, соратник и наставник!

В вышедшем в 2003 году научно-справочном издании «Российское казачество» впервые в России было проанализировано современное становление казачества, формирование правового поля и государственной политики в отношении казаков [1]. На странице 814, где названы печатные сборники, посвящённые истории казачества за 1990 год (а их всего шесть) упомянуты и, принадлежащие моему перу, набранные в газетной типографии тиражом в 999 экземпляров археолого-этнографические и историко-культурные очерки «По указу Петра». Не касаясь содержания работы, обращаю внимание читателя на то, что послесловие «Шаг к возрождению казачьего краеведения» было написано доктором исторических наук, профессором Чечено-Ингушского государственного университета имени Л.Н. Толстого Виталием Борисовичем Виноградовым, с которым в то время автора этой статьи уже связывала многолетняя дружба и тесное научное сотрудничество. Примечательно, что редактор подчеркнул: «...вышедшие очерки... следует воспринимать как первую ласточку, вновь призываемого к жизни опыта местных краеведов, бескорыстных энтузиастов из числа тех, для кого научные изыскания являются не служебной обязанностью, но святым человеческим долгом перед давно ушедшими поколениями земляков и пытливостью наших современников» [2].

Забегая вперед, можно отметить, что именно в изданных тогда очерках удалось не только установить и официально зафиксировать в органах местной власти историческую дату основания Шелковской — 1718 год, найти имена её основателей и благоустроителей, но и сохранить упоминания и ссылки на архивные источники Чечено-Ингушского государственного архива, уничтоженного в ходе военных действий на территории республики. Впервые была описана история создания в 1793 году и предназначение русской крепости Шелкозаводской.

90-е годы XX века оказались трагическими для судеб многих людей и нашей Родины России. Однако из Белгородской области, где обосновалась наша семья, протянулась духовная и научная связь общения с Кубанью, где в городе Армавире, Армавирском государственном педагогическом институте (как главный армавирский вуз назывался тогда) разместились Школа профессора Виноградова В.Б. В 1995 году мне удалось организовать туристическую поездку в Пятигорск и по пути встре-

титься с Виталием Борисовичем. «Кто из нас забудет, как в день 30 летнего юбилея грозненской (нашей) научно-педагогической школы в апреле 1995 года уже здесь в Армавире, внезапно распахнулись двери зала и стеснительной улыбочивой гурьбой вошли в него два десятка губкинских школьников во главе с Николаем Михайловичем и двумя его дочерями?! Как выступил он, напомнив, что деятельность в изучении в изучении низовьев Терека «служила защите интересов Российского государства в данном регионе...» [3] — это строки из брошюры-персоналии, где «...действительный член Международной Академии информатизации и Академии истории и политологии, заслуженный деятель наук Российской Федерации и Чечено-Ингушской АССР, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Армавирского ГПИ, многолетний наставник и друг Н.М. Ерёмина, незаурядного краеведа, посвятившего своему учителю одну из своих последних брошюр «Вечная связь времён». У них обоих судьбы (при всём нынешнем различии) похожи тем, что пронизаны неугасимым желанием служить истории Отечества и её людям, служить реальными делами, повседневным обращением к той чистой, патриотической духовности, которая воспитывается с младых ногтей» — так оценил выход этой работы наш соратник С.Л. Дударев [3].

Средством общения с Виталием Борисовичем в те годы были письма и телефонные контакты, которые помогали мне в исследовательской и педагогической работе. Эта связь существовала практически до осени 2012 года... Именно тогда было задумано по его рекомендации написать мной монографию «Обустройство левого фланга Кавказской линии (участок Гребенского полка)» [4]. Эта особая страница наших взаимоотношений и о них ещё предстоит рассказать в следующий раз.

Пусть может быть и нескромно (речь в последующих строках вновь пойдёт обо мне), но для понимания заботы и внимания нашего ШЕФА и наставника о ВСЕХ ЕГО молодых кадрах историков и педагогов, раскрываются в его очередном редакторском отклике: «...в первом месяце наступивших Нового года (2000), Века и Тысячелетия — к заинтересованным читателям, черпающим информацию, мысли, идеи, наконец, методику конкретных действий, придёт второй выпуск серии под заглавием «Вперёд, кадеты!». Меня глубоко взволновало, что это самое «Вперёд!» автор воплотил в виде небольших, удивительно искренних, душевных очерков и зарисовок, посвящённых незабываемым страницам и лицам истории Белогорья и Всея России... и той проникновенности к ней, которую воспитывают радетели русской тысячелетней славы в своих питомцах... Без осознания, прочувствования, сопереживания истории своего края, народа, Отечества невозможно движение вперёд, неосуществим назревающий прорыв в очередной, предугадываемый период подъёма и расцвета России. Не состоится он

и без очистительной силы и жертвенного зова истинного преподавателя истории, каковым пожизненно является мой давний друг и соратник Николай Михайлович Ерёмин — директор СОШ № 17 города Губкин, отличник народного просвещения РФ, атаман оскольских казачков, создатель первых кадетских классов в системе общего образования города Губкин. За всей этой впечатляющей титулатурой стоит яркая и кипучая жизнедеятельность незаурядного педагога и историка — краеведа сперва на казачьих берегах Терека, а затем на святой земле Белогорья. Причём и там, и здесь реализуется неотрывная принадлежность к нашей, заметной на юге России научно-педагогической Кавказоведческой Школы. Пусть набирает силу и служит людям прекрасная серия брошюр, которые я благословляю в долгий путь педагогического, нравственного воздействия на русских людей и их вековых партнёров в традициях единого государства!» [5].

Это пожелание моего наставника и научного руководителя воплощается в жизнь и ныне. 25 октября 2022 года в стенах Российской государственной библиотеки (Москва) состоялся международный форум «Казачество сквозь века», где после выступления мной было передано в фонд хранения более десятка печатных изданий на написание которых благословил Виталий Борисович Виноградов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российское казачество. Научно-справочное издание / отв. ред. Т.В. Таболина. Москва: изд-во РАН ИЭА, 2003. 880 с.
2. Ерёмин Н.М. По указу Петра. Археолого-этнографические и историко-культурные очерки станицы Шелковской. Шелковская 1990. 33 с.
3. Виноградов В.Б. Ерёмин Николай Михайлович. Северокавказские историко-краеведы. Вып. 2. Био-блиографический очерк. Губкин; Армавир, 1997. 12 с.
4. Ерёмин Н.М. Гребенской участок Кавказской линии в конце XVIII–XIX вв. Белгород изд-во «Константа» 2014. 176 с.
5. Ерёмин Н.М. Вперёд кадеты! / под ред. Виноградова В.Б. Губкин, 2001. 40 с.

А. А. ЦЫБУЛЬНИКОВА

(г. Армавир, РФ)

Расскажи мне «Акинак»...

Одной из славных традиций, которую привез профессор Виталий Борисович Виноградов со своими учениками к нам на Кубань, было издание газеты Кавказоведческой Школы под названием «Акинак». В Грозном она вначале была типичной студенческой стенгазетой, потом печаталась в многотиражке ЧИГУ им. Л.Н. Толстого «За педагогические кадры», а в Армавире окончательно превратилась в полноценную газету. На заголовке газеты был изображен скифский меч-акинак, в честь которого она и была названа (см. фото 1).

Традиционно в этой газете публиковали поздравления коллегам с юбилеем или успешной защитой диссертации, сообщали о научных открытиях и новейших изданиях, давали возможность студентам рассказать о своих впечатлениях от археологической практики, а так же публиковали тексты старых студенческих песен (чтобы позже спеть их вместе со студентами под гитару).

Апрельский номер 2008 года был целиком посвящен 70-летию Виталия Борисовича. В этом номере ученики, соратники, коллеги опубликовали свои воспоминания о знакомстве с этим удивительным человеком, высказали свои самые искренние поздравления Юбиляру. В моем архиве сохранилась часть из этих публикаций, в том числе и моя. Перечитывая заметку себя 30-летней я, вдруг, задумалась, насколько для каждого из нас Шеф был особенным, ни таким как для других. Перечитывая свое поздравление, я снова окунулась в ту атмосферу, когда Шеф еще был жив и казалось, что вся твоя интересная насыщенная жизнь крутится только вокруг него и благодаря ему. Разрешите поделиться и с вами этой чудесной атмосферой.

«70 лет — это много, и к каждому эта дата приходит по-разному. К кому-то полным разочарованием и усталостью от жизни, озлобленностью и нетерпением ко всему молодому. А к настоящим Учителям этот день приходит очередным прорывом вперед — к поиску новых вершин и раскрытию новых молодых талантов. Вот такой юбилей у моего Шефа.

Я думаю, что редкий человек — из тех, кто знает Виталия Борисовича только по его научному творчеству — догадывается, что всю эту кипучую, школообразующую деятельность ведет человек

ГАЗЕТА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
КАВКАЗОВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
АКАДЕМИКА В.Б. ВИНОГРАДОВА

Как лезвие меча, история даинна,
Но память коротка ее, как рукоять.
Послужит лишь тому оружием она,
Кто сможет рукоять в своей руке зажаты.
(Алим Кешоков, кабардинский поэт)

АКЦИНАК

декабрь
№20
2005 г.

"И ЕСЛИ ТРУБА БУДЕТ ИЗДА-
ВАТЬ НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ ЗВУК,
КТО СТАНЕТ ГОТОВИТЬСЯ
К СРАЖЕНИЮ?"
(Библия)

Праздники, будни, жизнь...

1

2

3

такого солидного возраста. Привыкнув всю свою жизнь быть на пике научной мысли, не склоняться под напором различных антинаучных и антироссийских веяний, Виталий Борисович и сейчас, несмотря на все проблемы возраста (куда от них денешься?) наш «бессменный рулевой».

Вот таким, как на первой фотографии (см. фото 2), я привыкла видеть Шефа большую часть времени — доброго, веселого, обаятельного и безумно увлекающего окружающих. Я сейчас очень ярко поняла принцип, который он сделал одним из основополагающих в своей жизни: «Надо участвовать в судьбах людей!» А ведь действительно, НАДО. Уж кому, как ни нам, «кровинушкам», понимать, насколько слепил наши пути Шеф — на 90% как

минимум. Сейчас даже подумать страшно какой серой и скучной была бы наша жизнь без его участия!

А вот таким, как на второй фотографии (см. фото 3), я видела Виталия Борисовича всего несколько раз за более чем 10-летнее общение. В этом снимке запечатлен весь его несгибаемый внутренний стержень и бескомпромиссность в главном. За это его уважали и ненавидели враги, за это — его уважают и любят друзья.

И еще. Виталий Борисович — это первый «неправильный» профессор, с которым мне довелось познакомиться. Он так прост и доброжелателен в общении, так легко ломает рамки условностей и стереотипы ханжества, что очень быстро забываешь, что перед тобой Профессор, но всеми фибрами души чувствуешь, что перед тобой Учитель.

Поменьше болейте, Шеф, и не теряйте Вашу потрясающую ЖАЖДУ ЖИЗНИ!»

Прошло уже почти 15 лет с того момента, когда мы радостно поздравляли профессора В.Б. Виноградова с его 70-летием. Виталия Борисовича уже давно нет на этом свете, но его дело, его дух продолжают жить в его учениках и соратниках, как и положено настоящему Учителю.

Н. А. ГАРУНОВА

(г. Махачкала, РФ)

Два письма из прошлого

Много лет, как нет с нами Виталия Борисовича Виноградова. А письма, которые он писал мне, сохранились. И в них немало полезной информации, о том, как думали, мечтали, жили люди десять лет назад. В век интернета и сотовых телефонов традиционная переписка между людьми ушла на второй план. Теперь мало, кто пользуется почтовыми услугами, хотя благодаря таким письмам поддерживались связи между регионами, между научными сотрудниками и преподавателями, которые ослабли после сложных 90-х годов.

Многочисленные карточки, поздравления, открытки, посланные ко мне, я не выбрасывала, хранила, вложив в книги своей библиотеки как закладки. И спустя много лет, открывая ту ли иную книгу я нахожу такие неожиданные письма из прошлого. Так случилось и недавно, когда я нашла в книге две записки 2009 года, написанные рукой Виноградова Виталия Борисовича.

При этом по-доброму вспоминается человек, который оставил о себе такой след. Оживают в памяти образы близких, знакомых, родных людей. Вспоминается непростое время, когда происходили в стране сложные и драматические процессы, повлиявшие не просто на судьбы людей, но и вынуждавшие приспособиться к тому времени, в котором проходила их повседневная жизнь.

«Здравствуйте Нина Нурмагомедовна! Давно не получал от Вас ничего. Не болеете ли? Надеюсь, нет! Как сборник состоявшейся конференции? Не забыли ли Вы выслать мне парочку экземпляров! Пользуясь случаем, шлю Вам книгу моей докторантки, которая полагаю, будет интересна и полезна Вам. А также вкладываю в конверт два последних экземпляра нашей газеты: посмотрите может быть лучше узнаете нас. Пожалуйста подтвердите получение этого отправления. Желая всего доброго. Искренне ваш Виноградов В.Б.»

Написанные на почтовых карточках, эти письма сначала просто информативны, но начав писать, Виталий Борисович увлеклся, и хотя места на карточке не хватало, автор старался уменьшив почерк, (иногда трудноразличимый, как мелкий бисер), все же поместить как можно больше информации.

Значимость таких писем в их не просто в их оригинальности, а в уникальности, в особой эмоциональной окраске написанного автором.

«Дорогая Нина Нурмагомедовна! С благодарностью получил и изучил Ваше письмо! Спасибо за теплые слова об учебном пособии по всемирной истории! Представляю, как Вы устали, выполнив вовремя и как всегда качественно труд по «истории винной отрасли» на Кизлярщине! Теперь буду с нетерпением ждать его выхода и присылки. И тревожное состояние, подорванное непосильным напряжением, самочувствия, которое обязательно должно пройти, чего искренне желаю Вам! Несколько дней назад с оказией предал мне Юра Клычников дар от Вас, с всегдашней высокой и любовной оценкой Вашей Кизлярской жизнедеятельности. И это так!

Я первым прислал этюд о Мялковском В.А., потому что побоялся потом не справиться. И вновь спасибо за добрую оценку. И теперь надо обязательно дождаться апрельского выхода. Кланяемся окружающим Вас. Всего Вам самого доброго. Ваш Виноградов В.Б.»

Потом на смену карточкам приходят листы бумаги, в которых присутствует описание деталей, скрупулезный документализм виноградовских воспоминаний. Все его письма, это имиджевые тексты, которые хорошо иллюстрируют личность человека, его внутренний мир.

С. Н. ЛУКАШ

(г. Армавир, РФ)

Мои встречи с Виталием Борисовичем Виноградовым

О том, что В.Б. Виноградов со своей научной школой решил перебраться из Грозного в Армавир и бросить якорь в местном педагогическом институте, я узнал при встрече со своим учителем — известным в Армавири историком и археологом Николаем Ивановичем Навротским. «Шеф», так уважительно называли мы, бывшие кружковцы историко-краеведческого кружка Армавирского Дворца пионеров и школьников, Николая Ивановича, был явно возбужден данной информацией. Мы, вместе с друзьями-кружковцами, пришли проведать учителя к нему домой, пили чай с отменным вишневым вареньем, которое нам подавала гостеприимная супруга Николая Ивановича, а он рассказывал нам о Кавказоведческой школе Виталия Борисовича Виноградова. Говорили о том, что в объятый войной Чечне оставаться было смерти подобно: печальная судьба ряда преподавателей и самого ректора Грозненского университета Кан-Калика была тогда у всех на устах.

Н. И. Навротский в превосходной степени отзывался о Кавказоведческой школе В.Б. Виноградова, он говорил о том, что у нас в городе будет жить и трудиться ученый с мировым именем, труды которого по скифскому и сарматскому времени, признаны всем научным сообществом. Николай Иванович рассказал и о том, что, вскоре после переезда в Армавир, он встречался с В.Б. Виноградовым и его сподвижниками. Разговор, как отметил шеф, был очень содержательным, намечены ряд совместных проектов, «гости» сделали жест доброй воли, предложив написать брошюру о профессиональных краеведческих и археологических достижениях и находках, сделанных Н.И. Навротским в армавирской округе. К сожалению, в дальнейшем, здоровье Николая Ивановича не позволило ему в полной мере включиться в активные проекты Виноградовской школы на новой армавирской территории...

Мое же непосредственное знакомство с Виталием Борисовичем произошло весной 1994 года. Предшествовала этому серия статей, которые В.Б. Виноградов опубликовал в главной газете города «Армавирский собеседник». Статьи были посвящены истории и культуре народов, населяющих Среднюю Кубань (впоследствии, данные материалы легли в основу книги «Средняя Кубань: земляки и соседи»). Среди отмеченных автором народов были и казаки. Газета по тем временам имела тираж несколько десятков тысяч подписчиков, что-то (сейчас уже трудно вспомнить) в статье о казаках вызвало неоднозначное тол-

кование ее читателей. Ко мне, как заместителю атамана по культуре Армавирского казачьего круга и Лабинского казачьего отдела, стали обращаться с людьми с вопросами, которые касались нескольких проблемных тем, поднятых в статьях.

Время было беспокойное, национальный вопрос стоял на Кубани очень остро в связи с массовым наплывом беженцев из Закавказья, Абхазии и Чечни. Кубанское казачество в те времена выполняло важную миссию, возложенную на него краевыми властями, связанную с координацией усилий по недопущению экстремизма со стороны не знакомых с ментальностью местного населения беженцев и временных переселенцев. В этой связи на Совете атаманов решено было встретиться с представителями научной Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова с целью установления контактов и уточнения общих позиций. Такую встречу нам организовала редакция газеты «Армавирский собеседник»: договорились, что на встрече будут по три представителя от каждой из сторон.

Помнится, настороженность первых минут ушла после того, как наши собеседники, это были В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев и С.Н. Нарожный, рассказали о своих казачьих корнях, о непростых ситуациях, связанных с вынужденным переселением из Грозного. Все вопросы, возникшие ранее, были сняты. Заканчивалась встреча в теплой, можно сказать, дружественной обстановке. Главным же ее итогом, определившим динамику развития на более четверть века, стало решение о необходимости учреждения в Армавире отделения Фонда культуры кубанского казачества, который к тому времени активно действовал на культурно-просветительской ниве в кубанской столице — Краснодаре. Инициатором принятия этого решения был Виталий Борисович Виноградов, с легкой руки которого, спустя два месяца, было учреждено Армавирское межрайонное отделение (АМО) Фонда культуры Кубанского казачества. Исполнительным директором Армавирского отделения Фонда стал ваш покорный слуга.

Наш первый крупный совместный проект в рамках Фонда был посвящен знаменательной дате 300-летию юбилею Кубанского казачьего Войска, которое вся Кубань и Юг России отметили в 1996 году. Благодаря усилиям Виталия Борисовича Виноградова в Армавире была проведена региональная научно-просветительская конференция «Линейцы Средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего Войска» [1]. Во вступительной статье «От редакторов» в сборнике материалов конференции В.Б. Виноградов писал: «18 июля 1996 года будет отмечаться 300-летие Кубанского казачьего войска — славной памятной вехи в истории не только нынешнего Краснодарского края, но и всего Юга России. Учрежденное чуть более года назад Армавирское межрайонное отделение (АМО) Фонда культуры Кубанского казачества в предверии этого судьбоносного события объединило инициативные, творческие силы Армавирского казачьего круга, кафедры всеобщей истории Армавирс-

кого госпединститута, лаборатории регионоведения Армавирского института усовершенствования учителей в цепи мероприятий, посвященных знаменательной дате» [1]. В качестве таковых значимых событий профессор отмечал выход в свет первых образцов краеведческих брошюр и сборников: Виноградов В.Б. Из истории Старой Станицы — Прочноокопской. Армавир, 1994; Телепень С.В., Виноградов В.Б. Заметки о казаках-линейцах. Армавир, 1994; Прочноокопский историко-культурный многоугольник // Материалы научно-практической конференции в честь 200-летия линейно-казачьей Старой Станицы — Прочноокопской. Армавир, 1994. Далее, Виталий Борисович указывал, что Армавирское межрайонное отделение Фонда культуры кубанского казачества инициировало и реализовало издание учебной программы В.Б. Виноградова и С.В. Телепена «Кубанское казачество во всемирном историко-культурном контексте» (Краснодар – Армавир, 1995), иллюстрированной книги О.В. Матвеева «Форменная одежда казаков-линейцев Кубани» (Краснодар Армавир, 1995), брошюру авторов Н.Н. Великой, В.Б. Виноградова, О.В. Матвеева «Казаки Средней Кубани» (Армавир, 1996) [1].

Весьма символично прозвучали во вступительной статье «От редакторов» такие слова Виталия Борисовича: «Нынешняя конференция замыслена не только как дань горячей и преданной памяти о трехвековом прошлом казаков — обустроителей Средней Кубани, но и как своего рода умственное и душевное обращение к новым — современным и будущим — поколениям их потомков, от которых во многом зависит дальнейшая судьба нашего края и всей единой России» [1]. Пророческое Виноградовское «умственное и душевное обращение» к потомкам вылилось в дальнейшем в научно — просветительскую, научно-практическую миссию сначала всероссийских, а затем уже и международных Кубанско-Терских конференций «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа». Совсем нетрудно было догадаться, что душой и мозговым центром этих конференций-«капустников» был Виталий Борисович Виноградов. Конференции при его участии проходили в теплой, домашней обстановке, где встречались друзья — единомышленники, где юмор и глубокие, по делу, замечания ее председателя — В.Б. Виноградова, создавали непередаваемый колорит и завораживающую научную ауру этого пиршества духовного общения. Венчало все это неповторимое искусство совместное чаепитие и песни под гитару, которые исполнял сын В.Б. Виноградова Борис Витальевич Виноградов (один «Турок» чего стоил!).

Сейчас, по прошествии многих лет, когда нет уже с нами Виталия Борисовича, лично я могу с уверенностью сказать, что общение с В.Б. Виноградовым подвигло меня продолжить свой путь в науку, накопить научный задел для докторской диссертации (чему во многом способствовали Кубанско-Терские конференции). И хотя наши научные интересы концентрировались в параллельных направлениях —

Виталия Борисовича в истории, мои — в педагогике, они плотно пересекались в казачьей тематике, в культуре и педагогике казачества. Помню, я написал первые две главы из своей диссертации, которые носили в большей мере историософский характер и первым экспертом, которому я решил показать свой опус был Виталий Борисович.

Не скрою, я с волнением в груди поднимался по крутым ступенькам корпуса АГПУ рядом с «Кавказской кухней» на самый последний ее этаж, именно там располагалась «резиденция» — научная лаборатория шефа. Виталий Борисович бегло просмотрел начало и сказал, что хочет прочитать все, принесенное мною. Позвонил он через неделю и, о радость, не просто поддержал меня, но буквально окрылил: «Сергей, у тебя есть главное — научная новизна, все остальное будет к ней прилагаться. Ты на правильном пути». После этих слов сомнения и страхи остались позади, я почувствовал уверенность в своих силах и успешно завершил написание своей докторской диссертации.

Виталий Борисович, при всех его замечательных научных качествах: блестящий рассказчик и литератор, лекции которого студенты слушали, раскрыв рты; выдающийся ученый, перу которого принадлежит ряд фундаментальных трудов по скифо-сарматскому времени, книг по регионоведческой тематике, был еще человеком чести, настоящим рыцарем, готовым прийти на помощь слабому и незащитному. Вспоминаю такой случай. Как-то раз, поднявшись по ступенькам здания у «Кавказской кухни» в «резиденцию» В.Б. Виноградова я обнаружил шефа в весьма «помятом» состоянии. На мои вопросы Виталий Борисович отвечал односложно: дескать, пришлось постоять за других и за себя... Лишь позвонив супруге В.Б. Виноградова, я узнал подробности. По дороге домой из университета в Северный микрорайон Виталий Борисович стал свидетелем избиения молодой женщины, каким-то проходивцем. Учитель, несмотря на свой преклонный возраст и хронические болезни, в буквальном смысле слова, встал грудью на защиту. Пострадал сам, но предотвратил избиение... В этом поступке был весь В.Б. Виноградов. Компромиссы были не его жизненной философией, он не мог фальшивить нигде, ни в науке, ни в жизни.

Виталий Борисович, уже серьезно болея и находясь дома, в телефонном разговоре со мною, подводя жизненный итог, как — то сказал: «Ты знаешь, Сергей, а я счастливый человек. Многое пришлось пережить, но себе я никогда не изменял, в науке всегда боролся за истину и ставил интересы Родины превыше всего!». Таким и запомнили Учителя его многочисленные ученики, продолжающие и умножающие сегодня его идеи, и достижения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Линейцы Средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего Войска // Материалы региональной научно-просветительской конференции / под ред. В.Б. Виноградова, С.Н. Лукаша. Армавир, 1996. 92 с.

С. В. ТЕЛЕПЕНЬ

(г. Мозырь, Белоруссия)

Разговоры и мысли

В судьбе любого вузовца есть повторяющаяся закономерность. И заключается она в неизменно огромной роли Учителя. Ведь какими бы путями мы не приходили на университетскую кафедру, в науку, какие бы мотивы или случайные обстоятельства не служили толчком, роль наставника в нашей биографии совершенно особенная. Подходы и взгляды научного руководителя, его стиль и имидж так или иначе надолго, если не навсегда, определяют облик университетского преподавателя и исследователя, часто проявляясь даже в деталях, вроде способа распределения рабочего времени или манеры отношений с коллегами и студентами. Доказательством в пользу этого нашего наблюдения, в сущности не столь уж уникального, является то, как мы воспринимаем коллегу, отзывающегося о своем учителе без нормального для любого вузовца пиетета или (даже лишь) стилистически выпадающего из его образа.

В этом году будет тридцать лет, как я познакомился с Виталием Борисовичем. Время летит быстро. Много стирается из памяти, но многое, особенно впечатления, остается. Иногда внезапно вспоминается какая-то деталь, прежде казавшаяся несущественной, случайной...

Август 1993 г. В Армавире, как всегда в это время года, жара. Я, студент-историк Гомельского университета, только что приехал навестить родственников на эти оставшиеся до конца каникул две недели. Скоро возвращаться в Гомель: пятый курс — дело серьезное. Со второго курса у меня уже стало обыкновением — часть летних каникул, две-три недели, провожу в Краснодаре, работая с фондами Госархива Краснодарского края. Увлеченно собираю материал по истории кубанского казачества, по линейцам, по Прочноокопской станице. Надо сказать, то лето я отчасти посвятил изучению перспектив трудоустройства, разумеется, после окончания университета. Однако в Армавирский пединститут я заглянул по пути и почти случайно, прогуливаясь по улице Розы Люксембург. Просто было интересно, чем здешняя атмосфера отличается от белорусской. Одним из первых, кого я встретил в коридоре первого этажа, был тогда совсем молодой доцент Игорь Викторович Турицын. Разговорились. От него-то я и узнал, что профессор Виноградов, который не так давно со своими учениками спешно выехал из тревожного Грозного, как раз формирует кафедру всеобщей истории.

Справившись у нового знакомого, где искать уважаемого профессора, я тотчас направился в малоизвестную мне часть Армавира, на «Мясуху» (так тогда называли район Армавирского мясокомбината). Здесь в общежитии пединстута тогда проживал с супругой, сыновьями и невестками, со старшими учениками мой профессор Виноградов.

Пока я добирался через полгорода на стареньком и небыстром троллейбусе, в голове все вертелось: «И что же я скажу?» Профессор в моих глазах постепенно вырастал в шекспировского героя, пережившего немногим меньше короля, Лира. Молодые люди наших дней, вероятно, не совсем представляют себе, что происходило на Северном Кавказе три десятилетия назад. Военные действия вспыхивали то в Абхазии, то в Северной Осетии, то в Южной Осетии, то в Чечне. Фантазмагория внезапного распада Союза — злая, нелепая, никем не ожидавшаяся — привела в смятение, сорвала с обжитых мест массы людей, сделав их скитальцами в своей стране. Всеобщее межэтническое сумасшествие, вдруг выплеснувшееся претензиями малых народов друг к другу, но более всего — их всех к России, превращало русских Кавказа в беженцев, многих из которых тогда принимали Краснодар, Ставрополь, Армавир. Я в свои двадцать четыре уже вполне мог представить себе, что пережил профессор и его спутники...

И вот она, та самая «Мясуха» (я, признаюсь, не любил просторечных названий и потом этот район, в котором затем прожил четыре года, никогда так не именовал, но...). Не слишком жизнерадостный пейзаж. Разбитое дорожное покрытие. Серая «малосемейка» рядом с остановкой. Следом в ряд — казармоподобные, очевидно, лет двадцать не выдавшие ремонта, здания в два-пять этажей. Все эти разномастные жилые постройки, чьи стены не слишком отличаются от безрадостных заводских, смотрят забранными в решетки окнами первых этажей. Но сейчас оно не столь важно. Потом, потом я подумаю об этом, прокручу картины, составлю впечатление. Сейчас — найти то самое общежитие...

Общежитие пединститута по улице Чернышевского. О! Подобные места в те годы — совсем не отели. Но, обращать ли мне на это внимание? Да, но сейчас не это главное... Справившись на вахте, в каком блоке проживает Виталий Борисович Виноградов (вахтерша почему-то заулыбалась, услышав его имя), с учащенным дыханием взлетаю на второй этаж. Сердце бьется так, что кажется сейчас выскочит из груди или остановится. Не важно! Сейчас я познакомлюсь с ПРОФЕССОРОМ...

Моё знакомство с Шефом состоялось на общем балконе второго этажа. Виталий Борисович курил. Сквозь сигаретный дым на меня смотрели внимательные карие глаза. Я еще подумал, бросив взгляд на руку, державшую сигарету: «Что за странная печатка с архаической гравировкой?» Мы говорили, как будто нащупывая тропинку. Мне надо было объяснить, что я ищу и на что надеюсь — ему необходимо было понять, кто я, что могу, чего от меня ждать. С того памят-

ного разговора прошло много лет, но я едва ли вспомню хотя бы ещё одну столь же значимую для всей моей жизни беседу. А ведь мне пришлось затем довольно много общаться с важными и влиятельными профессорами, ректорами, известными учеными, большими начальниками, которые так или иначе или давали мне зеленый свет, или препятствовали в делах для меня просто существенных или даже принципиально значимых.

Так начался наш многолетний диалог. В письмах, в беседах, когда с нарочитой серьезностью, но чаще с искрами шуток Шеф всё более формировал моё понимание сути избранного пути. Становясь вузовцем (так предпочитал выражаться Виталий Борисович; он не использовал канцелярского выражения «профессорско-преподавательский состав» и т.п.), я всё больше проникался образом мысли и подходами, всегда отличавшими воспитанников виноградовской школы — увлеченность не переходящая в острую конкуренцию с коллегами, чувство локтя и взаимная поддержка во всём, скептическое отношение к канцелярщине, уже тогда начинавшей разъедать университетскую среду. Много ещё есть того, что я впервые ощутил во время памятного первого разговора и что затем понял, чем проникся по мере становления в качестве виноградовца. Каждый из нас, особенно ближе ко второй половине жизни, часто задумывается о том, что дал, чем вооружил нас Шеф. А ведь дал он нам себя. Это стоит осознать. Нарочитое либо спонтанное подражание тому, кого мы считали образцом, как бы пришедшим из времен классической советской профессуры, сформировало нас такими, какими мы уже останемся. Да, вспоминая нашего Учителя, мы уже можем что-то упускать из памяти, какие-то детали. Но! Эмоциональный след остается почти не стершимся, не поблекшим. Не только преданность Профессии, но и эмоции, поэзия в самом широком смысле, некоторая театральность — это наше. Потому что оно было и у Виталия Борисовича, нашего Шефа и Учителя.

С. В. НАЗАРОВ,
В. В. НАЗАРОВА

(г. Армавир, РФ)

Пока горит «свеча памяти»,
Человек продолжает жить!

Человек уходит из этого мира, как ни печально, но этот факт не оспорим. Но уходят ли из этого мира наши учителя? Или же они продолжают жить в нашей памяти, в своих трудах, идеях и, конечно же, в своих последователях, ведь они смогли зажечь много «свечей»! Мы их вспоминаем с теплотой и особой ностальгией.

Виталий Борисович Виноградов был и остается в нашей памяти человеком с Большой Буквы. Внимание к ученикам, стремление помогать им в их изысканиях и просто душа компании (огромное количество совместных мероприятий включали в науку сильнее, чем даже книги, так как в дискуссиях и общении рождались новые взгляды и идеи).

Знакомство с В.Б. Виноградовым у нашей семьи произошло в стенах АГПУ.

С.В. Когда я пришёл работать на кафедру в 1994 г., бурная научная и «общественная» деятельность была сосредоточена на факультете вокруг школы В.Б. Виноградова. Для большинства он был просто шеф. Более близкое знакомство с коллективом прошло на «маёвке». Студенты и преподаватели школы собрались на природе, разговаривали о своих научных интересах. Костёр и песни под гитару навсегда останутся в памяти. Это было «золотое» время, когда действительно людей сплачивали общие цели, устремления, радость от общения и теплота отношений. Как часто это бывает, у всего должна быть «душа», и такой душой был шеф. К сожалению, вернуть ту атмосферу уже нельзя. Невозможно и вернуться к дружеским научным посиделкам, когда В.Б. Виноградов мог собрать своих выпускников из самых различных городов России. Не могу не сказать от всего сердца слова благодарности не просто за ощущения «второй семьи» на работе, но и за внимание к каждому её члену. Набрасывая эти строки вместе с супругой, рука сама потянулась к альбому, посвящённому рождению дочери Инессы. В отдельном большом кармане альбома хранятся подарки новому человечку. Эти подарки особенно трепетны и ценны — это книги В.Б. Виноградова, подписанные с добрыми пожеланиями новорождённой: «Слав-

ная Инесса — дочь прелестной Ники и доброго Сергея! С вхождением Тебя в мир! В наш круг!!! Пройдут долгие годы. Ты превратишься в красивую умную девочку, девушку... И вряд ли я увижу тебя такой... Но пусть сохранят для Тебя, девочка, мою визитную карточку, этот имен- ной бланк со строками, адресованными Тебе, и тоненькие брошюрки о далёкой-предалекой моей молодости, которую мне захотелось сохра- нить в памяти сегодняшних молодых, таких, как и Твои неповторимые мама и папа... Всего Тебе славного и сердечного! Продолжай всех нас! Будь счастливой! Шеф В. Виноградов». В этом внимании, в этих словах был он весь! Он заботился обо всех, кто его окружал. Хотелось бы ве- рить, что души таких людей не просто покидают землю, они оберегают нас всех там на Небесах, и поэтому он увидел взросление близких ему людей. Я очень благодарен, что самое большое событие моей жизни я разделил с таким человеком-наставником, как В.Б. Виноградов. Спасибо, что были и остаётесь в моей жизни навсегда.

В.В. Сложно что-то добавить, В.Б. Виноградов — это моя моло- дость, когда трава зеленее, небо голубее и просто вся жизнь ещё впе- реди. Когда он говорил, учил или рассказывал анекдот, или пел песни, когда он приглашал в гости и давал возможность найти в его библиоте- ке нужную книгу, отдавая всё своё сердце ученикам, я не чувствовала разницы в возрасте. Он был самым молодым из нас всех. Все его зна- ют, как шефа Кавказоведческой школы, а я его знаю, как шефа-японо- веда! Да, да, он был такой разносторонний человек. И если студентка хочет заниматься с ним проблемами Японии, значит, так тому и быть. На первом курсе он меня взял под своё «крыло», проверял первые на- работки, давал важные советы. Именно он попросил оказать мне на- учную помощь двух важных людей в моей жизни, моего руководи- теля дипломной работы С.Л. Дударева и моего научного руководителя диссертацией Ю.Г. Смертина. К чему бы ни приложил «свою руку» В.Б. Виноградов, всё получалось и порождало тёплые и долгие отно- шения с другими людьми. На 5 курсе он повёз меня в Краснодар и поз- накомил с Юрием Григорьевичем, сказав, что эта девочка переросла его библиотеку и настало время передать её дальше в надёжные руки. И действительно эта «передача» стала судьбоносной. Очень не хвата- ет такого родного и близкого человека, как шеф! Но он сама жизнь, а поэтому всегда рядом! Хочу сказать, что Инесса выросла и вниматель- но прочитала работы шефа! Через его труды она увидела замечатель- ного человека, который стал судьбоносным в жизни её родителей. Спа- сибо ему за всё!

В. А. ФОМЕНКО

(г. Пятигорск, РФ)

Андрей Петрович Рунич в 1982–1986 гг. Воспоминания о пятигорском краеведе

Андрей Петрович Рунич (1911–1986) — известный пятигорский краевед и археолог района Кавказских Минеральных Вод. Его жизни и деятельности посвящен ряд публикаций. Однако биография, краеведческое и научное наследие этого талантливого и целеустремленного человека хорошо изученными назвать сложно.

Однозначно можно сказать, что начиная с 60-х гг. и до конца своих дней А.П. Рунич поддерживал тесные научные связи с Виталием Борисовичем Виноградовым, а позднее и с его учеником — Сергеем Леонидовичем Дударевым, публикуя в соавторстве с ними научные работы по археологии раннего железного века Центрального Предкавказья, которые давно и прочно вошли в основную историографию работ археологов-кавказоведов по данной проблематике [1]. В грозненско-кавминводских археологических связях активно участвовали ученики А.П. Рунича и В.Б. Виноградова археологи Яков Борисович Березин и Сергей Николаевич Савенко. Благодаря этим связям начался мой научный рост в археологии района Кавминвод и Северного Кавказа.

Познакомился я с Андреем Петровичем в 1982 г., и довольно часто общался с ним в 1985–1986 гг. А.П. Рунич рассказывал мне об археологических памятниках Кавминвод. С наибольшим интересом он вспоминал о раннесредневековых городищах (Рим-гора, Развалка, Козьи скалы и др.), изучении скальных могильников, катакомб и склепов. Последние годы Андрей Петрович готовил публикации о городище Козьи Скалы у горы Бештау и о смоловидном веществе в могильниках I–VI вв.

Андрей Петрович рассказывал не только об археологических памятниках региона Кавказских Минеральных Вод, но часто обращался к своим воспоминаниям об истории Пятигорска, станицы Горячеводской, многих людях с которыми был знаком, службе в армии в довоенные годы, работе в Противомаларийной (затем Санитарно-эпидемиологической) станции и городском отделе здравоохранения города Пятигорска. Часто упоминались Пятигорский краеведческий музей и его сотрудники, работавшие в 50-х – 70-х гг. прошлого века. Андрей Петрович знал много анекдотов и любил их рассказывать.

Об Андрее Петровиче как археологе и человеке мне во второй половине 80-х и начале 90-х гг. нередко рассказывали его ученики — Я.Б. Березин и С.Н. Савенко.

В 1985–1986 гг. А.П. Рунич в быту был одиноким и довольно замкнутым человеком. Жаловался на то, что все его друзья с кем он часто общался уже умерли. К нему иногда заходили местные краеведы и реже сотрудники краеведческого музея.

В этот период жизни Андрей Петрович продолжал заботиться о своей коллекции жуков, которую он собирал многие годы (вероятно, до начала 80-х гг.). А.П. Рунич очень любил рисовать. В основном это были таблицы археологических находок, но иногда пейзажи и сатирические рисунки.

В 1985 году по совету Андрея Петровича я познакомился с сотрудником Кисловодского краеведческого музея Яковом Борисовичем Березиным. С того времени я стал участником археологического кружка «Искатель» в городе Кисловодске. Под руководством Якова Борисовича начал осваивать азы археологических разведочных исследований.

Также в 1985 г. я познакомился с Пятигорским краеведом Н.С. Колоколовым. В 80-х годах Николай Сергеевич был помощником А.П. Рунича и по его поручению посещал многие археологические памятники Кавказских Минеральных Вод.

Андрей Петрович много курил, но на свое самочувствие почти не жаловался и даже шутил на эту тему. В последние месяцы жизни, когда А.П. Рунич неважно себя чувствовал, к нему приходила родственница Галина Александровна Шапоренко (жена младшего брата жены А.П.). До выхода на пенсию Г.А. Шапоренко работала медсестрой.

Свой близкий уход из жизни Андрей Петрович чувствовал и оставил довольно краткое завещание. Свой архив он передал в Пятигорский и Кисловодский краеведческие музеи.

В начале июня 1986 г. Андрея Петровича не стало. Для меня это была большая утрата. Но к тому времени знания, полученные от него, Я.Б. Березина и Н.С. Колоколова, а также серьезный интерес к археологии, позволили мне участвовать в экспедициях и конференциях школы Виталия Борисовича Виноградова.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ОБ А.П. РУНИЧЕ

1. Виноградов В.Б., Рунич А.П. Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Т. III, 1969. С. 95–137; Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н. Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья // АЭС. Т. IV. Грозный, 1976. С. 29–63; Виноградов В. Б., Дударев С.Л., Рунич А. П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 184–199.

2. Дударев С.Л., Березин Я.Б., Савенко С.Н. А.П. Рунич — видный археолог-краевед Пятигорья // Археология и краеведение — вузу и школе: тезисы третьей научно-практической конференции. Грозный: ЧИГУ, 1989. С. 24–26.
3. Виноградов В.Б. Они были разными, но служили одному делу // Археология и краеведение Кавминвод (материалы 1-й региональной конференции) / под ред. С.Н. Савенко. Кисловодск: КФ СГОКМ, КНИФСС, ККО, 1992. С. 10–13.
4. Савенко С.Н. Кисловодская археологическая секция и кружок — семинар В.Б. Виноградова: вехи научного сотрудничества // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В.Б. Виноградова (1964–1994). Часть 2. Армавир, 1994. С. 26–28.
5. Березин Я.Б., Савенко С.Н. Рунич Андрей Петрович (1911–1986) / под ред. В.Б. Виноградова: Северокавказские историки-краеведы. Био-библиографический очерк. Армавир-Кисловодск, 1996. 12 с.
6. Материалы краеведческих чтений, посвященных памяти Андрея Петровича Рунича. Пятигорск: Пятигорский краеведческий музей, 1998. 24 с.
7. Данилов А.В. Вторые чтения памяти Андрея Петровича Рунича (к 95-летию юбилею) // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 8. Пятигорск: ПГТУ, 2007. С. 157–158.
8. Багдасарян А.А., Краснокутская Л.И. Летопись Пятигорского краеведческого музея (1847–2005 гг.). Пятигорск: Изд-во «Вестник Кавказа», 2007.
9. Савенко С.Н. Андрей Петрович Рунич (к 100-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2011 год. Краеведческий сборник. Ставрополь: СГКУНБ им. М.Ю. Лермонтова, 2011. С. 294–297.
10. Савенко С.Н. Новые данные и неизвестное о биографии и деятельности Андрея Петровича Рунича // Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов. Материалы межрегиональной научной конференции 17–18 ноября 2011 г. / под ред. канд. ист. наук С.Н. Савенко. Пятигорск: «Вестник Кавказа», 2011. С. 95–115.
11. Фоменко В.А. Краевед Андрей Петрович Рунич (к 100-летию со дня рождения) // Наука и современность. Пятигорск: КМВ-принт, 2012. С. 145–150.
12. Савенко С.Н. Новые биографические данные о В.Р. Апухтине, Н.М. Егорове, В.Ф. Смолине, М.И. Рыбенко и А.П. Руниче Третий Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов [Текст]: сб. материалов / под ред. канд. ист. наук С.Н. Савенко. Ставрополь: Печатный Двор, 2017. С. 9–34.
13. Березин Я.Б. К 100-летию Андрея Петровича Рунича // URL: https://www.youtube.com/watch?v=ewuTViO59_8 (дата обращения: 8.12.2022).

СТИХОТВОРНАЯ СТРАНИЧКА

Владимир Байбик

Погребение № 5

Костяк потревожен.
Был человек.
Еще костяк — жена
или раб его.
Судя по обряду,
VII–V век.
А инвентаря нет —
Погребение ограблено.

Ни дна (от кружки)
тебе
(вернее ему!)
Ни кувшина ему —
Досконально грабили
в древности...
Лаборантка
шутя, решила —
член Общества трезвости.

Грабительский лаз.
Прослеживается
довольно отчетливо.
Ну, а больше, что
с этой могилы взять...
Так и будет
Стоять в отчете:
«Погребение №5»,
А там, где описывается инвентарь,

Обмолвятся:
«ограблено встарь».

... Нас в разное время
Рождают.
С черепов наших
не одинаковы мерки.
Кого посмертно награждают,
А кого, вот грабят посмертно.

Хоть тем и другим
грунта вдоволь в глазницы вкраплено...
И только живым грустно
За всех награжденных,
За всех ограбленных...

...Стоим.
Смотрим на костяк человека
С тоской такой,
будто ограбили нас...
С VII до новой,
до XX века
Прослеживается этот
Грабительский лаз.

1970 г.

Людмила Хут*

и студенты III-его курса
истфака Кубанского госуниверситета

*Посвящается учителю —
Виталию Борисовичу Виноградову*

Мы совсем не глотали дорожную пыль,
И не пела над ухом у нас тетива.
Нам постелью с тобой не служил ковыль,
Для ночлега не требовались дрова.

Нас с тобой не трясла лихорадка в седле,
Не гремела над нами раскатом гроза.
Мы руин не дарили сожженной земле,
Никому не выкалывали глаза.

Кровь и пот мы с тобой не стирали со лба
И не гнали врага из насиженных сот...
Но, друг, слышишь!? Поет боевая труба,
То кочевников вождь бородатый ведет!

весна 1977 г.
занятия по спецкурсу
«Кочевники Восточной Европы
в событиях зарубежной истории

*

Ныне Л.Р. Хут — доктор исторических наук, профессор Адыгейского госуниверситета.

Аэлита Буркова (Мирзоянц)

УЧИТЕЛЬ

*В.Б. Виноградову,
Учителю моему посвящается*

Как-то в майский сияющий полдень
Мы томились. А лекции шли.
Пело солнце в открытых окнах,
Пели с улицы нам шмели.

Мы сидели, тайком зевая,
Все внимание, рассеяв в дым.
Мы почти уже не скрывали,
Что давно на часы глядим.

День казался, тосклив и долог,
Он дразнил нас листвой, когда
К нам пришел читать Археолог
Просто лекцию, как всегда.

Археолога мы любили:
Он всегда нас умел понять.
Видя, как мы все оживились,
Долго нас, не заставив ждать.

Он рассказывал увлеченно
Про детинцы, клинки и варяг...
А прохладной листвой зеленой
Лень под свой нас манила стяг.

Все же честно ему, внимая,
Что-то, пробуя записать.
На погоду и май вниманья
Мы старались не обращать.

Он был после болезни только,
Знать недуг о себе давал:
Он на лекции слишком долго
Говорить и читать уставал.

И для нас неожиданным было,
Что, оставив ход древних дел,
К запылившемуся пианино,
Что в углу, боком он подсел.

И ему инструмент отозвался.
Пальцы клавиши ворошили.
Пианино и он – как братья:
Оба Добрые и Большие.

Он запел нам о дне и ночи,
Плаче трав и о шорохе ветра,
Он запел нам, что трудно очень
Людям тем, что идут по Свету.

Никогда, верно, я не забуду
(И позор мне, забуду если)
Это обыкновенное чудо:
Эти обыкновенные песни.

И теперь, и лет через десяток,
Как тогда, бородатый и добрый,
Он когда-нибудь также сядет,
Взяв к нехитрым словам аккорды.

.....
Может нужен будет совет мне,
Может в жизни не так случится –
Настроенье отступит скверное,
Лишь увижу, как (средство верное!)
К пианино Учитель садится...
И поет...

09.06. 1983 г.

Сергей Савенко

К юбилею шефа

(К 50-летию Виталия Борисовича Виноградова)

«Долой юбилей!» — звучат голоса,
Надрывно, призывно, сурово,
От громких призывов гудят небеса,
Как «ново» желанное слово!

Вокруг собирается «тихий» толпа,
В глазах их любовь к «голосистым»,
Готовы не верить былого столпам,
Глушить их порывистым свистом.

Но кто же особенно сильно шумит?
Не те ль, кто в ушедшие годы
Был просто доволен в безделье и сыт,
Своим положеньем «угоды».

Угода стремился не делать, а льстить,
По-своему шел к юбилею,
И только, что б в кресло свое не пустить,
Активен был, сил не жалея.

Сейчас он боец, потому что ни с чем
Ему подходить к круглой дате,
Но хватит, о нем то так много зачем?
К чему красноречие тратить?

«Долой юбилей!» — звучат голоса,
Но мы здесь по случаю даты,
А дата уже серебрит волоса,
На темных волнах перекаты.

Сегодня мы чествуем Шефа года,
Он прожил их ровно полевка,
А вместе с годами шла дел череда
И вера в добро человека.

И каждый его «виноградовский» год
Вел нас к новизне и стремленью,
А Школа его — это целый «народ»,
Не знает в делах утомленья.

Пушай этот прочный «отцовский инстинкт»
С годами не будет слабее,
Пусть будут всегда у него, рядом с ним,
Кто в сложной борьбе не робеет.

И пусть надрывают себя Крикуны,
Стремясь отменить юбилей,
Для нас эти даты нужны и важны,
Вперед мы идем, не робея.

Наш Шеф будет славен годами пока,
Он бодр, и поет, и смеется,
Река его Дела всегда глубока
И людям она остается!

03.04.1988.

С. Дударев

Друг мой, я очень и очень болен...

С. Есенин

*Чистый-чистый лежу я в
Напльвах рассветных,
Белым флагом струится на пол простыня.
Три сестры, три жены, три
Судьи милосердных,
Открывают последний кредит
Для меня.
Три судьи, три жены, три
Сестры милосердных,
Открывают бессрочный кредит
Для меня.*

Б. Окуджава.

У последней черты

Вокруг него голые стены,
из губ вырывается бред.
На белой больничной постели
седой и беспомощный дед.

Не прячет он взгляд обреченный,
Смирился упрямый боец?
Где голос его вдохновенный?
Неужто, и вправду конец?

И в сумерках спутанных мыслей
Он грезит себя молодым:
Луна над ущельем зависла,
Из башенки стелется дым.

И путь впереди очень ярок,
Находки, романтики хмель,
Стезя у него не подарок,
Но видит он главную цель.

В преддверии громких свершений,
Серьезных и звучных побед,
Тяжелых, жестоких сражений,
И самых нешуточных бед

Он меряет мыслью пространство
И думы его далеко,
А к скромному быта убранству
Относится очень легко...

Исхожены ныне дороги,
И выпито зелье-вино.
И смех ученицы-вайнашки
Не слышится рядом давно.

Отставлены книги, бумаги,
Машинки отсутствует стук.
Вершины, ухабы, овраги
Уже позади, Шеф и Друг.

А там за окном буйство мая,
Зеленый ликующий рай.
А тут, чу! Соседи стенают,
Страданий и боли здесь край.

Теперь в «одиночке» Учитель.
Ему лишь забор и звонок.
Похоже, преподан последний
И жизненный самый урок.

Май-июнь 2012 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГПИ — Армавирский государственный педагогический институт (г. Армавир).
- АГПУ — Армавирский государственный педагогический университет (г. Армавир)
- АО — Археологические открытия (г. Москва).
- МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии (г. Орджоникидзе).
- МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани (г. Краснодар).
- МИИKNCK — Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа (г. Ставрополь).
- МИАСК — Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа (г. Армавир).
- СА — Советская археология (г. Москва).
- ЧИАССР — Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика.
- ЧИГУ — Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого (г. Грозный).
- ЧИНИИИЯЛ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (г. Грозный).
- AAASH — Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арутюнян Акоп Жораевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Армения). E-mail: hakobharutyunyan@ysu.am

Басов Игорь Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир). E-mail: basov.i@mail.ru

Бережная Виктория Александровна — директор Лабинского музея истории и краеведения им. Ф.И. Моисеенко, Президент Центра развития гражданского общества Краснодарского края (г. Лабинск). E-mail: v.ber86@mail.ru

Бобрышев Максим Сергеевич — научный сотрудник Лабинского музея истории и краеведения им. Ф.И. Моисеенко (г. Лабинск). E-mail: maksim.bobrysheff@yandex.ru.

Бурков Сергей Борисович — старший научный сотрудник отдела археологии Государственного Бюджетного Учреждения (ГБУ) «Институт истории и археологии РСО-Алании», (г. Владикавказ). E-mail: sergeyburkov59@yandex.ru

Великая Наталия Николаевна — доктор исторических наук, профессор академик Международной академии наук (г. Армавир). E-mail: velikaya55@mail.ru

Волошин Дмитрий Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории, ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир). E-mail: voloschindim@mail.ru

Гарунова Нина Нурмагомедовна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до конца XIX вв. Дагестанского государственного университета, Заслуженный деятель науки Республики Дагестан (г. Махачкала). E-mail: garunovanina@mail.ru

Дударев Сергей Леонидович — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Кубани, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, академик Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа, член Русского географического общества, руководитель Кавказоведческой Школы (г. Армавир). E-mail: dudarev51@mail.ru

Дударев Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, генеральный директор ООО «Стальтрейд» (г. Москва). E-mail: dudarev324@gmail.com

Еремин Николай Михайлович — председатель Совета стариков и Суда Чести Белгородского отдельского казачьего общества ВКО «Центральное казачье общество», ветеран труда (г. Белгород). E-mail: ereminn.m@mail.ru

Ерохин Владимир Николаевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан) E-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

Казаров Саркис Суренович — доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира Южного Федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: ser-kazarov@yandex.ru

Капленко Яна Андреевна — студентка магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» по специальности «Социально-историческое образование» (г. Армавир). E-mail: yanapanina98@mail.ru.

Керцева (Вольная) Галина Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории и археологии РСО – Алания (г. Владикавказ). E-mail: gal.volnaya@yandex.ru.

Кихтенко Анастасия Евгеньевна — учитель МАОУ СОШ 10 им. Н.И. Куликова, Краснодарский край, ст. Петропавловская, E-mail: Kikhtenkoa98@mail.ru

Клычников Юрий Юрьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск). E-mail: klichnikov@mail.ru

Коваленко Александр Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира, заведующий учебным музеем археологии Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: alex_arx1977@mail.ru

Краснова Ирина Александровна — доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института, кафедры истории, политологии и международных отношений Северокавказского федерального университета (г. Ставрополь).

Ктиторов Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», председатель Армавирского городского общества историков-архивистов (г. Армавир). E-mail: ktitorovsn@rambler.ru

Лашенко Анастасия Аркадьевна — медиевист (г. Санкт-Петербург). E-mail: historien@mail.ru

Лукаш Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики, ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир). E-mail: lukash.serg@yandex.ru

Матвеев Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: vamatveev@sfnu.ru

Назаров Сергей Васильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир). E-mail: senaza@yandex.ru

Назарова Вероника Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир). E-mail: senaza2@yandex.ru

Нераденко Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук (г. Черкассы, Украина). E-mail: neradenko@ukr.net

Пелих Алексей Леонидович — профессор, д.и.н., доцент ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир). E-mail: pelich1976@mail.ru

Петросянец Роман Михайлович — индивидуальный предприниматель, советник юстиции (г. Армавир).

Подымова Ксения Владимировна — учитель истории и обществознания МОБУСОШ 13 (п. Глубокий, Новокубанского района Краснодарского края).

Пьянков Алексей Васильевич — научный сотрудник, «Западно-Кавказская Археологическая Экспедиция» (г. Краснодар). E-mail: a.v.pyankov@gambler.ru

Савенко Сергей Николаевич — зав. отделом природы и археологии государственного учреждения культуры Ставропольского края «Пятигорский краеведческий музей», кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Пятигорск). E-mail: sovos57@mail.ru

Скиба Константин Викторович — кандидат исторических наук (г. Армавир). E-mail: kv-220-85@gambler.ru

Фоменко Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск). E-mail: fva2005@gmail.com

Цыбульников Анастасия Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир). E-mail: ana55964653@yandex.ru

Шаруда Артем Андреевич — 5 курс исторического факультета АГПУ, учитель истории МАОУ СОШ №7 им. Г.К. Жукова (г. Армавир). E-mail: artemsharuda@mail.ru

Якшина Ольга — магистр 2-го курса Гуманитарного института, кафедры истории, политологии и международных отношений Северокавказского федерального университета (г. Ставрополь).

SUMMARY

**III Vinogradov's readings. Materials of the
Interregion- al Scientific and Practical Conference
(Armavir, April 5, 2023) / Executive Editor S.L.
Dudarev. Armavir: Design Studio B, 2023. 220 p.**

The collection publishes materials of the third scientific-practical conference “Vinogradov Readings”, dedicated to the 85th anniversary of the birth of an outstanding Russian archaeologist and Caucasian historian, Professor V.B. Vinogradov (1938–2012) and memorable dates from the history of the country, the main Armavir university and the Caucasian Studies School, held at the Armavir State Pedagogical University. The scientific interests of the scientist reflected his encyclopedic knowledge in the field of historical sciences: from the problems of archeology of the North Caucasus to Caucasian ethnography, historical regional studies of the North Caucasus, as well as world history and other sciences. This wide range demonstrates how outstanding abilities of V.B. Vinogradov, as well as his bright and rich experience as a university scientist. He always responded vividly to the interests of the student audience and was fully prepared to give young people interesting and exciting searches along the paths of humanitarian knowledge in higher education. As before, in the materials of this collection, the scope of various scientific searches by V.B. Vinogradov was reflected in the sections devoted to national and regional history, archeology and the general history of the North Caucasus. On the pages of this publication, academic and university scientists, museum staff, expeditions, undergraduates, students from the cities of Armavir, Moscow, St. Petersburg, Belgorod, Rostov-on-Don, Krasnodar, Pyatigorsk, Vladikavkaz, Makhachkala, Magadan, and other cities of Russia, as well as representatives of neighboring countries. They shared their memories of the scientist and some pages of the history of his School.

For employees of scientific institutions, university teachers, school teachers, teachers of secondary vocational schools, students.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ	
Ю.Ю. Клычников. «Он мне давай гору золоту и мне с ним не миривитца»: к оценке последствий возведения русской крепости на Тереке в 1567 году	7
Н.Н. Гарунова. Роль кизлярских комендантов в развитии торговли с феодалными владельцами Северо-Восточного Кавказа XVIII века	11
В.А. Матвеев. «...В единстве "Всех русских"»: наследие прошлого и дезинтегрирующие угрозы во второй половине XIX – начале XX века	15
Д.С. Дударев. О некоторых дискуссионных аспектах изучения феномена северокавказского люмьеризма	23
Р.М. Петросянц, И.И. Басов. «Ветви лавра на армавирских рублях»	28
А.А. Цыбулькиова. К вопросу о причинах провала планов генерала Н.Я. Кириченко по взятию села Ачикулак 1–2 ноября 1942 года	31
А.Л. Пелих, С.Н. Ктиоров. Первые опыты составления экскурсионных маршрутов по историческим местам округа Армавира	37
С.Н. Ктиоров, А.Л. Пелих. О ходе выполнения проекта «Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края»	42
АРХЕОЛОГИЯ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ	
А.Н. Коваленко. К вопросу о хронологии Ростовского городища	49
С.Л. Дударев, А.В. Пьянков. Находки боспорских статеров в поселке Мезмай	54
С.Л. Дударев, В.А. Бережная, М.С. Бобрышев, К.В. Скиба. Новые находки сабель эпохи раннего средневековья из Закубанья	55
Г.Н. Керцева (Вольная). Позднесредневековые серьги и височные привески Северного Кавказа: традиции изготовления и семантика	60
Т. Н. Нераденко. Археологические экспозиции музеев Черкасской области Украины	66
А.Ж. Арутюнян. Demonaх praefectus или Гисак Димаксян: миф или действительность?	75
Д. А. Волошин. Тема «Рим и древние германцы» в работах Э.ф. Витерсхайма и И.Я. Мюллера	80
С.С. Казаров. Влияние пирровой войны на экономическое, политическое и культурное развитие Рима в республиканский период	86

А.А. Шаруда. Из истории Римской Британии	90
С.Л. Дударев, К.В. Подымова. О судьбах женщин-воительниц Восточной Азии в средние века	92
Я. А. Капленко. Семиотико-культурологический анализ репрезентаций власти в источниках эпохи средневековья, на примере сочинения Эйнхарда «Жизнь Карла Великого»	100
А. А. Лашенко. Рауль V, граф Валуа и Вермандау: закат династии	102
И.А. Краснова. Противоречия в действии демократических институтов республики Флоренции в XIV – первой половине XV века	108
О. Якшина. Ценности рыцарского сословия по роману Кретьена де Труа «Персеваль или повесть о граале»	112
А. Е. Кихтенко. Методологические подходы изучения маскулинности на примере средневекового общества	117
В. Н. Ерохин. Споры об отношении к протестантской власти в английском католическом сообществе в конце XVI – начале XVII века	120
В.В. Назарова, С.В. Назаров. «Женомика» в современной Японии: проблемы и перспективы	126

ПО СТРАНИЦАМ СВЕРШЕННОГО

(о работе Школы В.Б. Виноградова в 2013–2023 гг.)

Подводя некоторые итоги, определяя перспективы (воспоминания о будущем) (2013–2018)	131
Анализ грантовой активности Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова в 2005–2017 гг.	138
Краткая информация о работе научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова за 2019 год (ко Дню российской науки)	140
О работе Кавказоведческой Школы в 2021 – первой половине 1922 года	142
О работе Центра археологических исследований	146
О Миссии Кавказоведческой Школы и не только	148
Нашего полку прибыло	151
Итоги	152

В.Б. ВИНОГРАДОВ И КАВКАЗОВЕДЧЕСКАЯ ШКОЛА В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧЕНИКОВ И КОЛЛЕГ

С.Б. Бурков. Научно-популярная и просветительская деятельность В.Б. Виноградова, ППАЭ и её развитие в авторских исследованиях	155
В.Б. Виноградов и Кавказоведческая Школа в воспоминаниях учеников и коллег	155
С.Л. Дударев. «Нам очень повезло, что он был рядом с нами столько лет...» (к портрету Виталия Борисовича Виноградова)	160
Н.Н. Великая. По волнам моей памяти	170
С.Н. Савенко. «Десятый кандидат», или «круглые» годы, дела и люди в судьбе Учителя	174
Н.М. Ерёмин. В.Б. Виноградов — друг, соратник и наставник!	184

А.А. Цыбульникова. Расскази мне «Акинак»...	187
Н.А. Гарунова. Два письма из прошлого.	190
С.Н. Лукаш. Мои встречи с Виталием Борисовичем Виноградовым.	192
С.В. Телепень. Разговоры и мысли.	196
С.В. Назаров, В.В. Назарова. Пока горит «свеча памяти», человек про- должает жить!	199
В.А. Фоменко. Андрей Петрович Рунич в 1982–1986 гг. Воспоминания о пятигорском краеведе	201
СТИХОТВОРНАЯ СТРАНИЧКА	
Владимир Байбик.	204
Людмила Хут.	206
Аэлита Буркова (Мирзоянц). Учитель (В.Б. Виноградову, Учителю мо- ему посвящается)	207
Сергей Савенко. К юбилею шефа (К 50-летию Виталия Борисовича Виноградова).	209
С. Дударев. У последней черты	211
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	213
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.	214

**Издание осуществлено за счет средств
ООО «Стальтрейд»**

Издательство «Дизайн-студия Б».

г. Ставрополь, ул. Краснофлотская, 88. Тел. (8652) 75-06-09.

Подписано в печать 24.01.2023. Формат 65 × 95 1/16.

Гарнитура Arial. Бумага 80 г. Усл. печ. л. 14,96.

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ИП Бочков В.Б.

Ставрополь, Маршала Жукова, 46. Тел. (8652) 333-131.

Под редакцией
профессора С.Л. Дударева

В сборнике публикуются материалы третьей научно-практической конференции «Виноградовские чтения», посвященной 85-летию со дня рождения выдающегося отечественного археолога и историка-кавказоведа, профессора В.Б. Виноградова (1938–2012) и памятным датам из истории страны, главного армавирского вуза и Кавказоведческой Школы, прошедшей в Армавирском государственном педагогическом университете. Научные интересы ученого отражали его энциклопедические знания в области исторических наук: от проблем археологии Северного Кавказа до кавказской этнографии, исторического регионоведения Северного Кавказа, а также всеобщей истории и других наук. Этот широкий спектр демонстрирует как незаурядные способности

В.Б. Виноградова, так и его яркий и богатый опыт вузовского ученого. Он всегда живо откликался на интересы студенческой аудитории и всесторонне был готов дать молодежи интересные и увлекательные поиски на путях гуманитарного знания в высшей школе. Как и ранее, в материалах данного сборника сфера разнообразных научных поисков В.Б. Виноградова получила отражение в разделах, посвященных отечественной и региональной истории, археологии и всеобщей истории Северного Кавказа. На страницах настоящего издания поместили свои работы академические и вузовские ученые, сотрудники музеев, экспедиций, магистранты, студенты из г. Армавира, Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Ростова-на-Дону, Краснодара, Ставрополя, Пятигорска, Владикавказа, Махачкалы, Магадана, и других городов России, а также представители ближнего зарубежья. Они поделились своими воспоминаниями об ученом и некоторых страницах истории его Школы.